С. ГУСЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КРАСНАЯ АРМИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

С. И. Гусев

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КРАСНАЯ АРМИЯ

СБОРНИК ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

(1918—1924)

4-2ns.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

Главлит № 32148. Гиз № 8824. АП. № 91. Тираж 7.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Пименовская улица, д. 1/16.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В настоящий сборник вошли лишь те статьи, которые, по мнению автора, не потеряли своего значения для настоящего времени. Следовало бы, как это обычно делается, написать к сборнику предисловие. Но обстоятельства сложились так, что одновременно с выпуском сборника автору пришлось высказать свои взгляды по основным вопросам нашего военного строительства в большой статье («Наши разногласия в военном деле»).

К этой статье автор и отсылает читателя.

Как строить советскую армию[1]).

I.

В вопросе об организации новой советской армии намечаются два противоположных, на первый взгляд, течения: течение «централистическое», идущее с верхов и напирающее на создание руководящих центров с широким привлечением в них военных специалистов и предоставлением им командных прав, и течение «демократическое», идущее с низов, отрицательно настроенное против приказов и назначений сверху, отстаивающее выборное начало и недоверчиво относящееся к военным специалистам из офицерства.

Если углубить это расхождение между течениями, если настаивать на нем, то можно притти к принципиальному разногласию по вопросу о том, как должна строиться советская армия. На деле же принципиального разногласия нет, ибо обе стороны, несомненно, согласятся на том, что советская армия должна строиться снизу, что в основу ее должны быть положены выборное начало и новая свободная, добровольная дисциплина.

Причины расхождения кроются в том, что перед Советской Россией в настоящий момент стоят **две различных задачи**. Первая задача—сейчас, сегодня же собрать хоть что-нибудь, **хоть какие-нибудь силы** для отражения белогвардейского натиска. Задача вторая—создать советскую **армию**, охватывающую весь пролетариат и все беднейшее крестьянство, армию, стоящую не только на уровне современных армий, но и способную превзойти их, пригодную для победоносного наступления против сил международного империализма.

Одно дело—наскоро «сколотить» отряды из еле обученных рабочих и крестьян, и совсем другое дело—по определенному плану серьезно обучить весь пролетариат и все беднейшее крестьянство военному делу, выработать новую систему формирования и снабжения советской рабоче-крестьянской армии и провести снизу доверху выборное начало.

---

[1]) Из „Ленинградской Правды“, апрель 1918 г.

Из различия этих начал вытекает различие и в способах их выполнения. Первая задача не терпит ни минуты отсрочки и требует быстроты и натиска, немедленного набора, быстрейшего обучения и скорейшего формирования. Тут не до выборов, тут некогда рассуждать и спорить о большей целесообразности того или иного деления на войсковые части. Приказ, назначение, немедленное и беспрекословное выполнение, мобилизация специалистов военного дела,—вот естественные, неизбежные и необходимые способы создания отрядов для отражения натиска белогвардейцев сегодня же. Вторая задача не требует такой скоропалительности и при существовании широко-разветвленной организации местных совдепов не только допускает, но и делает необходимыми, неизбежными и естественными совершенно иные приемы и методы. Вот в этом-то различии задач и методов их решения и коренится расхождение между двумя течениями в вопросе о создании советской армии.

Возьмите любой вопрос,—для примера, продовольственный,— и вы там легко найдете те же две различные стороны одной и той же задачи: правильной постановки продовольственного дела. Грандиозная разруха, созданная войной, требует широкого плана, рассчитанного на длительный период, по восстановлению разрушенного сельскохозяйственного производства и расхлябанного транспорта. Но голод не ждет и каждый день, каждый час предъявляет свой грозный ультиматум: «давай, иначе смерть». И тут уже не до широких планов, не до длительных периодов, нужно действовать экстренно, посылать во все концы особые продовольственные отряды, пускать в обмен на хлеб мануфактуру, железо и т. п. Переносить эту экстренность на выполнение широкой и длительной задачи по организации продовольственного дела было бы опасной ошибкой. Здесь нужны совсем иные приемы, совсем другие меры.

Понять различие способов решения двух различных задач— спешной организации отрядов для немедленного отражения белогвардейцев и планомерного созидания советской армии—значит устранить источник расхождения между «централистами» и «демократами». «Централисты» напирают на первую задачу и возводят методы решения этой первой задачи в единоспасающее средство, пригодное и для второй задачи. «Демократы» делают обратную ошибку и слышать не хотят о каком-либо централизме сверху, прилагая мерку, годную для широких и длительных задач, к экстренным задачам дня.

Истина вовсе не посредине, а в том, что для спешной организации отрядов сегодня же уместен, понятен, необходим централизм старого досоциалистического типа, держащийся на принудительной дисциплине, уместно, понятно и необходимо предоставление командных прав «военрукам» (военным руководителям), уместна, понятна и необходима система добровольческого набора и спешное обучение «в два дня». А для создания советской армии необходимым и естественным является центра-

лизм нового, социалистического, советского типа, естественно складывающийся добровольным соглашением снизу, необходимо и понятно длительное серьезное обучение для создания «квалифицированного» солдата, «полуофицера», необходимы и понятны добровольная дисциплина и выборное начало.

Нельзя, недопустимо «смешивать два эти ремесла», нельзя из-за крайней спешности «ухлопывать» все силы на первую задачу (а она из таких, которые в этом отношении отличаются поразительной прожорливостью). Обе задачи одинаково важны для настоящего момента. Но в конечном счете вторая задача, длительная и широкая, является решающей. Поэтому на нее следует уделить возможно большую часть сил. Только это условие может создать верную гарантию против тех опасных крайностей и увлечений централизмом досоциалистической эпохи, которыми, несомненно, чревато широкое применение труда безработных генералов и предоставление им командных прав.

Рядом с «временными бараками», наспех сколоченными, нужно теперь же строить прочное, постоянное здание новой, советской армии, с тем, чтобы как можно скорее бросить «временные бараки» и поселиться в крепком «железо-бетонном» здании.

II.

Что такое советская армия?

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» относительно дореволюционной французской армии замечает, что она была «военным слепком с абсолютизма». «Только такая революция, как французская,— говорит он,—которая экономически эмансипировала буржуа, и особенно крестьянина, могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения,—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представлявшую собой военный слепок с абсолютизма».

Вот таким «военным слепком» с советского строя только и может быть «советская армия».

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит над народом. Буржуазные армии, этот «военный слепок» с буржуазного строя, также оторваны от народа, противопоставлены ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоят над народом. В советском строе государственная власть есть власть самого народа, подавляющего большинства народа, рабочих и крестьянской бедноты. И советская армия, этот «военный слепок» советского строя, не может быть ничем иным, как армией народа, армией рабочих и беднейших крестьян. Эта армия не стоит над народом, между армией и народом нет границы, отдельно армии и народа не существует, армия и народ совпадают, рабоче-крестьянский «народ» целиком представляет собою советскую армию, советская армия представляет собою вооруженный рабоче-крестьянский «народ».

В буржуазном строе военная служба отделена и противопоставлена производительному труду и общественно-политической деятельности, замкнута в тесной и душной казарме, отрезана от народа стеной железной дисциплины. В советском строе военная служба протекает в свободных условиях общественной самодеятельности, сливается и переплетается в неразрывное целое с производительным трудом и всей общественной и политической работой пролетариата и крестьянской бедноты и строится на началах добровольной товарищеской дисциплины.

Советская армия, как «военный слепок» Советов, может развиваться, расти, укрепляться в прямой зависимости от роста и укрепления Советской власти. Поэтому расширение и укрепление Советской власти есть вернейшее средство к развитию советской армии. С другой стороны, развитие советской армии есть условие роста и укрепления Советской власти.

Подобно Советской власти, советская армия может строиться только с низов, на основе добровольно складывающегося централизма. Никакими приказами сверху Советы не создаются, никакими самыми строгими предписаниями не собрать ни единого советского отряда. Каждый окружной, волостной и уездный Совет принимает ближайшее участие в созидании советской армии. Каждый Совет на месте создает, в своей волости, в своем уезде, свой местный советский отряд, в который включаются все способные к ношению оружия местные рабочие и крестьяне. В городах такие советские отряды создают все более крупные заводы и фабрики, а более мелкие образуют соединенные отряды. Вообще в городах типы отрядов более разнообразны, чем в деревне, при чем инженерные, железно-дорожные и другие специальные части формируются по преимуществу в городах, где контингенты наиболее подготовлены по своим техническим знаниям к такого рода службе. При формировании отрядов, особенно специальных частей, необходимо иметь в виду создание «технического резерва» из женщин, который, в случае мобилизации, мог бы заместить рабочих на заводах и фабриках. Война 1914—1918 гг. показала, что женщины прекрасно справляются с простыми техническими работами. Такой же «сельскохозяйственный» резерв война вызвала к жизни и в деревне. Здесь нужно только стихийный процесс превратить в сознательную задачу, с которой вполне могут справиться крестьянские совдепы.

Через волостной, фабричный, заводский отряд должны пройти все способные к ношению оружия. Обучение военному делу в этих отрядах, представляя часть повседневной, обыденной работы, не должно останавливаться только на том, чтобы научить стрелять, самоокапываться и маршировать. Оно должно поставить себе целью создать «квалифицированного» солдата, «полуофицера», обладающего разносторонними специальными военными знаниями.

Энгельс в том же «Анти-Дюринге» указывает, что «организация и боевой метод армии, а вместе с тем успех и поражение последней зависят от материала человеческого и от оружия,

следовательно, от качества и количества населения и от техники». В современных войнах техника играет огромную роль. В этом отношении мы далеко отстали от империалистических стран и можем мечтать лишь о том, чтобы только догнать их. Но в человеческом материале в Советской России, по сравнению с империалистическими странами, имеется огромное преимущество. Армия «квалифицированных» солдат, построенная на сознательной, товарищеской (т.-е. социалистической) дисциплине, возможна только в советском строе. И создание такой армии, превращение безграмотного «мужика» в «полуофицера» есть не бо́льшая фантазия, чем привлечение «кухарки» к управлению государством.

Мы вступаем в целую эпоху войн, и поэтому создание такой квалифицированной армии «полуофицеров», вооруженных по последнему слову техники и способных побеждать «вооруженные до зубов» империалистические армии, нельзя оценивать с точки зрения ближайших задач, ближайших, завтрашних перспектив. Нужно на создание советской армии посмотреть шире, на долгий период империалистических войн и революций,—и тогда эта задача предстанет во всей ее широте и величии. Человеческий «материал», «качество и количество населения»—вот чем, при равной технике, может побеждать современная армия, вот тот путь, который освободит военное искусство от неподвижных, тяжеловесных, неуклюжих позиционных форм боя, представляющих «военный слепок» с капиталистического производства. Социалистическое производство, несравненно более свободное и гибкое, чем капиталистическое, откроет квалифицированной армии советских «полуофицеров», этому «военному слепку» социалистического строя, «свободные формы движения» (выражение Энгельса), которые обеспечат ей победу.

Широкое обучение военному делу, ставящее себе целью выработку из каждого рабочего, из каждого крестьянина «полуофицера», требует прежде всего создания обширного кадра опытных инструкторов, которые, разъехавшись по волостям, могли бы не только производить практическое обучение, но и читать ряд обязательных лекций по военному делу.

Создание кадра инструкторов—это первый предварительный практический шаг к всеобщему обучению военному делу. Вот тут нужно привлечь безработных профессоров и военных специалистов и засадить их за кафедру для чтения лекций инструкторам.

Волостные и фабрично-заводские отряды, уже обученные стрелковому делу, самоокапыванию, саперным и другим практическим работам и прослушавшие теоретический курс военных наук, время-от-времени, через известные промежутки, должны производить «пробные мобилизации». Пробная мобилизация—дорого стоящая штука, и потому капиталистические страны лишь весьма редко могут позволить себе такую роскошь. В советском строе, по мере обобществления производства, создаются материальные и моральные предпосылки для пробных мобилизаций.

Непосредственное участие в производительной работе коммуны приучает к постоянной общественной мобилизации производительных сил, а военная пробная мобилизация представляет собой *такую же* мобилизацию сил коммуны для военных целей.

Широкая возможность пробных волостных, уездных, городских и губернских мобилизаций—это колоссальное преимущество советского строя перед капиталистическим, которое выработает «свободные формы движения», несущие советской армии победу над империалистическими.

III.

Волостные, фабричные, заводские отряды, где все солдаты друг-друга хорошо знают, где все связаны непосредственной, товарищеской работой в производстве и общим участием в управлении местными делами, обладают той «внутренней спайкой», которой военные специалисты вполне справедливо придают огромное значение. Эта «советская» внутренняя спайка естественно вырастает из спайки, создаваемой обобществленным, коммунистическим производством, и, как небо от земли, отличается от внутренней спайки, достигаемой в буржуазных армиях длительным, казарменным обучением и совместной казарменной жизнью нахватанных с разных концов, чуждых друг-другу людей.

В волостном, фабричном, заводском отряде каждый солдат известен со всех сторон, изучен с детства его товарищами «до последней косточки», и отряд сумеет каждого солдата поставить на свое место и наилучшим образом использовать его личные способности. От такого «наилучшего использования»—один только шаг к выборному началу на командные должности, к сознательному безошибочному выбору командиров. Такие командиры, отчасти из инструкторов, отчасти из своих же местных товарищей, наиболее способных, а потому командируемых местным совдепом на специальные курсы, не стоят над солдатской «массой», не оторваны от нее и не отделены пропастью своих более высоких специальных знаний. Это—также не те «отцы-командиры», которые при случае «отечески учат» солдат палкою; это—командиры-товарищи, «лучшие из равных», нераздельно связанные с товарищеской средой своего отряда и пользующиеся глубоким уважением со стороны своих товарищей. На таких отношениях между командиром и частью естественно вырастает свободная, добровольная, товарищеская дисциплина, делающая ненужной, излишней «строгие» приказы и административные наказания против «ослушников». Всякий «ослушник», если бы таковой и нашелся, встретит суровое осуждение со стороны своих же товарищей.

Волостные, фабричные и заводские отряды являются основными войсковыми частями советской армии и объединяются в уездные отряды, уездные—в губернские, и т. д. Технические способы этого объединения, а также разделение на тактические единицы еще должны быть разработаны военными специалистами.

Но, несомненно, уездные, губернские и областные съезды, как общие, так и специальных частей, будут играть решительную роль в выработке наилучших приемов обучения, формирования и создания материальной части.

Деление на корпуса, дивизии, полки, батальоны и роты в общем и целом сохранится. Но уже из самого способа формирования советской армии снизу, на основе добровольной дисциплины и выборного начала, из отрядов, связанных крепчайшим цементом товарищеской внутренней спайки и состоящих из квалифицированных солдат-полуофицеров, с неизбежностью вытекает, что советские роты, батальоны, полки будут отличаться от тех же войсковых делений буржуазных армий в одном исключительно важном, решающем пункте. Это—несравненно большая самостоятельность тактических единиц, предоставление им широкой инициативы в выполнении оперативного плана. Военные специалисты давно уже бьются над этим вопросом, давно уже жалуются на недостаток инициативы в небольших войсковых делениях и изыскивают средства, чтобы поднять ее. Все их усилия разбиваются, однако, о тот факт, что в буржуазных армиях инициатива сосредоточивается исключительно в офицере (в лучшем случае, в хорошо обученном унтер-офицере), в военном специалисте, который отделен пропастью от «серой скотинки», от «чернорабочих» войны. С потерей офицера в бою часть лишается инициативы, теряется, становится бессильной, неспособной самостоятельно разобраться в обстановке боя. Не то, совсем не то в советской армии, армии квалифицированных солдат, в которой офицер—только «лучший из равных». Гибель офицера не лишает отряда инициативного руководства, ибо выбывший из строя лучший немедленно заменяется следующим «лучшим из равных», «кандидатом», который уже заранее намечен и избран товарищами.

Да и вообще руководящая инициатива офицера теряет свое решающее значение в отряде квалифицированных солдат, где каждый отдельный боец способен разобраться в боевой обстановке и тут же, на месте боя, под пулями, создать, в зависимости от изменившейся боевой обстановки, новый тактический план для проведения общеоперативного задания.

Какая гибкость, какая подвижность, какая изобретательность по сравнению с застывшими в исполнении «приказа», неподвижными, тупыми отрядами буржуазной армии. Здесь—свободное творчество на поле брани в широких пределах оперативной задачи, там—мертвечина, слепое исполнение непонятного приказа, низведение широкого оперативного плана до узенькой задачи продвинуться на сто сажен вперед, разрушив проволочные заграждения. Здесь—непрерывное и немедленное приспособление к непрерывно меняющейся, вследствие передвижений и маневров обеих сражающихся армий, обстановке боя; там—приказ, исходящий из неподвижной обстановки, предшествовавшей сражению, а, в лучшем случае, приходящий из далекого штаба с запозданием во время самого боя. Толстой в «Войне и Мире» довольно метко, хотя и чрезмерно преувеличенно, обрисовал бес-

толковщину, случайность и стихийность сражений. Вот эта самая бестолковщина и стихийность, в значительной мере корректируемая современными усовершенствованиями в осведомительной службе (телеграфы, телефоны, разведочные аэропланы), остается присущей современным буржуазным армиям. Стихийная, беспричинная паника, нередко охватывающая целые войсковые части,— только одна из форм проявления стихийности современного сражения. Советская армия, в которой каждый боец горит живым огнем инициативы, в которой каждый боец способен разбираться в сложной обстановке боя, гарантирована от паники, ибо стихийности и «игре вслепую» современного сражения она противопоставит высшую степень сознательности, дающей твердую, спокойную уверенность.

Колоссальная работа и колоссальная ответственность, лежащая в современной армии на командире корпуса или армии, совершенно превосходящая человеческие силы, требующая невозможного предвидения изменяющейся боевой обстановки длительного сражения, в советской армии распределяется по частям между более мелкими войсковыми делениями, которые избавляются от связывающего их по рукам и ногам детального «приказа» и получают новые, наиболее «свободные формы движения». Освобожденные от рутины, такие тактические единицы менее всего будут склонны к тому, чтобы «доставлять противнику удовольствие выступать в принятом боевом порядке» (Энгельс). Партизанская подвижность и гибкость, партизанская инициатива и внезапность в выполнении общей операции централизованно управляемой армии, изобретение новых боевых форм коллективным творчеством, «безумство храбрых», сознательно и свободно сражающихся за свое социалистическое отечество против принудительно согнанных и подхлестываемых сзади пулеметным огнем империалистических армий,—вот те огромные преимущества, которые приносит с собою изменившийся «человеческий материал» в советскую армию и которые обеспечивают ей верную победу.

Будем же, не жалея сил, строить нашу советскую армию. Все за работу!

Свияжские дни (1918 г. [1])

Еще по дороге из Москвы в Казань, в поезде тов. Троцкого, мы получили сообщение о том, что Казань взята учредиловцами, а наши части задержались на левом и на правом берегах Волги, верстах в 30 выше Казани по течению и впереди железнодорожного моста через Волгу.

Тяжелая обстановка, в которой оказалась юная Советская Республика (чехо-словацкое восстание, отрезавшее нас от сибирского хлеба, учредилка в Самаре, восстание в Ярославле, высадка англичан в Архангельске), властно предписывала быстрые и решительные меры обороны от неожиданно возникшей опасности, хотя о заговоре Антанты против нас мы знали до того очень мало. Вот почему появилась необходимость в поезде тов. Троцкого, вот почему ЦК партии в начале августа согласился на мобилизацию в Питере и Москве обширной группы ответственных товарищей, часть которых находилась в поезде тов. Троцкого.

В поезде были установлены строгие порядки: все обитатели поезда были снабжены винтовками и при сигнале тревоги обязаны были становиться у заранее намеченных пунктов. Пока мы доехали до Свияжска (а ехали мы медленно, так как по дороге приходилось подолгу останавливаться на крупных станциях для принятия решительных мер к тому, чтобы сломить саботаж железнодорожников), нам пришлось раз десять в разные часы дня и ночи вскакивать по тревоге со своих мест, хватать винтовки и становиться на свои места... Эти «пробные мобилизации», производившиеся по инициативе тов. Троцкого, привили обитателям поезда жесткую военную дисциплину, которая в ближайшие же дни оказала нам большие услуги.

Армию мы застали в Свияжске в состоянии большого развала. С одной стороны, это было результатом поражения в Казани и крайне беспорядочного отступления оттуда, а с другой стороны, мы еще не сумели к этому времени придать нашей армейской организации планомерность, стройность и законченность. Считалось, что в обеих группах—право- и лево-бережной—было

[1]) „Пролетарская Революция“, № 2 (25) 1924 г.

до 15.000 бойцов,—цифра «потолочная». Вероятно, было значительно меньше. А отдельных частей (полков) было несколько десятков. Среди этих многочисленных полков были некоторые, оставшиеся еще от старой армии (главным образом, латышские), по нескольку сот человек, были и полки партизанского характера, нередко в несколько десятков штыков. Часть этих полков находилась в состоянии разложения и отказывалась сражаться (напр., 4-й латышский полк, в котором, в виду его полной деморализации пришлось предать трибуналу председателя и члена полкового комитета—оба коммунисты). Остальные части, хотя и сражались, но нередко бежали пред немногочисленным, но активным и лучше организованным неприятелем. Снабжение армии находилось в беспорядочном состоянии: всего было вдосталь, нехватка была разве в артиллерии, и то лишь вначале, но организация питания частей серьезно хромала.

Штаб был малочислен и состоял из усердных, честных, но слабых работников. Политический отдел, разведка, трибунал состояли из работников, которые еще не имели никакого опыта в работе и частенько попадали впросак.

Общее состояние свияжской группы войск (превращенной затем в 5-ю армию) в начале августа можно было кратко определить так: неверие в свои силы, отсутствие инициативы, пассивность во всей работе и отсутствие дисциплины сверху донизу.

Приезд тов. Троцкого внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захолустную станцию Свияжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней и на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди—верстах в 15—частях армии почувствовали, что произошел какой-то крутой перелом.

Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, самовольщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свияжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани.

За 25 дней была сделана огромная работа, но для того, чтобы превратить части 5-й армии в действительно боевые части (скажем, в такие, какими они были, когда переваливали через Урал), нужно было проделать работу не меньшую, если не большую. Главный результат 25-дневного сидения на станции Свияжск—это тот, что части, отступавшие и бегавшие от неприятеля, части, почти сплошь терпевшие до этого поражения, были превращены в части, смеющие и умеющие побеждать, в части, поверившие в себя, в части, усвоившие основы воинской дисциплины и отказавшиеся от партизанщины. Обучены же они были плохо, команд-

ный состав имели весьма слабый, ошибок делали великое множество и победы свои покупали весьма дорогой ценой.

Таким образом, поскольку дело касалось человеческого материала, он был за этот период «морально» улучшен.

Значительные улучшения были произведены и в материальной части: приведена в порядок организация снабжения, быстро сколочен волжский флот, сыгравший в дальнейших операциях восточного фронта важную роль, и, наконец, организована небольшая воздушная флотилия.

Последние меры имели для нашей победы под Казанью, пожалуй, даже большее значение, чем моральный подъем частей 5-й армии. Впрочем, и для того, чтобы организовать волжский флот и наши воздушные силы, пришлось потратить немало сил на внедрение дисциплины в личный состав их. Неприятельский флот был значительно слабее нашего, воздушных же сил у него совсем не было, если не считать единственного аэроплана, который неудачно сбросил две плохие самодельные бомбы, а у нас было не то 6, не то 8 аэропланов, большой запас бомб, миноносцы и дальнобойные морские орудия на железных баржах. Ни миноносцев, ни дальнобойных морских орудий у неприятеля не было. Рассказывали, впрочем, что Каппель, которого учредиловцы расхваливали на все лады, придумал способ прикреплять тяжелые 6-дюймовые гаубицы на обыкновенных баржах. Эти слухи шли из наших «морских» кругов, но подтверждения не получили. Сообщение об этом изобретении Каппеля было даже напечатано в казанских белых газетах, но именно потому, что об этом открытии очень шумели, можно было с уверенностью сказать, что это—выдумка, специально для того, чтобы подбодрить свои и устрашить наши части.

Отношения между нашим сухопутным командованием и речным флотом не были точно установлены. Хотя формально флот в оперативном отношении и был подчинен сухопутному командованию, но вначале он проявлял большую «самостийность» и нередко предпринимал самостоятельные операции, не сообщая даже о них в штаб армии, находившийся от флотского штаба всего в одной версте. Такое положение повело к ряду осложнений. Улучшение произошло лишь с приездом тов. Раскольникова. Впрочем «самостийность» волжской флотилии, которая нередко проявлялась и позже, имела своим источником также и особые трудности в тактическом употреблении объединенных сухопутных и речных сил. В военной истории такое тактическое сочетание встречается не часто и разработано слабо. Кое-что можно найти по этой части в американской гражданской войне. В истории нашей гражданской войны мы имели два наиболее типичных случая такого сочетания сил, когда наши сухопутные части наступали по обоим берегам реки, а флот продвигался по реке вместе с ними. Первый раз это было под Казанью, второй раз—при нашем наступлении на Колчака вдоль Камы (от устья Вятки до устья Белой), причем по правому берегу двигалась вторая армия, по левому—пятая, а между ними шла волжская флотилия.

Под Казанью дело было проще, так как у станции Свияжск имелся железнодорожный мост, позволявший маневрировать сухопутным силам путем их переброски с одного берега на другой. Кроме того, под Казанью право- и лево-бережная группы были объединены единым армейским командованием, находившимся вблизи от фронта и имевшим непосредственные сношения с речными силами. Значительно труднее была задача (и,—надо тут же сказать,—она была выполнена гораздо хуже) при наступлении вдоль Камы. По каждому берегу наступала отдельная армия, а между ними шла не подчиненная ни той, ни другой флотилия (да и подчинить-то ее нельзя было). Объединение действий второй и пятой армии и флотилии происходило в штабе фронта (Симбирск), естественно, очень отдаленном от боевого фронта, а потому неминуемо запаздывавшем со своими указаниями. Здесь не место подробно останавливаться на этой организационно-тактической проблеме, но чтобы не оставлять вопроса на полпути, небесполезно будет использовать случай и предложить любителям сложных тактических задач следующее ее решение на основании положительного опыта под Казанью и отрицательного на Каме. Примыкающие своими флангами к берегам реки части, наступающие вдоль нее, вместе с речной флотилией, находящейся между ними, должны быть объединены под общим командованием в отдельное тактическое соединение, подчиненное фронтовому командованию. Продвижение вдоль реки производится путем постоянного равнения приречных флангов и полного согласования действий флотилии с продвижением сухопутных частей. С разрешения командования флотилия может предпринимать вылазки против неприятельской флотилии с целью ее полного или частичного уничтожения, принимая, однако, самые серьезные меры к тому, чтобы не напороться на установленные неприятелем на берегу реки так-называемые «кинжальные батареи». С армиями, идущими вправо и влево от такого тактического соединения, «седлающего» реку, держится крепкая связь в целях выравнивания флангов и прочного обеспечения стыков.

До 29 августа на обоих берегах и на реке происходил ряд боев, большею частью оканчивавшихся для нас неудачно. Особенно было плохо на левом берегу, где противник систематически обходил наш левый фланг, висевший в воздухе, и этим заставлял наши части, не раз продвигавшиеся успешно вперед, отступать на исходные позиции. Эта угроза левому флангу и опасность быть припертой к железнодорожному мосту или же быть отброшенной в непроходимые леса создавала в лево-бережной группе неустойчивость, нервность и чрезмерное опасение за свой фланг и тыл. На правом берегу наш правый фланг также висел в воздухе, но,—потому ли, что здесь неприятель обходов не предпринимал (ибо ему здесь гораздо важнее было удержать сильную, господствующую над Казанью позицию на Услоне), или же потому, что штаб 5-й армии находился на правом берегу и что отступать здесь можно было по более заселенным местам,—части наши здесь стояли значительно тверже и спокойнее. Да и части

здесь подобрались получше. Вот почему командование 5-й армии высказалось, вопреки мнению Вацетиса, за наступление по правому (а не по левому) берегу для овладения Услоном, после чего неприятель уже не мог держаться в находящейся на противоположном берегу Казани. Дальнейший ход операций вполне оправдал нашу оценку.

Надо сказать, впрочем, что забота о правом фланге не оставляла пишущего эти строки, и, в целях «освещения» его, к берегу Волги, южнее позиции право-бережной группы, было направлено несколько разведчиков (исключительно коммунистов, которые произвели обследование этого района по разным направлениям и решительно ничего не обнаружили. А между тем, через несколько дней именно из этого района Каппель, сделавший десант на правый берег Волги с 1.200 бойцами и тремя орудиями, начал свое наступление на станцию Свияжск, где находился штаб армии, в тыл верст на 15—20 обеим группам, право- и лево-бережной. Разведка была произведена чересчур рано и не была во-время повторена. Надо было все время держать там разведчиков.

Наступление Каппеля[1]) на станцию Свияжск—самое крупное по своему значению военное событие этого периода. Если бы Каппелю тогда удалось взять Свияжск, разгромить штаб (который в лучшем случае мог спастись только на судах нашей речной флотилии, при чем он оторвался бы полностью от армии) и захватить мост через Волгу, наша право-бережная группа была бы окончательно разгромлена и рассеяна, а лево-бережная, в лучшем случае, рассеялась по лесам. Путь на Нижний был бы открыт, а там уж недалеко и до Москвы. Республика оказалась бы перед еще большими военными трудностями, чем под Казанью. Вот почему бой у станции Свияжск 29-го августа 1918 г.[2]) имел огромное значение. И если всей предшествовавшей работой были как в личном составе армии, так и в материальной ее части подготовлены условия для будущей победы под Казанью, то бой под станцией Свияжск был тем переломным моментом, после которого можно было сказать: «Теперь инициатива попала в наши руки, теперь мы прекращаем оборону и переходим в наступление, теперь неприятель на-время не в силах ничего предпринять против нас и вынужден только обороняться». Удачный налет нашей речной флотилии на Казань в ночь на 29-е августа, потопившей несколько неприятельских судов, только усилил значение боя у станции Свияжск.

Особенность этого боя в том, что силы, выставленные нами против Каппеля, подошедшего в ночь на 29-е августа на 3—4 версты к станции Свияжск, были значительно слабее неприятельских сил. Мы имели в непосредственном распоряжении штаба в бли-

---

[1]) Полковник ген. штаба Каппель—командир одного из лучших учредиловских кавалерийских отрядов, впоследствии генерал колчаковской армии и командир корпуса („каппелевцы").

[2]) Об этом бое см. книжку тов. Г. Устинова „Трибун революции", Москва, 1920 г., стр. 10—16, а также статью т. Л. Рейснер в № 18—19 „Пролетарской Революции".

жайшем районе один только питерский рабочий полк (600 человек), очень слабо обученный и ни разу еще не бывавший в бою. Кроме того, за ночь,—после того, как обнаружилось, что в ближайших к штабу селах засел неприятель,—мы быстро сформировали отряд моряков с флотилии в 100 человек и несколько мелких отрядов из обозников, оберегавших обозы своих полков на станции. Таких отрядов было сформировано 5—6, не одинакового численного состава (30—60 человек). В общем число наших бойцов доходило до 1000, обучены они были гораздо хуже, чем каппелевцы. Таким образом, почти несомненной была победа Каппеля, у которого, как уже сказано, было 1.200 человек, обученных лучше, чем наши части, имевших правильную организацию и хороший комсостав и много офицеров в рядах и, наконец, возглавляемых одним из самых ученых и талантливых генштабистов, Каппелем. И, однако, Каппель был в течение 7—8 часов боя разбит и спешно отступил, даже не преследуемый нашими частями. В чем же дело? Как это случилось?

Случилось это потому, что Каппель не дал себе ясного отчета, какую задачу он себе ставит: прочное ли овладение мостом через Волгу и выход в тыл нашей армии с тем, чтобы перерезать единственную линию, соединяющую ее с глубоким тылом (Нижний—Москва), или же только партизанский налет с целью разгрома штаба и истребления запасов с тем, чтобы затем убраться во-свояси назад. Для первой, серьезной задачи силы Каппеля были явно недостаточны. Как бы внезапно и неожиданно ни было сделано его наступление (30—35 верст от берега Волги, т.-е. утомительный дневной переход), Каппель должен был рассчитывать, что мы успеем подтянуть достаточные силы с левого берега. Для второй же задачи—партизанского налета—он явно был перегружен пехотой (кавалерии у него было всего около 100 сабель) и обозами на крестьянских телегах, которые крайне замедляли его продвижение и почти лишали возможности маневрировать. Вся операция в том и в другом случае висела на ниточке, ибо сообщение Каппеля с Волгой решительно ничем не было обеспечено.

Неясность замысла Каппеля явно выразилась в том, что днем 28-го, почти за 16 часов до начала боя под Свияжском, одна из его частей, имея одну пушку, сделала налет на соседнюю станцию Тюрлема (22 версты от ст. Свияжск) и взорвала там поезд с артиллерийскими снарядами. Понятно, что об этом через четверть часа стало известно в штабе. Это нападение на ст. Тюрлема было совершенно излишне в обоих случаях,—и в случае попытки серьезного и прочного овладения мостом, и в случае партизанского налета на штаб. В первом случае, уже после захвата ст. Свияжск и прочного овладения мостом, Каппель мог десятки раз успеть взорвать ст. Тюрлема, чтобы воспрепятствовать подходу наших подкреплений из Москвы. Во втором случае (партизанский налет) взрывать Тюрлему совсем уже не к чему было. Более того: это было вредно для его же операции, ибо взрывом он давал нам сигнал: «Иду на вы, готовьтесь». Этим внезапность нападения на ст. Свияжск полностью уничтожалась.

Возможно, что Каппель рассчитывал, что взрывом ст. Тюрлема и перерывом железнодорожного сообщения 5-й армии с Москвой он вызовет в штабе панику. Но и это был совершенно неправильный расчет: во-первых, нельзя строить расчеты на трусости и глупости противника, во-вторых, кроме железнодорожного пути у штаба имелась связь по Волге, обеспеченная сильной военной флотилией.

Впрочем, Каппелю могло помочь то, чего он менее всего ожидал: наше командование отнеслось к нападению на ст. Тюрлема очень легковесно и поверхностно... «Взорвали поезд со снарядами и уйдут». Вопреки моим упорным настояниям, командование не согласилось перебросить с левого берега бригаду Панюшкина (а времени хватило бы) и пошло на уступку лишь в отношении бронепоездов: один бронепоезд был подтянут с левого берега к ст. Свияжск. Это было часов в 7 вечера. Наступила черная, холодная августовская ночь. А часов в 9 в штаб стали непрерывно поступать сведения из многочисленных соседних деревень о появлении там неприятельских частей. Это—после утомительного дневного перехода—неприятель стал подходить к ст. Свияжск и располагаться на ночлег. Еще одна ошибка Каппеля: расчет времени был произведен неверно. Надо было остановиться верстах в 7—8, а на рассвете начать наступление. Между тем, подход к намеченному ночлегу в крайне густо населенной местности, темной ночью, привел к большой путанице, особенно потому, что вся местность вокруг Свияжска покрыта многочисленными деревнями, расположенными одна от другой на расстоянии 1—2 верст и среди этих деревень многие носят одинаковые названия да еще в двойном комплекте, ибо на-ряду с татарскими деревнями там есть русские деревни того же названия.

В результате части Каппеля перепутались, ночевали не там, где было указано, некоторые роты заблудились в темноте, а в одном случае дело дошло даже до перестрелки между ними. Местами было так, что каппелевские роты ночевали ближе к Свияжску, чем наши части, и, проснувшись утром, увидали у себя в тылу наших красноармейцев. А увидеть неприятеля у себя в тылу всегда неприятно. Словом, вместо стройной, обдуманной операции получилась какая-то неразбериха. К тому же ночью пошел «осенний мелкий дождичек», и многочисленный обоз Каппеля увяз в ужасающей грязи.

В таких условиях Каппелю не могла помочь высокая генштабистская ученость, и его победили наши совсем необученные обозники. Победили, несмотря на то, что петроградский рабочий полк, расстреляв сгоряча все патроны, сбежал с позиции, бросился к Волге, захватил пароход и начал требовать, чтобы его везли в Нижний. Оставшиеся на позиции 300 обозников и 100 моряков проявили чудеса инициативы и храбрости, а регулярные роты Каппеля, лишившиеся вследствие создавшейся неразберихи правильного управления, «сдрейфили» и к 11 часам дня начали в беспорядке отступать. О преследовании, конечно, нечего было и думать (будь бригада Панюшкина налицо,—а через день она

все же была переброшена на правый берег,—Каппелю не удалось бы унести ног).

В штабе во время боя сохранялось полнейшее спокойствие, несмотря на то, что неприятель находился в какой-нибудь версте, снаряды рвались невдалеке, а пули с пытливым жужжанием нащупывали, где тут сидят «красные». Но авто-санитарные отряды и политотдел панически бежали на Волгу.

Бой обозников против генштабистов был выигран, благодаря ряду благоприятных случайностей, но наша победа была еще нам самим не ясна, и, несмотря на наступившие в 12 часов дня затишье («перерыв на обед», как шутили в штабе), лихорадочная работа в штабе продолжалась. Формировались новые отряды, посылались на позицию патроны, подвозились подкрепления с левого берега, и т. д. А в это время под огромным обрывом, внизу, на берегу Волги, шли суд и расправа над трусами. Петроградский рабочий полк был ссажен (под угрозой потопления) с парохода, и созданный тут же полевой трибунал приговорил к расстрелу каждого десятого. В числе расстрелянных были и коммунисты (командир и комиссар полка и другие). В тот момент когда этот расстрел был произведен, и в той обстановке, в какой он был произведен, это была безусловно правильная и необходимая мера. Этот расстрел красной кровавой чертой подводил итог предшествовавшему партизанскому хаотическому периоду существования Красной армии и был последней переходной ступенью к регулярной дисциплине.

На следующий день, 30-го августа, поезд Троцкого отошел в Москву, вследствие получения известия о покушении на тов. Ленина. Впрочем, после боя 29-го августа, в Свияжске нечего было уже больше делать. Победа 29-го августа предрешила быстрое взятие Казани.

Война гражданская и война партизанская [1]).

У нас нередко смешивают и отождествляют войну гражданскую и войну партизанскую. Несомненно, между ними есть большое сходство, но есть и такие существенные различия, которые необходимо установить с полной ясностью, чтобы избегнуть некоторых опасных ошибок.

В чем сходство между гражданской и партизанской войной? В том, что обе представляют разновидности так-называемой «малой войны», т.-е. войны, которая ведется небольшими по сравнению с большими регулярными армиями, вооруженными отрядами, которые в силу своей малой численности приобретают большую подвижность, гибкость, быстроту и смелость действий и имеют возможность пренебрегать военными мерами предосторожности по обеспечению флангов и охране тыла и базы. Эти небольшие вооруженные отряды создаются наскоро, главным образом, добровольно, плохо обучены, слабо оформлены, весьма разнообразны по своему внутреннему устройству, не имеют правильного пополнения и так же легко распадаются, как и создаются.

В чем различие между гражданской и партизанской войной?

Партизанская война ведется против иноземного завоевателя, среди населения, которое на 99 сотых сочувствует партизанам и поддерживает их. Весь народ в целом является базой партизанских отрядов.

Гражданская война есть война классов, раскалывающая народ на два непримиримо враждебных лагеря. Вооруженные отряды обеих сторон действуют среди населения, часть которого горячо поддерживает их, а другая смертельно ненавидит. Таким образом, в гражданской войне каждый вооруженный отряд, будучи партизанским отрядом, поддерживаемый одной частью народа, в то же время, по отношению к другой части народа, выступает в роли чужеземного завоевателя.

Партизанская война одностороння, так как иноземный завоеватель в чужой стране не может, в свою очередь, вести парти-

[1]) „Правда“, № 201, 1918, сентябрь.

занскую войну. Гражданская война есть двусторонняя партизанская война, в которой каждая из двух воюющих сторон одновременно является и партизаном, и завоевателем.

Партизанская война, как вспомогательная к «большой войне», т.-е. к действиям больших, регулярно, правильно организованных армий, может пользоваться только партизанскими методами (лихой налет на фланги и тыл завоевателя, с целью нанести ему побольше вреда и беспокойства, утомить и ослабить, но не разгромить и уничтожить его). Гражданская война, как двусторонняя партизанская война, вынуждает обе стороны, наравне с партизанскими методами, пускать в ход приемы «большой войны», свойственные регулярным армиям. В гражданской войне нет строгого разделения сил на регулярные и вспомогательные, и действия вооруженных отрядов приобретают самостоятельное, самодовлеющее значение. Гражданская война с этой точки зрения представляется регулярной («правильной») войной нерегулярных («неправильных») отрядов, которые комбинируют приемы и «большой», и «малой» войны.

В партизанской войне забота о флангах, тыле и базе стоит на далеком месте. Гражданская война, поскольку она является партизанской, может и должна быть столь же беззаботной насчет флангов и тыла. Поскольку гражданская война есть война между двумя огромными армиями (двумя классами), поскольку эта классовая война превращается, в переносном смысле в «большую» войну, поскольку в отдельных случаях и отдельных пунктах военные действия приобретают характер действий регулярных армий, постольку гражданская война обязана проводить энергичные меры по охране флангов и тыла, как в узком тактическом, военном, так и в широком, стратегическом, гражданском значении слова.

Гражданская война несравненно шире, глубже, богаче, разнообразнее, чем партизанская, как по своим целям (не только утомление и истощение противника, но и прямое уничтожение его), так и по своим приемам (не только «критика оружия», т.-е. чисто-военные действия, но и «оружие критики», т.-е. усиленная агитация, вовлекающая отсталые слои класса в войну). Гражданская война—это соединение «большой» и «малой» войны плюс колоссальная политическая работа, плюс огромная, даже по сравнению с самыми крупными регулярными армиями, организация разведки.

Гражданская война требует поэтому максимума искусства в сочетании приемов «большой» и «малой» войны, в зависимости от обстоятельств, без перегибания палки в ту или другую сторону, без одностороннего увлечения прочными, но тяжеловесными методами «правильной» войны и быстрыми, но непрочными приемами партизанства. Индиферентизм части населения, не примыкающей ни к той, ни к другой стороне, стратегическая важность объекта борьбы, географические и топографические условия, характер и расположение путей сообщения, иноземное вторжение и ряд других обстоятельств могут сильно видоизменить

пропорцию», в которой должны быть сочетаемы приемы «большой» и «малой» войны, иногда до решительного преобладания одних приемов над другими.

В казанской операции, где борьба идет за стратегически важные пункты (жел.-дор. мост через Волгу и известный поворот Волги на юг, владение которым открывает советским войскам свободное движение до Самары), партизанские действия оказались на 3-м плане, и противник, дважды обжегшись на них, вынужден был перейти к «правильным» действиям (наступление 4 сентября). Такие же «правильные» действия наблюдаются и в некоторых других районах, главным образом, вдоль железнодорожных путей. Там же, где железнодорожные пути слабо развиты, действия приобретают по преимуществу, и даже почти исключительно партизанский характер.

Тов. Гончаров, работавший в одном из таких бедных путями районов, разрешил мне воспользоваться его докладом, из которого и приводятся нижеследующие выдержки:

«Свергнуть ненавистный совдеп», воевать против него в пределах своей деревни, у себя дома, всякий кулак согласен; такое сражение носит для него характер расправы с членами местного совдепа... Такое «сражение», как восстание и свержение местного совдепа, не страшит его: слишком хорошо он знает слабость противника. В одних случаях кулачества в селении среди постоянных жителей (без батраков) большинство; в других он правильно рассчитывает на индиферентизм большой части крестьянства, и, наконец, в третьих случаях ему часто удается создать большинство путем агитации среди темных несознательных крестьян (односельчан и соседей). Словом, кулак чувствует себя дома в безопасности. Но пойти воевать, хотя бы даже в соседнюю волость,—это уже поход, это уже война, это уже не развлечение, не удовлетворение личного желания, а потому в огромном большинстве случаев кулак уже не пойдет: он не хочет никакой войны, она причиняет ему беспокойство, не давая сейчас же никакого барыша, да еще подвергая опасности его драгоценнейшее здоровье». «Белогвардейцы» не рассчитывают на длительную основательную победу над Советской властью своими силами... отечественной буржуазии вообще и кулачества в частности; они ставят своей задачей лишь помочь своим главным силам,—силам своих иностранных империалистических союзников... Они ограничиваются лишь разрушительной работой, они ставят себе целью лишь дезорганизовать органы Советской власти и их деятельность, рассчитывая таким путем разрушить жизнь страны... Для достижения такой цели им самим нет надобности прочно занимать какие-либо пункты, поэтому они направляются в такие места, где Советская власть слаба. Ведут там агитационную подготовку, вербуют кадры кулачества и юнкерства, а местами и фронтовиков и затем на подготовленной почве организуют восстание, свержение Советской власти и разрушают работу, расстреливая и сжигая одних работников и тем терроризуя остальных. Затем отправляются в другое место, производят там свою гнусную

работу и снова дальше. После их ухода кулаки, буржуазия, попы остаются господствовать под угрозой возврата башибузуков. Белогвардейцы делают гнусное, предательское дело по отношению к рабочим, красноармейцам, бедноте, но делают это не как единичное преступление, а как метод ведения войны... Белая гвардия принуждает нас вести массовый террор против буржуазии в ответ на их массовый террор против рабочих, деревенской бедноты и красноармейцев. До сих пор мы применяли террор только к контр-революционерам явным и как единичное явление, теперь мы должны подвергнуть террору всю буржуазию, все кулачество, все юнкерство и ввести террор в систему, как метод войны. Учись у врага,—говорит пословица. При этом методе ведения войны, при методе покорения путем массового террора, вопрос об инициативе действий приобретает такое значение, какого он еще никогда не имел. В самом деле, вся суть сводится к тому именно, кто овладел инициативою, так как там, где произойдет белогвардейское восстание, где свергается Советская власть, там терроризуется все население, сочувствующее Советской власти, а за ним и вся индиферентная часть населения. Если же мы истребим там врагов Советской власти раньше восстания, мы дадим опору нашим сторонникам и терроризуем кулачество. Поэтому необходимо взять инициативу в свои руки.

До сих пор дело обстояло таким образом, что мы посылали свои части лишь туда и лишь постольку, поскольку это необходимо было для подавления уже возникшего восстания. Сейчас нам нужно перейти к тому, чтобы посылать отряды повсюду и узнавать, где и кто именно является противником Советской власти и подвергать таких змей, пригревшихся на рабоче-крестьянской груди, беспощадному уничтожению. Это—единственный способ сразу и в корне уничтожить желание контр-революционного восстания и, следовательно, и содействие таким восстаниям»...

Замечания тов. Гончарова глубоко верны по отношению к таким районам, где по местным условиям о регулярной войне не может быть речи. Там действительно белогвардейцы применяют описываемую тов. Гончаровым тактику. В других районах, более важных и более «оборудованных» в стратегическом отношении, они не ограничиваются мимолетными восстаниями с целью дезорганизации, но стремятся к прочному закреплению.

Предлагаемые тов. Гончаровым конкретные мероприятия должны быть распространены и на те прифронтовые участки, где ведется регулярная война. Район Заволжья (левого берега Волги) беден путями, и если местами там боевые действия складываются в регулярную войну, то промежутки между ними должны быть заполнены сетью партизанских действий. На правом берегу Волги путей несравненно больше, но «промежутков» также достаточно. И единственное средство обеспечить широко, в стратегическом смысле слова, фланги и тыл—это усиленные партизанские действия, инициатива которых, как вполне правильно указывает тов. Гончаров, должна перейти к нам, и которые

должны поставить себе целью истребление и устрашение кулачества, организацию комитетов деревенской бедноты и широкую политическую агитацию за Советскую власть.

Для этой задачи необходимо создание особых отрядов, по преимуществу кавалерийских, с горными орудиями и пулеметами, иногда, если дороги позволяют, с присоединением посаженной на грузовики пехоты, с группой агитаторов и организаторов и с запасом литературы.

Тов. Гончаров предлагает такой план действий для этих отрядов:

«Намечается маршрут карательной экспедиции, во главе с политическим комиссаром, обладающим полномочиями Революционно-Полевого Трибунала. Отряд на всем пути своего следования производит суд и расправу со всеми врагами Советской власти. Маршрут каждого отряда должен быть кольцом: отряд проходит маршрут от места своего постоянного пребывания и в конце пути снова приходит к этому месту. Здесь получает отдых, и снова на борьбу за укрепление рабоче-крестьянской власти. Отряды идут в тесной и постоянной связи с соседними и соединяются, в случае надобности, для совместных действий».

Конечно, этот план не единственный. Он может видоизменяться в зависимости от условий.

Несколько слов в заключение. Мне пришлось недавно писать о чрезмерном тяготении нашего командования к методам регулярной войны, приводящим к медленности и тяжеловесности наших действий, и о необходимости использовать дух партизанства, широко распространенный в наших частях. Теперь мне приходится предостеречь от излишнего уклонения в сторону партизанства.

Гражданская война—самая трудная и сложная война. И только умелое, своевременное, соответствующее обстоятельствам, сочетание методов «большой» и «малой» войны может уберечь нас от опасных ошибок.

Александр Михайлович Чеверев [1]).

Коротенькая телеграмма из Уфы принесла горестное известие о смерти тов. А. М. Чеверева: «Чеверев 2 октября в Уфе умер от отравления испорченной рыбой». Вот и все.

Еще недавно я видел тов. Чеверева в Москве, полного энергии, стремившегося поскорее добраться до родной Читы, чтобы там приложить «на новых местах» богатейший опыт военной работы, полученный им в рядах Красной армии. Ее величество «глупая случайность», щадившая Чеверева в ряде опасных боев и в худшем случае преподносившая ему ранения в разные части тела (изранен он был весьма основательно), подсунула ему кусок гнилой рыбы,—и все планы Чеверева были сведены на-нет. Как жаль, что он так рано умер. Как много он еще мог бы сделать.

Сухая официальная анкета сообщает, что Чеверев родился в 1887 г., окончил оренбургское 3-классное городское училище, работал затем долгие годы в качестве монтера-деревообделочника, в 1908 г. вступил в Р.С.-Д.Р.П. (большевиков), в 1909 г. был судим военно-полевым судом в Оренбурге за восстание 14-го Казачьего полка и был лишен воинского звания и сослан на каторгу (последнее усматривается из анкеты лишь косвенно, но память меня, кажется, не обманывает). Февральскую и Октябрьскую революцию тов. Чеверев проводит, судя по анкете, в Уфимской губ., где он был председателем военной секции и затем начальником (по выбору) уфимского отряда Красной гвардии. Затем тов. Чеверев последовательно занимал в Красной армии должности полкового командира, командира бригады, начальника дивизии и военкома бригады.

Вот краткие, неточные сведения «о прохождении службы тов. Чеверевым. Будь они, впрочем, в десять раз полнее и точнее, они все же не дали бы понятия о той кипучей энергии, о той огромной настойчивости, силе воли, смелости, инициативности, какими был наделен тов. Чеверев.

---

1) „Политработник" 1921 г., № 15.

Мое знакомство с ним относится к сентябрю 1918 г. Встретились мы с ним в такой обстановке. 5 или 6 сентября, т.-е. еще до взятия нами Казани, часть РВС 2-й армии в числе двух его членов (меня и В. И. Шорина) выехала из Вятки в с. Вятские Поляны (у пересечения Казанбургской дороги с р. Вяткой) с задачей принять решительные меры к восстановлению распавшейся и разложившейся 2-й армии. Путешествовать нам пришлось в течение 5—6 дней на пароходике вниз по Вятке и чем дальше, тем все больше встречались нам признаки распада и разложения, носившие на себе все следы партизанского вырождения армии. Только о двух отрядах имелись более благоприятные сведения; об отряде тов. Азина, который наступал на Казань с востока, и об отряде Чеверева, который был отрезан от штаба 2-й армии и сражался в районе к югу и юго-западу от Ижевска.

На месте, в с. Вятские Поляны, мы застали 2—3 сотни партизан, совершенно разложившихся, не желавших сражаться, не признававших дисциплины, бежавших при первом выстреле. Не без труда, путем довольно свирепого нажима, удалось привести их в порядок. Через несколько дней подошел отряд мензелинцев, 500—600 чел., который также пришлось дисциплинировать и «приводить в христианский вид». Главные силы 2-й армии были, однако, у Казани (1.500 чел. под командой Азина) и в районе Ижевска (2.000 чел. под командой Чеверева). С Азиным связь вскоре удалось установить, а затем вскоре появился и он сам, со своим отрядом, так как Казань уже была взята. Доходившие до нас слухи об Азине были весьма неблагоприятны, и действительно первое впечатление подтвердило, что Азин—безудержный, анархистски настроенный партизан, и что отряд его, понятно, равняется по командиру. Здесь уже нельзя было вышибить партизанщину одним сильным ударом. Приходилось изживать ее медленно, пуская в ход то сильнодействующие средства, то дипломатию.

Совсем другое впечатление произвел тов. Чеверев, отряду которого вскоре удалось пробиться и соединиться с нами. Это тоже был партизан. Но между ним и Азиным было огромное различие. Азин не видел вреда партизанщины и не понимал недостаточности своих военных знаний. Чеверев уже на небольшом опыте командования двухтысячным отрядом учуял своим пролетарским инстинктом Ахиллесову пяту партизанщины и понял, что без знаний нельзя командовать.

Неоднократно он приходил на пароход, где помещался штаб 2-й армии, и беседовал со мной и с Шориным.

«Главная беда,—частенько повторял он,—что не знаем, как командовать. Во фланг?! А как ударить во фланг,—этого-то и не знаем. Эх, если бы только уметь хоть немного, всю бы эту сволочь живо расколотил! Учиться, учиться надо».

И он с жадностью слушал каждое указание Шорина (а Азин делал вид, что ему и без Шорина все это прекрасно и давно известно).

— Так, так... Ага... Вот, вот... Правильно,—поддакивал Чеверев Шорину.

В ближайших же операциях обнаружилось, что Чеверев способный ученик, и в бою под Ижевском полк Чеверева проявил себя наиболее стойким из всех частей, наступавших на Ижевск, а сам Чеверев почувствовал, как он вырос за какие-нибудь полтора месяца под влиянием Шорина. На устроенном после взятия Ижевска параде он мне говорил об этом.

Все же эти успехи не удовлетворяли его и вскоре после окончания Ижевско-Воткинской операции он стал проситься в академию генерального штаба.

Пребывание его в академии было непродолжительно, что-то около 2-х месяцев, а затем он бежал от мертвящей схоластики преподавания, царившей там.

«Артиллерию начинают с персидского или греческого катапульта,—жаловался он мне. — На чорта мне катапульт, ежели гражданская война разгорается с каждым днем. Дьявол их забери вместе с их катапультом».

И Чеверев вновь ринулся в ряды Красной армии, прошел вместе с ней далеко на восток, затем оказался на Кавказе и вдруг вынырнул в Москве в качестве полномочного представителя Дагестанской республики.

За три с лишним года существования Красной армии выдвинулось много рабочих и крестьян, обнаруживших недюжинные военные дарования. И среди них тов. Чеверев был, несомненно, один из наиболее выдающихся, одаренных, энергичных, преданных и притом один из самых скромных. Он выбыл раньше срока из строя, но заместители ему уже выросли, и место его в рядах Красной армии недолго будет вакантным.

Красная армия.

(К годовщине ее образования).

Год назад по поводу декрета Совнаркома о создании регулярной рабоче-крестьянской Красной армии кадетская газета «Наш Век» («Речь») писала:

«Создание имеет свою логику, и одной из основ ее является принятие опыта, установленного всем миром, признание тех норм, которые выработались в течение веков».

В переводе с «высокоштильного» профессорски-щеголеватого языка на простой язык эта фраза означала: новая армия создается на старых началах. И газета не без удовольствия перечисляла эти старые начала: «Создание особых руководителей, которым подчиняются все войска данного района, назначение командного состава, введение определенной дисциплины».

Быть-может, у матерого кадета, писавшего эту статью, теплилась надежда на основе новой армии, создаваемой на старых началах подчинения и дисциплины, восстановить разрушенный буржуазный строй.

Ведь, пытался Керенский повторить Наполеона, ведь, Корнилов «чуть-чуть» не разыграл русского Галифе.

Во всяком случае кадетская газета понимала, что «без выработанных в течение веков» норм никакую армию построить невозможно. В этом у «Речи» было большое преимущество перед теми коммунистами, которые не понимали этого и полагали, что новая армия либо совсем не нужна («революционная армия—бессмыслица, революционная война должна вестись без армии»,—доказывал тогда один из видных коммунистов), либо должна существовать только в форме повстанческих партизанских отрядов (левые эсеры, которые проповедуют это до сих пор).

Впрочем, у «Речи» было и другое преимущество: понимание классового характера новой армии. Казалось бы, чего проще? Буржуазия и кулаки изгоняются, армия состоит только из рабочих и крестьян (рабоче-крестьянская Красная армия), а между тем, некоторые товарищи-коммунисты не видели этого главного и основного отличия новой армии от старой, позабывали

о нем и кричали о том, что Красная армия есть не более как воссоздание старой армии. Да и теперь, после годичного опыта, есть немало горе-коммунистов, повторяющих вместе с левыми эсерами эти благоглупости.

Классовая армия! Рабоче-крестьянская армия! Для кадетской «Речи» это было совершенно неприемлемо, и она всячески старалась опровергнуть идею классовой армии, как совершенно ложную и неверную.

«В основе современной организации армии,—писала она,—даже в самой демократической ее форме, лежит идея гражданина и отечества («общего для всех отечества», как сказано в другом месте статьи). Все граждане равны перед этой идеей отечества, все обязаны защищать родину, независимо от партийной и классовой принадлежности».

Старую лицемерную и лживую теорию о беспартийности армии, созданную для обмана армии и народа, «Речь» противопоставила идее классовой рабоче-крестьянской армии.

Декрет Совнаркома поставил вопрос о Красной армии с совершенной ясностью и категорической определенностью: не «общее для всех отечество», в котором господство принадлежало капиталистам и помещикам, пролетариат и крестьянство были угнетены и подавлены, а «социалистическое отечество», в котором господство принадлежит пролетариату и крестьянству, буржуазия и помещики угнетены и подавлены. Не «общеклассовая» армия, служащая буржуазии и помещикам и защищающая «общее для всех отечество», а классовая армия, служащая пролетариату и крестьянству и защищающая социалистическое отечество.

Именно в этом, а не в организационных формах и не во внутренних отношениях в армии (подчиненность, дисциплина), коренное, принципиальное отличие Красной армии от всех буржуазных армий. Приходится повторять эту азбуку, твердить зады, потому что недавно именно полное непонимание этой простой и ясной истины, привело, в связи с известным ограничением прав партийных арганизаций в армии, к возрождению давно уже, казалось, похороненного течения, которое, в лице тов. Каменского и Сорина, нашло своих идеологов. Будь это только идеологическое течение, не стоило бы о нем и говорить. Но это течение имеет сторонников среди «молодых» коммунистов; это течение питается мелкобуржуазным анархизмом наименее сознательных красноармейцев, враждебных дисциплине и видящих в ее восстановлении возрождение старой армии; это течение под мелкобуржуазный анархизм части красноармейцев и мужицкую подозрительность пытается подвести «научный» фундамент («захват армии офицерами», «бонапартизм»). А самое главное, агитация представителей этого течения, пускающих в ход демагогические приемы и лозунги, заимствованные у левых эсеров, уже сказалась на фронте самым разлагающим, дезорганизующим и деморализующим образом. (На этот счет имеются многочисленные факты последних дней).

Это течение было понятно год назад, при переходе от добро-

вольчества к принудительной воинской повинности, при переходе от партизанских отрядов к регулярной армии, при переходе от выборного начала к назначению командного состава, при переходе от преследования старого офицерства к его привлечению в ряды Красной армии. Переход был труден, даже старым, «видавшим виды» партийным работникам нелегко было «переломить» себя. Но теперь-то у нас, ведь, есть год опыта, «революционный», т.-е. колоссально длинный и невероятно богатый опытом год.

Теперь уже можно поставить и раз навсегда решить вопрос, какую армию мы имеем: старую, буржуазную, «общеклассовую», осуществляющую диктатуру буржуазии и помещиков, или новую, социалистическую, классовую, осуществляющую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства?

Что такое социалистическая армия? Да позволено мне будет ответить на этот вопрос довольно длинными выдержками из моих же статей, помещенных в «Петроградской Правде» в марте—апреле 1918 года, т.-е. тогда, когда у нас еще не было опыта построения новой армии, когда, следовательно, вопрос мог ставиться и решаться только теоретически и довольно-таки наивно. Эти выдержки покажут, как тогда ставился вопрос о Красной армии другим течением, горячо ратовавшим за создание регулярной классовой рабоче-крестьянской армии. В годовщину Красной армии это небезынтересно и небесполезно припомнить.

Вот эти выдержки:

«Энгельс в своем «Анти-Дюринге» относительно дореволюционной французской армии замечает, что она была «военным слепком с абсолютизма». «Только такая революция, как французская,—говорит он,—которая экономически эмансипировала буржуа, и особенно крестьянина, могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения,—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представляющую собой военный слепок с абсолютизма».

Вот таким «военным слепком» с советского строя только и может быть советская армия.

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит **над** народом. Буржуазная армия, этот «военный слепок» с буржуазного строя, также оторвана от народа, противопоставлена ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоит **над** народом. В советском строе государственная власть есть власть самого народа, подавляющего большинства народа, рабочих и крестьянской бедноты. И советская армия, этот «военный слепок» с советского строя, не может быть ничем иным, как армией народной, армией рабочих и беднейших крестьян. Эта армия не стоит над народом, между армией и народом нет границы, отдельно армии и народа не существует, армия и народ совпадают, рабоче-крестьянский «народ» целиком представляет собою советскую армию, советская армия представляет собою вооруженный рабоче-крестьянский «народ».

В буржуазном строе военная служба отделена и противопоставлена производительному труду и общественно-политической деятельности, замкнута в тесной и душной казарме, отрезана от народа стеной железной дисциплины. В советском строе военная служба протекает в свободных условиях общественной самодеятельности, сливается и переплетается в неразрывное целое с производительным трудом и всей общественной и политической работой пролетариата и крестьянск и

бедноты и строится на началах добровольной, товарищеской дисциплины.

Советская армия, как «военный слепок» Советов, может развиваться, расти, укрепляться в прямой зависимости от роста и укрепления Советской власти».

Как же строится советская армия?

«Каждый окружной, волостной и уездный Совет принимает ближайшее участие в создании советской армии. Каждый Совет на месте создает, в своей волости, в своем уезде, свой местный советский отряд, в который включаются все способные к ношению оружия местные рабочие и крестьяне. В городах такие советские отряды создают все более крупные заводы и фабрики, а более мелкие образуют соединенные отряды.

Через волостной, фабричный и заводский отряд должны пройти все способные к ношению оружия. Обучение военному делу в этих отрядах, представляя часть повседневной, обыденной работы, не должно останавливаться только на том, чтобы научить стрелять, самоокапываться и маршировать. Оно должно поставить себе целью создать «квалифицированного» солдата, «полуофицера», обладающего разносторонними специальными военными знаниями.

Энгельс в том же «Анти-Дюринге» указывает, что «организация и боевой метод армии, а вместе с тем успех и поражение последней зависят от материала человеческого и от оружия, следовательно, от качества и количества населения и от техники». В современных войнах техника играет огромную роль. В этом отношении мы далеко отстали от империалистических стран и можем лишь мечтать о том, чтобы только догнать их. Но в человеческом материале в Советской России, по сравнению с империалистическими странами, имеется огромное преимущество. Армия «квалифицированных» солдат, построенная на сознательной, товарищеской (т.-е. социалистической) дисциплине возможна только в советском строе. И создание такой армии, превращение безграмотного «мужика» в «полуофицера» есть не бо́льшая фантазия, чем привлечение «кухарки» к управлению государством.

Мы вступаем в целую эпоху войн, и поэтому создание такой квалифицированной армии «полуофицеров», вооруженной по последнему слову техники, способной побеждать «вооруженные до зубов» империалистические армии, нельзя оценивать с точки зрения ближайших задач, ближайших, завтрашних перспектив. Нужно на создание советской армии посмотреть шире, на долгий период империалистических войн и революций,—и тогда эта задача предстанет во всей ее широте и величии. Человеческий «материал», «качество и количество населения»—вот чем, при равной технике, может побеждать современная армия, вот тот путь, который освободит военное искусство от неподвижных, неуклюжих позиционных форм боя, представляющих «военный слепок» с капиталистического производства. Социалистическое производство, несравненно более свободное и гибкое, чем капиталистическое, откроет квалифицированной армии советских «полуофицеров», этому «военному слепку» социалистического строя, «свободные формы движения» (выражение Энгельса), которые обеспечат ей победу.

Волостные и фабрично-заводские отряды, уже обученные стрелковому делу, самоокапыванию, саперным и другим практическим работам и прослушавшие теоретический курс военных наук, время-от-времени через известные промежутки должны производить «пробные мобилизации». Пробная мобилизация—дорого стоящая штука, а потому капиталистические страны лишь весьма редко могут позволить себе такую роскошь. В советском строе, по мере обобществления производства, создаются материальные и моральные предпосылки для пробных мобилизаций. Непосредственное участие в производительной работе коммуны приучает к постоянной общественной мобилизации производительных сил, а военная пробная мобилизация представляет собою т а к у ю ж е мобилизацию сил коммуны для военных целей.

Широкая возможность пробных волостных, уездных, городских и губернских мобилизаций—это колоссальное преимущество советского строя пред капиталистическим, которое выработает «свободные формы движения», несущие советской армии победу над империалистическими».

«Свободные формы движения» новой армии должны явиться в результате: во-первых, крепчайшей внутренней спайки в частях армии, основанной на добровольной сознательной дисциплине и на самом способе формирования частей из людей одной местности, хорошо знающих друг-друга с детства и по общей работе в коммуне, и, во-вторых, широкой инициативы как отдельных людей, так и самых мелких частей на поле сражения, основанной на высоком уровне военных знаний среди «квалифицированных» солдат новой армии. Это было подробно развито в одной из последующих статей, где усиленно подчеркивалось, что только новые «свободные формы движения» социалистической армии дадут возможность военному искусству «выпутаться из колючей проволоки позиционной войны», «из мрачных сырых окопов выйти на свежий воздух полей сражения».

«Старая армия принудительно сколачивалась и держалась только палкой, новая армия будет скреплена сильнейшим внутренним цементом—сознательным добровольным подчинением. Старая армия составлялась из солдат, которые были пригодны лишь на самую простую, грубую, черную работу стрельбы и рытья окопов, а над этими «чернорабочими» возвышались богатые (не всегда и не везде) специальными военными познаниями офицеры. Солдат новой армии должен быть хорошим специалистом, «квалифицированным рабочим» войны, «полуофицером», если так можно выразиться, как «полуинженерами» являются высококвалифицированные рабочие на заводах и фабриках.

Трудна задача создать такую армию, но она должна быть выполнена. Только армия, построенная на этих новых началах, способна наносить поражения армиям прежнего, «буржуазного» типа.

Специально вопросу о новой дисциплине была посвящена отдельная статья. Вот наиболее существенные выдержки из нее:

«Что же такое социализм и в чем главное его отличие от капитализма? Прежде всего в планомерной организации общественного производства. Анархии, отсутствию плана, беспорядочности капиталистического производства, при которой каждый производитель ведет производство в своих частных, особых интересах, социализм противопоставляет планомерность общественного производства, учет и контроль, регулирование и направление его в интересах всего общества. Анархия капиталистического производства кладет свой отпечаток на все буржуазное общество, на все проявления его жизни. Анархизм глубоко враждебен дисциплине, и именно потому буржуазная дисциплина немыслима без принуждения. Анархичный по самому существу своему, буржуазный строй «дисциплинируется», «держится в руках» колоссальнейшим аппаратом принуждения (постоянное войско, полиция, бюрократия).

Планомерность социалистического производства делает принуждение ненужным. Предпосылка и неминуемое следствие социалистически организованного производства—социалистическая, т.-е. добровольная, не нуждающаяся ни во внешнем, ни во внутреннем принуждении, свободная дисциплина.

Буржуазная и социалистическая дисциплина в корне противоположны друг-другу.

Социалистической армии, в полном и действительном значении этого слова, мы в настоящее время, конечно, создать не можем. Для нее нет фундамента, базы—социалистического производства. Но новая армия не будет и не может быть буржуазной армией, она не может целиком строиться на тех началах, которые выработаны и установлены буржуазной военной наукой. Социалистическую добровольную, свободную дисциплину в новой армии установить теперь невозможно, ибо социалистическая дисциплина вырастает на основе социалистической сознательности, но и на старой буржуазной дисциплине ее строить немыслимо.

Получается противоречие, но не большее, чем в любой задаче, стоящей пред Советской властью».

Уже из последней выдержки видно, что план построения новой армии не предлагался к немедленному осуществлению в полном объеме. Основная мысль всех статей—постепенный рост и развитие новой армии и социалистической дисциплины, а также выборности, по мере роста и развития социалистического строя. Но чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений, этому вопросу была посвящена особая статья, в которой доказывалось, что в данный момент (а все статьи писались под свежим впечатлением февральского наступления германцев) мы вынуждены наспех «сколачивать» хоть какие-нибудь силы, привлекать «военруков» и «военспецов», вводить старую дисциплину, отступая во многом от наших социалистических добрых пожеланий в организации армии так же, как мы отступали от них в других областях государственного строительства.

Итак, год назад по вопросу о Красной армии и нашей военной политике существовало в нашей партии два течения; одно течение было против регулярной армии и за партизанские отряды, против назначения на командные должности и за выборное начало, против военной дисциплины и выполнения приказов и за обсуждение их и митингование. Характерной чертой этого течения было то, что оно не видело классового характера Красной армии.

Другое течение в основу построения Красной армии ставило именно ее классовой характер и, не отрицая выборного начала и добровольной дисциплины в качестве социалистических пожеланий, считало, что лишь постепенно, по мере развития социалистического строя и социалистической сознательности, создадутся предпосылки для осуществления этих начал в армии.

Посмотрим же, что нам говорит год революционного опыта, какое течение этим опытом оправдано, какую армию мы имеем: старую «общеклассовую», или новую, «классовую»?

Слово предоставляется фактам.

Факт первый. Наша Красная армия есть рабоче-крестьянская армия. Отдельные случаи проникновения в ее ряды кулацких сынков, пролезающих туда благодаря неполной налаженности работы военкоматов, не меняют этого основного факта. Огромное большинство Красной армии—крестьяне (беднота и середняки), но возглавляется она во всех своих мелких и крупных частях рабочими-коммунистами и сочувствующими. Несколько десятков (если не сотен) тысяч рабочих-коммунистов и сочувствующих рассеяно в

рядах Красной армии (напр., в одной из армий зарегистрировано более 10 тысяч коммунистов). Эти коммунисты образуют партийные ячейки в ротах и полках, постепенно завоевывающие влияние в широких красноармейских массах, занимают все посты комиссаров, а также значительное количество командных должностей (в упомянутой только-что армии до 50% командных должностей занято коммунистами, относительно других армий сведений нет, но там также немало коммунистов-командиров; при этом число занятых коммунистами командных постов неизменно возрастает). Почти половина командиров дивизий и командующих армиями—коммунисты. Далее, все армии имеют политические отделы, которые ведут широкую культурно-просветительную и политическую работу, имея для этой цели кадр агитаторов-коммунистов, газеты, брошюры и филиалы в дивизиях и полках. Наконец, на должности комиссаров тыл отрядил огромный кадр лучших, старых, опытных работников-коммунистов.

Таким образом, Красная армия имеет преобладающий крестьянский состав, но держит ее в руках рабочий класс. Поэтому название «рабоче-крестьянская армия» вполне соответствует действительному ее составу и классовому характеру.

Недостатки Красной армии (недостаточно выраженный классовый характер, неустойчивость, слабая дисциплина, недостаточно крепкое владение ею со стороны коммунистов) коренятся именно в крестьянском составе. Но поскольку крестьянская беднота все быстрее переходит, а среднее крестьянство начинает переходить на точку зрения пролетариата, постольку Красная армия все более и более проявляет свой классовый характер, становится все более дисциплинированной, крепкой, устойчивой и сознательной и все более закрепляется в руках коммунистов. За год существования это направление развития Красной армии можно нащупать с завязанными глазами.

По сравнению с одним этим фактом, жалким смехотворным лепетом являются утверждения некоторых товарищей, именующих себя «левыми коммунистами», будто Красная армия есть возрождение старой армии.

Факт второй. Красная армия осуществляет диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, подавляя «внутренние» кулацкие и белогвардейские восстания и защищая наше социалистическое отечество против международной буржуазной контрреволюции. Цели войны в большей или меньшей степени сознаются подавляющим большинством красноармейцев. Именно в силу понимания этих целей, а не потому, что их «гонят» на войну, как это было в старой армии, красноармейцы защищают свое социалистическое отечество. Аксельродовские сказочки о диктатуре большевиков *над* пролетариатом и *над* крестьянством, о том, будто бы большевики только силой штыков держат власть в своих руках, рассеиваются как дым при первом близком знакомстве с красноармейцами. Сила большевиков—в сознательности «штыков».

Таким образом, и с этой точки зрения Красная армия есть

классовая рабоче-крестьянская армия, сознательно осуществляющая диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

И поистине, без гомерического смеха невозможно слушать причитания «левых коммунистов» о бонапартизме, угрожающем Советской Республике со стороны нескольких тысяч старорежимных офицеров, влитых в Красную армию.

Факт третий. Красная армия есть армия регулярная. Весь первый год существования Красной армии проходил под знаком отказа, отрешения от партизанства и от партизанских нелепостей.

На девять десятых эта работа уже проделана. Мы имеем правильно организованную, более или менее дисциплинированную (во всяком случае несравненно более дисциплинированную, чем партизанские отряды), выполняющую определенные широкие оперативные планы по указаниям правильно организованных штабов (а не мелкие разрозненные действия повстанческого характера партизанских отрядов, действующих по собственному почину) армию. В этом пункте пришлось выдержать наиболее упорную борьбу не только с идеологами партизанства, в роде левых с.-р., но и с анархо-партизанскими наклонностями среди широких кругов красноармейцев (в том числе и с самовольными реквизициями и с насилиями против «нейтральных» жителей). С этой стороны Красная армия, имеющая уже правильно функционирующие ротные и полковые суды, начинает приближаться к правильным армиям. Преступность все же на некоторое время останется достоянием Красной армии, как это, впрочем, было во всех прежних регулярных армиях.

Наконец, Красная армия, подобно всем регулярным армиям, получает обученные пополнения из тыла и имеет уже широко разветвленные аппараты снабжения, которые с каждым днем развивают свою работу и идут на снабжение не только армии, но и голодающего тыла.

Последняя работа только начинается, но не подлежит сомнению, что она будет выполнена при содействии Красной армии.

Факт четвертый. Красная армия—в значительной степени армия добровольческая. Это может показаться парадоксом, но это только парадоксальный факт. В самом деле, подумайте только: в стране, измученной, разоренной и истощенной четырехлетней войной, в стране, которая год-полтора назад пережила тяжелый процесс разложения заживо старой армии, в стране, где свирепая ненависть к государственной власти в широких слоях народа воспитывалась столетиями невероятного гнета, а ненависть к военной службе и к войне была доведена до белого каления проклятой четырехлетней войной, в стране с огромным большинством крестьянского населения, всего два года назад вырвавшегося из-под самодержавной диктатуры и доведшего методы мелкобуржуазного анархизма до последней черты, в стране, где декреты приходилось проводить в жизнь силой оружия, в стране, где новая государственная власть имела (вопреки утверждениям Аксельрода и Русанова) очень слабый аппарат принуждения,—при отчаянном голоде и железнодорожной разрухе, в грозе и буре гражданской

войны, создается большая армия, которая одерживает победы над многочисленными врагами и неуклонно растет в своей силе.

Разве принудительно, из-под палки, без добровольного молчаливого согласия был бы возможен этот факт? Вспомните, как проводились первые мобилизации. Митингами, агитацией, листовками. Конечно, были случаи отдельных восстаний при объявлении мобилизации, но это были именно случаи, по преимуществу в кулацких районах.

Вспомните о большом проценте дезертиров и о слабости местных органов Советской власти в борьбе с этим злом, которая только теперь начинается. Ведь, эта слабость так велика, что *все* мобилизованные имели бы возможность дезертировать. И, однако, не дезертируют, однако, добровольно, сознательно, а вовсе не из страха наказания остаются в армии и сражаются.

Кстати о дезертирстве. Если факт дезертирства доказывает, что недезертиры остаются в армии добровольно, то из этого вовсе не следует, что дезертирство идет из-за нежелания сражаться. Дезертируют по преимуществу из тыловых частей и по преимуществу из-за голода. При этом значительная часть дезертиров *дезертирует на фронт*, где выше паек и денежное довольствие, и где легче прикупить продукты.

Вспомните, наконец, что в течение зимы Красная армия ведет совершенно небывалую в летописях военной истории зимнюю кампанию, в неслыханно трудных условиях, среди глубоких снегов, при 30—40° морозах. Статистическая справка лучше всего обрисует эти трудности: число обмороженных превышает число заболевших, раненых и убитых, взятых вместе. И это при условии, что красноармейцы снабжены теплой одеждой, валенками и теплым бельем.

Итак, Красная армия—в значительной степени армия добровольческая. Это парадоксальный факт, так как год тому назад мы решительно отказались от добровольчества и перешли к принудительной воинской повинности. Год существования Красной армии, однако, доказывает, что развитие ее шло двумя противоположными, но встречными путями: усилением принудительности вместе с усилением принудительного аппарата и усилением «добровольчества» вместе с поворотом беднейшего и среднего крестьянства на сторону пролетариата. Без этого встречного «добровольческого» течения, исключительно силой принуждения, никогда не выросла бы такая обширная армия, какая у нас есть в настоящее время. По сравнению со старой Красная армия развивается в сторону добровольной, сознательной дисциплины, делающей все более ненужным принудительность. Элементы этой добровольной дисциплины, хотя и в недостаточно развитом виде, уже имеются налицо в Красной армии.

Факт пятый: всеобщее военное обучение. Военная история еще не знает подобного примера, если не считать первобытных племен, у которых весь народ владел оружием и сражался. Как и во многих других областях, наша Социалистическая Республика делает в этом деле первый шаг. И хотя всеобщее военное

обучение поставлено слабо и проводится еще не везде, но его значение, как первой ступени к созданию армии «квалифицированных» солдат, армии «полуофицеров», поистине огромно. Никогда в истории не было еще случая распространения военных навыков и знаний в таком грандиозном масштабе, никогда не было такой жажды военных знаний, никогда не создавались кружки для изучения военных наук, и не было такого спроса на военную литературу со стороны глубоко «штатских» людей. Никогда не было, чтобы для «широкой публики» читалось так много лекций по военным вопросам. А те тысячи коммунистов-рабочих, которые практически изучают военное дело на полях сражений,—разве они не являются частью обучающихся кадров для инструкторских курсов?

Результаты всеобщего военного обучения мало осязательны, невидимы и пока, по сравнению с нашими стремлениями и задачами, очень невелики, но безотносительно они очень велики. У нас уже есть обширный, хотя и слабо обученный, резерв, который в случае необходимости может быть быстро мобилизован. Резерв этот растет, и степень его обученности повышается. В этом направлении шло развитие в течение первого года существования Красной армии.

Факт шестой. Об офицерах, о «военспецах». Факт заключается в том, что несколько тысяч «старорежимных» офицеров были привлечены в ряды Красной армии и заняли в ней командные посты от высших до низших (от командарма до ротного командира), а также ответственные посты в штабах. Военный Комиссариат сделал решительно все, что от него зависело, чтобы поставить их работу в наиболее благоприятные условия, и потребовал от них только одного,—чтобы они добросовестно работали. И подавляющее большинство работало добросовестно. Мне пришлось работать в двух армиях и в трех штабах, начиная с августа 1918 года, я перевидал несколько сот офицеров, как кадровых, так и военного времени, как опытных и знающих, так и малоопытных и малознающих, как талантливых, так и не блещущих талантами, как усердных, так и с «ленцой», но все работали, каждый по своим способностям. А многие работали, не покладая рук, недосыпали, недоедали, многие вместе с своими частями переносили невзгоды боевой жизни, героически сражались и героически умирали.

Были случаи измены и перехода к белогвардейцам. Но, по-видимому, они малочисленны. По крайней мере, из лично мне известных офицеров, занимавших ответственные посты на фронте (за остальными я не имел возможности уследить), мне неизвестно ни одного случая измены и перехода на сторону белогвардейцев.

Далее. Несомненный факт, что среди красноармейцев подозрительное отношение к офицерам и в частности к штабам сильно изменилось в сторону большего доверия. Многие офицеры сумели «поладить» с красноармейцами и внушить к себе доверие.

Не довольно ли фактов? Не пора ли перейти к выводам?

История бесповоротно осудила сторонников партизанства, выборного начала («левых» коммунистов и левых эсеров). История насмешливо прошла мимо их бешеных воплей против восстановления в армии военной дисциплины.

Целым рядом фактов, значение которых они не сумели уразуметь, она опровергла все их мрачные предвещания. Они кричали о возрождении старой буржуазной армии, а история им преподнесла новую, социалистическую армию. Они предостерегали от бонапартизма, а история поставила их лицом к лицу перед армией, осуществляющей диктатуру класса. Они кричали о захвате Красной армии офицерами, а история ответила захватом офицерства Красной армией.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Через невероятные трудности, преодолевая неслыханные препятствия, в небывало тяжелых условиях, шла вперед Красная армия. Год «бешеной» революционной работы неопровержимо подтвердил правильность взятого курса. Теперь пора покончить разговоры о курсе: курс был правилен и нужно продолжать тот же курс с еще большей твердостью и решимостью.

Симбирск, 23 февраля 1919 г.

О военном положении республики.

(Доклад на заседании Московского Совета Р. К. и К. Депутатов [1]).

Крестьянство с нами.

Мы сейчас присутствуем при начале конца гражданской войны. Есть много признаков, которые с несомненностью подтверждают это мое утверждение. Если мы оглянемся на год войны, который мы пережили, мы увидим, что в течение этого года, по существу, шла борьба за крестьянство, борьба против кадетов и меньшевиков за влияние на крестьянство. И теперь мы можем сказать, что мы подходим к концу этой борьбы. Есть множество признаков, доказывающих, что в настоящее время крестьянство в основной своей массе произвело окончательный выбор между кулаком и пролетарием и решительно стало на сторону последнего. Посмотрите на партии меньшевиков и эсеров, именно, на те партии, которые отражают мелкобуржуазные иллюзии нашего среднего крестьянства на счет того, что можно обойтись без борьбы и, не воюя, дойти до того же самого, к чему стремимся мы. Посмотрите на них, и вы увидите, что они отказались от своих взглядов, стали на сторону пролетариата и проповедуют борьбу против Деникина, Колчака и Юденича. Это—наиболее верный признак того, что мелкая буржуазия и среднее крестьянство перешли на нашу сторону.

Но есть и другие признаки. Год или полгода назад на восточном фронте, в Пермской и Вятской губ. и частью в Западной Сибири, крестьянство целиком стояло на стороне Колчака. Теперь же мы видим, что среди пермского, вятского и сибирского крестьянства настроение целиком в нашу пользу. Если в прошлом году в частях, занятых Колчаком, ждали прихода красных, а в частях, занятых нами, ждали белых, теперь везде ждут прихода только Красной армии.

Гражданская война, которую мы вели в течение этого года,

---

[1]) «Известия», № 242/794, от 29/X 1919 г.

является невиданной в истории. Мы знаем примеры гражданской войны в Северной Америке, в революционной Франции во время Великой Французской Революции. Но только в такой чисто-крестьянской стране, как Россия, создались условия, когда каждая из воюющих сторон вынуждена была принудительно втягивать в свои ряды нейтральную крестьянскую массу. Но теперь все крестьянство добровольно перешло на нашу сторону, оно целиком на нашей стороне, и это наилучшим образом подтверждает, что мы приближаемся к концу гражданской войны.

Пролетариат за нас.

Посмотрите на результаты партийной недели, которая была организована по всей России. Они еще раз подтверждают, что самые широкие слои пролетариата, которые до сих пор были беспартийными или находились под влиянием эсеров и меньшевиков, теперь перешли на нашу сторону. В наши ряды вливаются официально десятки тысяч беспартийных рабочих, но и вся остальная масса пролетариата, которая была подчас враждебна нам, теперь на нашей стороне. Вот тот сдвиг, который произошел в течение последнего полугодия среди всего крестьянства и пролетариата. И вот почему я еще раз повторяю, что мы находимся при начале конца гражданской войны. Несомненно, что вся социальная база, на которой пытались создать свою постройку белогвардейцы, уходит из-под их ног.

Достаточно теперь крепко ударить Деникина, чтобы он окончательно разложился.

Перелом наступил.

Мы близки к концу борьбы и с другой стороны, со стороны военной. Мы можем сказать, что мы теперь испытали на себе последнее напряжение сил со стороны наших врагов. Деникин мобилизовал буквально все, что можно было мобилизовать. Деникин прибег к той самой мере, к какой прибег Колчак, но в гораздо более широких размерах и в более сильной степени. Деникин исчерпал решительно все, что у него было, бросил на карту свои последние силы и достиг определенных результатов: в течение нескольких месяцев Деникин трепал армии южного фронта, но ему не удалось их разгромить. В общем и целом мы выдержали этот удар. Правда, и нам пришлось напрячь все усилия, но у нас есть огромное преимущество, потому что мы еще не исчерпали всех наших сил. Деникин же все свои резервы уже исчерпал. Все преимущества Деникина кончились, теперь они переходят на нашу сторону. Мы собрались с силами и нанесли врагу несколько ударов столь сильных, что он не в состоянии будет от них оправиться. Мы переходим в наступление по всему фронту.

Успех организационной работы.

В течение этого лета мы проделали большую организационную работу и достигли того, что у нас нет больше разваливающейся армии, мы на место трухи создали новые сильные армии. Пролетариат топнул ногой, и новая армия вышла из-под земли, чтобы заполнить наши ряды. При самой неблагоприятной обстановке, отступая по всему фронту, мы в то же время занимались упорной организационной работой и достигли того, что теперь у нас сил втрое больше, чем весною, и вдвое больше, чем у врага.

Неудачи подстегнули.

Не следует придавать чрезмерного значения отдельным неудачам. Мы видели пример гражданской войны в Америке, в которой северяне сплошь терпели тактические неудачи, и все же она привела к поражению южан. Точно так же и наши неудачи явились тем, что заставило нас подтянуться, прибегнуть к более широкой мобилизации коммунистов, двинуть все наши коммунистические силы на фронт, поднять энтузиазм пролетариата. И в результате, несмотря на все неудачи, в конечном счете мы одерживаем победы.

Мы взяли выдержкой.

В начале войны Гинденбург пустил крылатую фразу: «Победит тот, у кого крепче нервы». Понимая эту фразу в том смысле, что победит тот, у кого больше выдержки, мы сможем смело сказать, что выдержки у нас больше, и, следовательно, победим мы. Уже целый ряд наших врагов вышел из боя. Финляндия, которая замахивалась на нас своим картонным мечом, так и осталась в такой позиции; она ничего не решилась предпринять, даже тогда, когда Юденич подходил к Петрограду. Из игры вышли Польша, Эстляндия и Литва, выходят Колчак и оренбургские казаки. Между тем, мы увеличили свои силы. Вот почему, если мы ставим вопрос, кто способен дольше выдержать борьбу в смысле политическом, экономическом и психологическом, то мы смело можем сказать, что несомненно, преимущество на нашей стороне.

Положение на отдельных фронтах.

На восточном фронте Колчак в настоящее время отступает. Наша армия идет, не встречая сопротивления. После нескольких дней не особенно сильных боев, когда Колчак мобилизовал сибирское казачество, началось поспешное отступление врага, и гибель его близится.

На северном фронте мы также близки к ликвидации. Англичане ушли, а белогвардейцы никогда не были способны воевать. Несомненно, что в течение ближайших месяцев Архангельск будет взят нами.

На западном фронте целый ряд врагов, как я уже говорил, вышел из боя, и перед нами остался единственный враг—Юденич. Этот враг имел дерзость перейти в наступление на Петроград и получит заслуженный урок. По существу Юденич повторяет то, что делал Деникин. Метод действий одинаковый. Они оба пытаются победить не упорной борьбой, а легкими налетами и нахальством. Нахальством хотел Юденич захватить Петроград, но это ему не удалось, и теперь мы стоим (не в позиции обороны, а нападения и говорим: нам не нужно отстаивать Петроград от разгрома, нам нужно разгромить Юденича. Сколько времени потребуется для этого, -точно сказать нельзя. Но мы чувствуем, что нужно недели 2—3, и мы покончим со злостным врагом, который осмелился пойти на пролетарский Петроград. Этот враг будет повержен в прах, и петроградский пролетариат покажет, насколько тяжела его длань.

На южном фронте мы видим, что методы налетов, прорывания в тыл и т. д. подходят к концу. Враг мог трепать нас в течение лета, но теперь у нас имеется достаточно сил, которые могли нанести поражение Мамонтову и Шкуро и проучить дерзкого налетчика. Мы научились бороться против этих налетчиков и путем упорной организационной работы добились того, что на южном фронте положение противника безнадежно.

Победа за нами.

Таким образом, мы приближаемся к концу борьбы. Несомненно, что та большая работа, которая произведена была в последнее полугодие в области организационной и политической, настолько увеличила наши силы, что теперь, глядя спокойно на отдельные мелкие неудачи, мы можем сказать: победа, безусловно, нам обеспечена. Враги не смогут выдержать столько, сколько мы; у нас выдержки и ресурсов, безусловно, больше, и поэтому мы победим, и победим в близком будущем.

---

[1]) Примечание к настоящему изданию. Этот доклад был сделан через 10 дней после перехода южного фронта в наступление и обратного взятия Орла. Само по себе последнее обстоятельство не давало оснований к такой оптимистической оценке положения. Оптимизм основывался на том, что в течение трех предшествующих месяцев с восточного фронта были переброшены по заранее намеченному плану пять дивизий. Точно так же оптимизм насчет положения под Петроградом был основан не на успехах наших войск у Гатчины, а на первых сведениях об успешном продвижении 15-й армии от Пскова на север—на Лугу и Нарву. Именно это наступление и заставило Юденича быстро бежать назад, к Нарве.

Разгром Врангеля.

Вся буржуазная Европа потрясена разгромом Врангеля. Еще в начале ноября, за 10—15 дней до взятия Севастополя, никто не думал о возможности разгрома. Сам Врангель еще 8 ноября в Севастополе, на экономическом совещании, выражал твердую уверенность в том, что красным войскам не одолеть перекопских и чонгарских укреплений. «Русская (т.-е. белая) армия,- говорил он,—спокойно перезимует в Крыму, за зиму оправится и окрепнет, а весной перейдет в решительное наступление». Это был, кажется, единственный случай, когда Врангель был искренен и верил тому, что он говорил: он опирался на перекопские и чонгарские укрепления, в неприступности которых был твердо убежден. И у него были вполне веские основания для этого: укрепления были действительно неприступны. Французские инженеры поработали на славу. Несколько линий проволочных заграждений в 12 кольев каждая, глубокие окопы, приспособленные на зиму, с бетонированными укреплениями для бойцов и с кухнями, пулеметные блокгаузы, огромное количество легкой и тяжелой артиллерии крепостного типа, снятые с севастопольских верков, танки, аэропланы,—и все это на двух узких перешейках, из которых один, Чонгарский, даже перешейком назвать нельзя: это— узкая железнодорожная дамба в пару саженей шириною и длиной в 5 верст, простреливаемая насквозь пулеметами и орудиями. Врангель имел полное право сказать то, что он сказал 8 ноября. Впрочем неприступность крымских позиций дала ему удобный случай тут же солгать на всю Европу, изобразив катастрофический прорыв в Крым белых из сжавшего их красного кольца как «планомерный отход» на зиму «под давлением превосходных сил противника». Без крымских укреплений, в неприступности которых все были твердо убеждены, этому «планомерному отходу» никто не поверил бы.

Французская и английская буржуазия была уверена в возможности отсидеться в Крыму. Изо дня в день надуваемая лживыми и хвастливыми сводками Врангеля, который чудовищно раздувал свои победы, а поражения представлял как выгодные для

него неудачи,—вспомните его неудачный десант на Кубани, который он после поражения объявил удачной экспедицией за пополнениями,—буржуазия продолжала посылать ему щедрой рукой танки, аэропланы, броневики, орудия, пулеметы, обмундирование. Многое, очень многое из этого попало в руки Красных армий, еще больше было попорчено, сожжено, сброшено в пропасти и потоплено в море, а еще больше застряло по пути в Крым в Батуме и в Константинополе. И когда теперь Врангель пытается объяснить свое поражение тем, что ему не было оказано помощи, то он обнаруживает самую черную неблагодарность по отношению к своим французским и английским покровителям.

После заключения нами предварительного перемирия с Польшей Врангель тотчас же объявил, что он не в силах будет держаться против армий южного фронта, усиленных частями западного фронта. Это был чистейший шантаж с целью вытянуть у союзников «денег, денег». Они ему давали все (в обмен на миллион пудов южно-русского ячменя), все, кроме денег, все, кроме валюты. Всеми своими боевыми операциями Врангель доказал, что он не верил в угрозу, о которой оповещал весь мир. Именно после заключения польского перемирия Врангель предпринял ряд активнейших операций, с целью по частям разгромить армии южного фронта до подхода сил с западного фронта. Превосходно осведомленный своей исключительно развитой сетью шпионов, Врангель великолепно знал, что помощь южному фронту с запада придет нескоро. На этом был построен весь его стратегический план: сначала разбить по частям армии южного фронта, до подхода подкреплений с запада, а затем разбить эти подкрепления. Врангель действовал наверняка: в его распоряжении имелась лучшая в мире конница из прирожденных кавалеристов-казаков, великолепно обмундированная, снаряженная и вооруженная, находившаяся под командой опытнейших генералов-кавалеристов, снабженная огромным количеством бронеотрядов и многочисленными грузовиками с поставленными на них пулеметами, а также эскадрильями аэропланов новейших конструкций. По силе удара, по маневренной гибкости, по быстроте передвижения это было самое идеальное войско, какого мир еще не видал.

Гражданская война—не окопная война, а полевая. И только выход войны из тесных окопов на поля сражений дал возможность кавалерии вернуть назад ту большую роль, которую она когда-то играла в боевых операциях. Но это была по существу уже новая кавалерия, гораздо более сильная, чем прежняя кавалерия: к шашке, винтовке и артиллерии она присоединила пулемет, быстроходные броневики, вооруженные грузовики и бомбометные аэропланы. Ударная и огневая сила кавалерии возросла во много раз, без потери ею гибкости, подвижности и быстроты. Врангелю удалось создать новый по существу род войска, Врангелю удалось сказать новое слово в военном деле. Врангель сумел оценить этот новый род оружия—«бронированную кавалерию», испытал ее не раз в боях в течение лета 1920 г., непрерывно и неустанно усиливал ее, увеличивал ее численность, спешно форми-

ровал новые и новые кавалерийские дивизии. Он был уверен, что с такой «бронированной» кавалерией он на любом участке южного фронта, кроме укрепленного Каховского плацдарма, окажется сильнее красных частей и наверняка разобьет их. Это было доказано рядом побед врангелевской кавалерии над численно более превосходной красной пехотой. У Врангеля пехота была подсобным родом оружия, она помогала кавалерии, прокладывая ей путь, но била, наносила удар, решала дело и заканчивала его кавалерия. Именно на своей «бронированной» кавалерии Врангель основал свой стратегический план: сначала разбить по частям армии южного фронта, до подхода подкреплений с запада, а затем уже разбить эти последние отдельно.

Вот почему, показав вид, что он «ужасно испугался» польского перемирия, Врангель не только не предпринял никаких мер к тому, чтобы подготовить «планомерное отступление» в Крым, а наоборот, тотчас же начал ряд активнейших операций в полной уверенности, что он, во-первых, Красные армии южного фронта разгромит, и, во-вторых, валюту от союзников получит. Не вышло ни то, ни другое.

Что было против Врангеля? Многочисленная пехота, полуодетая, плохо обученная, с малочисленным и неопытным командным составом, очень слабо снабженная броневиками и аэропланами устарелых систем. Пехота, к тому же не раз битая врангелевскими войсками, а на войне, вопреки пословице, за небитого двух битых дают. Что еще было против Врангеля? Малочисленная кавалерия, еще хуже пехоты обученная, не вышедшая еще из пеленок партизанщины, недисциплинированная, с заведомо очень слабым командным составом, лишенная броневиков и аэропланов и недавно разбитая Врангелем.

У Врангеля были все основания быть уверенным в правильности своего стратегического плана.

И, однако, план не удался, и вместо разгрома Красной армии Врангель сам был разгромлен. Сначала дело шло, как по писаному. Разгромив в течение второй половины сентября нашу 13-ю армию и отбросив ее остатки на восток и север, Врангель затем бросился на наш правый фланг с целью разгромить 6-ю армию и 2-ю конную. Части его (пехота и кавалерия переправились у Александровска, Никополя и Бабина на правый берег Днепра и в боях с 7 по 14 октября пытались прорваться на запад, чтобы выйти во фланг и тыл 6-й армии и этим вынудить ее к отходу от Днепра и к оставлению Каховского укрепленного плацдарма.

Но тут-то именно и сорвалось! 14 октября переправившиеся части Врангеля были разбиты частями 6-й и 2-й конной армий и в величайшем беспорядке бежали за Днепр, бросая орудия, броневики и обозы. Стратегическому плану Врангеля 14 октября был нанесен смертельный удар, он не сумел разбить по частям армии южного фронта, а новая попытка проделать то же требовала времени для того, чтобы привести в порядок разбитые части, потерпевшие сильный урон, и подготовить новую операцию.

С этой новой операцией Врангель уже не мог поспеть до подхода на южный фронт подкреплений с запада.

План рухнул. Врангель был осужден 14 октября на гибель.

Что же случилось? Почему так верно рассчитанный, так прочно обеспеченный план не удался? Почему слабые части южфронта, даже без помощи не успевших подойти к этому времени западных подкреплений, нанесли такой сильный удар «бронированной» кавалерии Врангеля и его лучшим пехотным дивизиям (Корниловской и Марковской)?

В чем Врангель ошибся? Чего он не учел?

Не учел Врангель трех вещей: силы советского строя, силы коммунистической партии и героизма красноармейца. Это—как-раз те три «вещи», учесть которые неспособны черносотенцы, белогвардейцы, империалисты, меньшевики и эсеры всех стран. Смутно они эти «вещи» иногда чувствуют, и это выражается в заявлениях, что вооруженной рукой Советскую Россию победить невозможно. Но именно потому, что эти «вещи» они чувствуют смутно, они после таких заявлений пытаются «еще раз» сделать невозможное—победить Россию оружием.

Насколько они неспособны понять силу советского строя, видно по следующему. Во врангелевских газетах еще в августе появился ряд сообщений о том, что по всей России идет спешное формирование кавалерийских эскадронов для посылки на южный фронт. Нетрудно было узнать об этом. Делалось это нами совершенно открыто и, пожалуй, даже чересчур открыто: был кликнут громкий клич: «На коня». Развили «ударную агитацию». Клич дошел до всех исполкомов, городских, уездных, волостных, сельских,—и везде закипела работа. Весь рабочий класс и вся крестьянская беднота мобилизовали себя для того, чтобы формировать кавалерийские эскадроны и взводы. Одновременно был брошен широкий призыв к добровольцам, и они потекли в роты и эскадроны. Целый поток кавалерийских эскадронов направился на южный фронт. Все преданные Советской власти железнодорожники напрягли усилия, чтобы быстро продвинуть эти эскадроны на Юг.

Это кажется простым, понятным, обыкновенным, не чудесным. В действительности же это—чудо. Подумайте только. После трех лет мучительной гражданской войны, пришедшей вслед за трехлетней разорительной империалистической войной, широкие слои рабочих и беднейших крестьян, истомленные голодом, холодом и нищетой, находят в себе силы, чтобы вновь взяться за энергичнейшую работу по спешному формированию эскадронов, за собирание людей, лошадей, седел, обмундирования, оружия и снаряжения. Разве это не чудо? Разве такого чуда могут ожидать европейские «демократические» правительства от своих народов в случае войны? Вот эта-то неистощимая сила советского строя и непонятна нашим врагам.

Видят—и не понимают.

Врангель тоже смотрел, видел, знал, писал и говорил об этом,

но не понимал, не «учитывал». «Ездящая пехота»,—цедил он презрительно сквозь зубы. А эта «ездящая пехота» в течение месяца усердно изучала рубку, строи, аллюры, усердно слушала речи коммунистов, разъяснявших роль и значение Врангеля, и 14 октября нанесла врангелевской «бронированной» кавалерии такой удар, от которого она рассыпалась и отлетела за Днепр.

Одновременно с формированием эскадронов шла спешная мобилизация коммунистов на южный фронт. Они шли туда и вместе с ротами и эскадронами, и отдельными поездами. Их были тысячи. И все они вливались в ослабевшие ряды южного фронта, внося в них уверенность в близкой победе над Врангелем и революционную решимость. К тому же времени коммунисты армий и фронта, обнажив тыл, выделили 50% из своих рядов и бросили их на боевые линии. Число коммунистов в боевых рядах в некоторых дивизиях дошло до 10%. Политические отделы армий и фронта развили небывалую агитацию под ударным лозунгом: «Кампания победы».

Врангель смотрел, видел, знал и не понимал, не «учитывал» силы коммунизма.

Говорить ли о героизме красноармейца, третьей «вещи», которой не «учел» Врангель? Говорить ли о героизме 51-й дивизии, которая «голыми руками», не имея тяжелой артиллерии, взяла неприступные перекопские позиции? Говорить ли о невозможном, совершенном 30-й дивизией,—о ее переходе у Чонгара по 5-верстной железнодорожной дамбе, насквозь простреливаемой пулеметами и артиллерией?

Нет, пусть об этом расскажут другие, те, кто видел, кто пережил этот небывалый героический подвиг.

Но почему Врангель не учел героизма красноармейцев? Потому, что он не понимал источников этого героизма, той свежей революционной энергии, которая вместе с ротами, эскадронами и коммунистами непрерывно вливалась в дивизии южного фронта из самых далеких углов огромной советской страны, из самых глубинных недр рабоче-крестьянского народа, из волисполкомов и комнезаможей (комбедов).

14 октября участь Врангеля была решена. В этот день не только были смертельно надломлены его дивизии, не только был нанесен смертельный удар его плану. 14 октября у Врангеля была вырвана инициатива. Из нападающего он превратился в обороняющегося. Теперь не он диктовал нам свою волю и вынуждал нас принимать бой там и тогда, где и когда он хотел, а мы диктовали ему свою волю. Теперь уже он смотрел, откуда будет направлен наш удар, а не мы.

Началась подготовка новой операции, под лозунгом: «Еще нажим». Рассказывать об этой подготовке—значит повторять то, что рассказано на предшествующих страницах: новый поток эскадронов, новые волны коммунистов.

А 28 октября по всему фронту открылось наступление наших частей. Это начался так долго подготовлявшийся наш удар на

Крым, началась самая блестящая операция Красной армии за все три года гражданской войны.

Врангель не мог не знать, что к этой операции подоспела с запада 1-я конная армия. Но настолько была велика его уверенность в своей «бронированной» кавалерии, настолько он не понимал силы волостных и сельских исполкомов и комбедов, в два месяца возродивших две конные армии—1 и 2-ю,—настолько он не учитывал героизма красноармейцев и власти коммунистической агитации словом и героическим примером, что и не подумал об отводе своих частей, которым угрожало полное окружение в Крыму. Еще 31 октября он продолжает давать по радио из Крыма своим отрезанным и охваченным красным кольцом частям активные задачи «разгромить Каховскую группу противника», «разгромить 2-ю конную армию».

Задачи эти не были выполнены. «Бронированная» кавалерия Врангеля оказалась слабее героизма красноармейца. Но сила ее все же сказалась: ей удалось, терпя огромные потери, частично прорваться через Чонгарскую дамбу и Арабатскую стрелку в Крым.

Дело, однако, не было еще проиграно. Оставались еще неприступные перекопские и чонгарские укрепления, в устройство которых французские инженеры вложили все усовершенствования, выработанные адской техникой империалистской войны. Здесь Врангель чувствовал себя крепко, прочно, устойчиво и потому за два дня до их падения, 8 ноября, мог уверенно и спокойно заявлять, что «планомерно отведенные» им войска наглухо заперлись на зиму в Крыму. Через пять дней, 13 ноября, ему пришлось объявить приказ о роспуске своей армии. В переводе на обыкновенный язык этот приказ означал: «Спасайся, кто может».

Но спасаться было некуда, кругом было море. Крым оказался ловушкой для армии Врангеля. Лишь ничтожная часть успела сесть на суда и выйти в море, не захватив даже запасов угля, продовольствия и воды. Все остальное попало нам в плен.

Предательски покинувший свою армию генерал Врангель перекочевал на французском военном судне в Константинополь и немедленно начал оттуда по радио кампанию лжи. Ежедневно, по его радио, в Константинополе высаживались десятки тысяч солдат и в три дня успело высадиться 80 тыс. военных и 30 тыс. беженцев. Итого 110 тыс.

А одновременно другие радио, предназначенные не для Западной Европы, а для внутреннего употребления, носились над Черным морем и горестно стонали: «Основная наша задача теперь сохранить ядро наших сил»,—спасите хоть ядро.

«Стоим в море без топлива, воды и продовольствия. Не можем высадиться за отсутствием палаток. Помогите»,—плакали ответные радио.

Жалкий, позорный конец «блестящего» генерала, претендента на романовский трон!

Врангель разгромлен: разгромили его волостные исполкомы,

героические красноармейцы и коммунисты. Эти три «рода оружия», выкованные Советской властью, оказались сильнее выкованной Врангелем «бронированной» кавалерии. Но это сильное оружие нельзя оставлять врагу. Надо вырвать это оружие у него из рук. Советская «бронированная» кавалерия—вот основной урок Крымской кампании, вот главная наша задача, поставленная на очередь дня.

Тысячи героев-красноармейцев, погибших на перекопских и чонгарских укреплениях, завещали нам эту задачу.

И мы ее выполним!

Харьков, ноябрь 1920 г.

Уроки гражданской войны.

Социалистическая революция есть революция международная. Опыт русской революции—этого первого акта социалистической революции—в силу этого приобретает международное значение. Многое из того, что проделано русским пролетариатом в области строительства советского государства, западно-европейскому пролетариату придется повторить, вплоть до некоторых «ошибок». Многое другое придется отбросить целиком, как непригодное для передовых капиталистических стран.

Трехлетняя гражданская война внутри Советской России дает богатейший материал для выводов о характере и особенностях гражданской войны в эпоху социалистической революции. Из этого опыта наши западно-европейские товарищи могут, пожалуй, черпать более, чем из других областей советского опыта. Подведение итогов этого трехлетнего опыта, установление основных особенностей современной гражданской войны и строительства Красной армии имеет поэтому не только научно-историческое значение, но и практическо-политическое.

Буржуазия всех стран чутко учитывает военные уроки русской гражданской войны, делает из них практические выводы и начинает спешно готовиться к будущим битвам и формировать верную и послушную ей вооруженную силу. Она учла, что на старую армию в гражданской войне полагаться нельзя, что революция сопровождается быстрым разложением и распадом старой армии. Вот почему во Франции, под названием «Гражданской Лиги», создается отборная добровольческая буржуазная гвардия. Вот почему в Германии, кроме уже существующей, в лице правительственных войск, буржуазной гвардии, возникает ряд явных и тайных организаций для вооружения буржуазии, среди которых наибольшей известностью пользуется организация полковника Эшериха («Оргеш»). Вот почему в Англии организуются антирабочие добровольческие союзы. Вот почему в Америке формируются многочисленные наемные и добровольческие отряды для борьбы против рабочих забастовок и восстаний.

Буржуазия серьезно и деловито готовится к предстоящим

боям гражданской войны. Нужно готовиться и пролетариату. А для этого необходимо прежде всего учесть уроки гражданской войны в России.

КЛАССОВАЯ ОБСТАНОВКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Что такое гражданская война? Гражданская война в эпоху социалистической революции есть война между двумя классами—буржуазией и пролетариатом.

Вопрос до последней степени упростился бы, если бы в капиталистических обществах были только эти два класса. Но на деле во всех капиталистических странах существуют промежуточные классы и слои, да и самые классы буржуазии и пролетариата не являются едиными, однородными, выкованными из одного куска. В общем и целом, однако, все население данной страны в эпоху социалистической революции, несмотря на большое разнообразие политических взглядов и настроений, особенно в начале этой эпохи, по вопросу об отношении к гражданской войне совершенно явственно разбивается на три группы: 1) группа активной контр-революционной буржуазии (крупная бюрократия, большая часть офицерства, помещики, финансовая буржуазия, с частью «стригущих купоны» рантьеров, крупная и средняя промышленная буржуазия, духовенство, кулаки, часть «подкупленных» капиталом городских и часть самых темных сельских пролетариев, все деклассированные элементы, вся полиция и жандармерия и, наконец, часть высококвалифицированной интеллигенции, находящейся на службе у капитала—юристы, врачи, газетные писаки, профессора, учителя высших и средних школ, инженеры, управляющие фабриками, поместьями и проч.); 2) группа активного революционного пролетариата, в которую входят: различные слои промышленного и сельского пролетариата, городская и деревенская беднота (мелкие ремесленники и крестьяне, мелкие торговые служащие), незначительная часть офицерства и особенно низшего командного состава и незначительная часть интеллигенции; 3) промежуточная пассивная мелкобуржуазная группа, колеблющаяся между революцией и контр-революцией, примиренческая, враждебно настроенная против всякой классовой войны, трусливая, ищущая всевозможных способов обойтись без борьбы, «обойти» войну и все же непрерывно вовлекаемая в борьбу обеими активными группами. Это прежде всего вся городская и деревенская мелкая буржуазия, все пролетарские слои, зараженные мелкобуржуазными иллюзиями насчет «гражданского мира», часть офицерства и большая часть интеллигенции.

Относительные силы этих трех групп в различных странах различны. В России относительно слабы крайние группы и очень велика, многочисленна промежуточная; в развитых капиталистических странах крайние группы значительно сильнее, а промежуточная малочисленнее, слабее. Повсюду можно нащупать эти три основные классовые группы.

Такова «классовая обстановка» (соотношение классов) гражданской войны в эпоху социалистической революции. Эта обстановка дает ряд стратегических, тактических и организационных выводов, неоднократно проверенных и подтвержденных на опыте русской революции. Перечисленные три основные группировки не отделены друг от друга китайской стеной, не размежеваны территориально, а наоборот, перемешаны и переплетены между собой и рассеяны по всей территории страны. Если в ходе гражданской войны обеим активным группам удается своей вооруженной силой захватить часть территории, то и на этих участках, где господствуют, с одной стороны, буржуазная, а с другой—пролетарская диктатура, проявляется все то же деление на три группы. Разница только в том, что на территории буржуазной диктатуры революционной пролетарской группе приходится вести свою работу нелегально, а на территории пролетарской диктатуры то же приходится проделывать контр-революционной группе. Промежуточная же группа, которой тяжела и нередко невыносима и та, и другая диктатура, на территории буржуазной диктатуры обнаруживает тягу к пролетарской, и, наоборот, на территории пролетарской диктатуры тянется к буржуазной. В ходе развития гражданской войны промежуточная группа неоднократно «пробует» и ту, и другую диктатуру и в конечном счете, скрепя сердце, вынуждена остановить свой выбор на пролетарской диктатуре.

ФРОНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Раз основные классовые группировки перемешаны между собой и рассеяны по всей территории страны, с преобладанием в отдельных районах одной из групп, то элементы гражданской войны, мелкие местные соединения революционных и контр-революционных сил, мелкие местные красные и белые отряды, легко возникают везде. Таким образом, в отличие от обычных войн против иноземного неприятеля, в гражданской войне нет определенной, точно фиксированной линии фронта, в гражданской войне фронт везде, и спереди, и сзади, и на обоих флангах. В первый период гражданской войны, когда пролетариат завоевывает власть, эта сторона дела выражается в ряде мелких местных восстаний, не объединенных организационно, что является величайшим недостатком этого периода и обязывает коммунистические партии приложить все усилия к тому, чтобы, удерживая отдельные отряды революционного пролетариата от разрозненных местных восстаний, объединить их организационно и слить в одно общее восстание. Опыт русской революции (особенно апрельское и июльское стихийные выступления пролетарских масс и аграрные восстания в деревне в эпоху керенщины по сравнению с октябрьским организованным и планомерно подготовленным партией восстанием), а также опыт необъединенных местных восстаний германского пролетариата наилучшим образом показы-

вает всю колоссальную важность организованности, единства, централизации руководства в первый период гражданской войны. Этот период есть период стихийного роста революционного пожара, и потому тем более важно внести в эту стихию известное руководство.

Во второй период гражданской войны, когда пролетариат захватил уже власть на всей территории страны или на значительной части ее в свои руки и сумел удержать ее против первого натиска контр-революции, вездесущность фронта гражданской войны выражается в ряде белогвардейских местных восстаний в тылу и на «флангах» революционного фронта, а также в ряде местных красных восстаний в тылу и на флангах белогвардейского фронта. В этом отношении оба фронта—и красный, и белый — находятся в одинаковом положении. Вездесущность вражеского фронта, угроза фронту со всех сторон—спереди, сзади, с флангов, проникание в ряды вражеских элементов в целях разложения их,—все это вынуждает обе стороны устраивать на своей территории «стратегические карре». По сравнению с обычными войнами против чужеземного врага приходится каждой стороне создавать несравненно более мощный аппарат для борьбы с «внутренним врагом» и с тайными организациями противника. Примерно эти размеры можно определить, если посмотреть на себя, как на чужеземного завоевателя, оккупанта, занявшего вражескую страну, в которой значительная часть населения безусловно враждебна по отношению к завоевателю. На территории пролетарской диктатуры пролетариат является «чужеземным завоевателем» по отношению к контр-революционной буржуазии. На территории буржуазной диктатуры буржуазия играет роль «чужеземного завоевателя» по отношению к революционному пролетариату. Если в отношении организационного уменья по части устройства всяких охранок и контр-разведок, а также шпионажа, белые несравненно более богаты опытом, чем красные, то, с другой стороны, у красных (особенно, когда промежуточная группа окончательно начинает поворачивать в сторону пролетарской диктатуры) есть то преимущество, что подавляющее большинство населения на их стороне. Таким образом, в процессе развития гражданской войны красные все более выходят из положения чужеземного оккупанта и все более становятся действительными хозяевами своей страны, а белые, наоборот, из хозяев своей страны все более перерождаются в чужеземных оккупантов. Если в России этот переход на сторону пролетариата подавляющего большинства мелкобуржуазной крестьянской массы, после ряда колебаний, явился в результате весьма длительной гражданской войны, то в передовых капиталистических странах эта предпосылка торжества социализма в значительной степени дана заранее.

Мы видим, что в силу классовой обстановки гражданская война богата партизанскими действиями (местные восстания в тылу). Но она ни в коем случае не исчерпывается ими. Как ни велико их значение, решающая роль все же остается не за

партизанским, а за «регулярным» фронтом,—за фронтом, который образуется на границах территории пролетарской диктатуры. Как только пролетариат захватил власть на известной территории, пред ним немедленно встает вопрос о необходимости охраны границ этой территории от неизбежных попыток буржуазии раздавить всякое возникшее в результате революционного восстания пролетарское государство. Таким образом, фронт гражданской войны приобретает более определенные и более устойчивые очертания («регулярный фронт»), не теряя в то же время своего характера «вездесущности» («партизанский» фронт). Усилия пролетарского государства должны быть в равной мере направлены на оба эти фронта. Организация восстаний и партизанских отрядов в тылу буржуазной диктатуры, а также организация политической работы в этом тылу, для чего должны быть созданы постоянно действующие органы, имеющие через партийные организации связь с вражеским тылом, борьба против белогвардейских восстаний в своем собственном тылу, имеют в гражданской войне не менее важное значение, чем охрана границ территории пролетарской диктатуры.

АРМИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Гражданская война есть война классов. Поэтому каждый класс может опираться в гражданской войне исключительно на свою классовую армию. Условия создания своей классовой армии, однако, для буржуазии и пролетариата существенно различны. На стороне пролетариата подавляющее большинство населения. Буржуазия же не имеет опоры в широких рабоче-крестьянских массах.

Поэтому «чистая» белогвардейская (офицерско-помещичье-буржуазная) классовая армия, состоящая из высококвалифицированных, богатых военными знаниями и опытом (офицерские батальоны) бойцов, управляемая талантливейшими и опытнейшими специалистами, не может быть численно велика. После разложения старой армии, в результате 4-летней войны и революционных движений во всех втянутых в войну странах, обе стороны приступают к организации своих классовых армий. Буржуазия по мере развития гражданской войны, в виду малочисленности ее чисто-классовой армии, вынуждена вербовать в свои высокообученные части чуждые им, нередко враждебные элементы, черпая их из промежуточной группы. Этим самым ухудшается качество ее отборных войск, а главное—вносятся в их ряды начала разложения и неустойчивости. Поэтому белогвардейцы вынуждены очень торопиться, чтобы, во-первых, разлагающие начала не успели проявить свое действие, чтобы, во-вторых, не дать времени красным собраться с силами, чтобы, наконец, покончить с ними одним быстрым ударом. Большие военные знания и организационный опыт дают им возможность действительно опережать в организационном строительстве своих

частей красные части. Вот почему на первых порах они, имея такие преимущества, как военные знания и организационный опыт, а также высокообученные войска, одерживают победы над красными частями. История Колчака, Деникина, Врангеля подтверждает, что все они вынуждены были действовать на-спех, с налету, кавалерийскими методами наезда и (что самое существенное) жертвовали планомерным длительным строительством, рассчитанным на долгий период и на прочные завоевания, ради немедленных успехов. Поэтому они гораздо быстрее красных частей истощали свои людские запасы и вынуждены были вливать в свои части пленных красноармейцев, тем самым разлагая свои части и ослабляя их.

В ином положении находится пролетарская власть. «На другой день после социальной революции» она еще не имеет своего нового государственного аппарата взамен разрушенного старого, кроме разве многочисленных отрядов партизанского типа, вышедших из бушующих недр восстания и организационно слабо связанных между собою. Эти отряды, эти зачатки будущей Красной армии, горящие разрушительными и отрицательными стремлениями ко всему старому, а особенно к старой регулярной армии, должны еще перебродить, чтобы вновь уложиться в рамки регулярной армии. В России потребовалось несколько месяцев для того, чтобы коммунистическая партия пришла к выводу о необходимости регулярной армии. Борьба же с партизанскими стремлениями (особенно на Украине) продолжается и доныне. Этой ошибки коммунистические партии передовых капиталистических стран могут и должны избегнуть. Могут потому, что перед ними есть уже опыт русской Красной армии, и «классовая обстановка» у них несравненно благоприятнее. Должны не только потому, что не следует повторять русских ошибок, но, главным образом, потому, что западные контрреволюционеры учли уже опыт русских контр-революционеров и уже теперь, еще до захвата власти пролетариатом, организовали свои белогвардейские армии. В России, в эпоху керенщины, не было никаких вооруженных отрядов, кроме разложившейся старой армии да нарождающихся «большевистских» отрядов. Контрреволюции не на что было опереться. В Германии, в эпоху Шейдемана-Носке, возникают белогвардейские войска, регулярно сформированные. Поэтому теперь, после опыта русской революции, западно-европейским пролетариям даже в первый период гражданской войны, в период завоевания власти пролетариатом, надо готовиться к тому, чтобы сделать переход от партизанских отрядов к регулярной армии наиболее быстрым. Большинство населения на стороне пролетариата. Источники пополнения людьми для красных армий в условиях гражданской войны, особенно на Западе, несравненно богаче, чем для белых. Пролетарская власть, имеющая вначале очень слабый государственный аппарат, при почти полном отсутствии опытных в военном деле организаторов, не имеет возможности строить так быстро, как белогвардейцы. Отсюда вывод не тот, конечно, что не нужно

торопиться, а наоборот, как-раз противоположный: нельзя медлить ни единого часа, ни единой минуты. Первая и единственная задача захватившего власть пролетариата — это немедленная организация Красной армии, слияние вышедших из восстания отрядов в регулярные части, пополнение их, создание новых единиц. Неисчерпаемость пополнений Красной армии, особенно по сравнению с белогвардейскими резервами, дает величайшую гарантию в ее конечной победе. Но необходимо с первых же часов победы противопоставить искусным, отборным белогвардейским отрядам хотя бы и слабо обученные, но правильно сформированные красные части в числе, по меньшей мере, двое превышающем белогвардейцев. Это — единственная возможность уменьшить первые неизбежные поражения.

Организационная работа по строительству Красной армии приобретает в силу этого совсем иной характер, чем строительство белой. Она рассчитана на длительный тяжелый период гражданских и революционных войн, она не может, а поэтому и не должна, ставить себе задачей коротким ударом, с налету раздавить неизбежно длительное сопротивление буржуазии. Именно после потери власти буржуазия переполняется неслыханным классовым бешенством и делает, несмотря на повторные неудачи, ряд попыток свергнуть пролетарскую власть. В результате гражданская война приобретает затяжной характер непрерывных, почти без всякой передышки, боев между пролетариатом и буржуазией, как в первый, так и во второй ее периоды. На эту длительную борьбу и должна быть рассчитана вся организационная работа пролетариата. Строительство Красной армии все более приобретает характер планомерности и регулярности. Пролетариат во второй период гражданской войны переходит к регулярной Красной армии. Красные армии «завоевывают» все более «нейтральную» промежуточную, мелкобуржуазную группу и приобретают новые источники пополнения, белогвардейцы же все более утрачивают этот источник пополнения. Вот почему русская Красная армия именно к концу гражданской войны, несмотря на чрезвычайное истощение ресурсов и усталость пролетариата и крестьянства, несмотря на большие жертвы и потери, оказалась организованной наиболее планомерно, наиболее крепко за все три года войны, а белые армии неизменно разлагались и гибли.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРМИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Непрерывность гражданской войны и необходимость для обеих сторон одновременно вести войну и формировать вооруженные силы приводит к тому, что обе стороны имеют слабо обученные войска, обучение происходит на-спех, и нередки случаи, когда приходится бросать на фронт почти совсем необученные части. Однако, преимущество в этом случае на стороне белых, которые, благодаря обилию офицеров, не только могут формиро-

вать отборные высокообученные офицерские батальоны, но и для остальных частей имеют возможность выделять очень значительное число офицеров. В армиях Колчака, Деникина и Врангеля почти все части имели одного офицера на 5—10 бойцов.

Слабая обученность бойцов и слабая сколоченность частей ведет к их неустойчивости. К этому присоединяется еще то, что обе стороны вынуждены черпать свои резервы из мелкобуржуазных элементов, в результате чего широко наблюдается переход этих элементов на сторону противника.

Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдаются или переходят в ряды Красной армии. И, наоборот, из Красной армии перебегают к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом один и тот же у обеих половинок перебежчиков: гражданский мир. Это явление приобрело в России одно время, особенно в 1918 году, большое распространение. Для предотвращения перехода на сторону противника белые вливали в ряды бойцов значительное количество офицеров (10—50%), а красные—не меньшее количество коммунистов и рабочих. В такой крестьянской стране, как Россия, пролетариат не мог не построить своей классовой армии на совершенно особых началах, вливая в свои пролетарские кадры широким потоком принудительно мобилизуемое крестьянство. Переходы на сторону белых—неизбежный результат такого способа построения русской Красной армии. На Западе, в силу несравненно большего классового расслоения деревни и гораздо большей численности городского пролетариата, Красная армия будет значительно «чище» по своему классовому составу, но и там придется,—понятно, в меньшей мере,—считаться с неустойчивостью мелкобуржуазных элементов.

Гражданская война есть наиболее ожесточенная, наиболее непримиримая война. Бои ведутся на полное физическое истребление противника. Они кончаются либо решительной победой, либо решительным поражением. Бои с нерешительным исходом редки. Неустойчивость мелкобуржуазных элементов усиливает и подчеркивает оба случая: при победе они неудержимо стремятся вперед в надежде поскорей покончить с войной и разойтись по домам. При поражении они пользуются случаем дезертировать, либо массами сдаются в плен или же переходят на сторону неприятеля все в той же трепетной надежде поскорее избавиться от войны.

Частый переход мелкобуржуазных элементов на сторону неприятеля побуждает обе стороны отказаться от первоначальной непримиримости гражданской войны и не только не истреблять пленных, но, наоборот, мягким отношением привлекать их на свою сторону. Это, впрочем, относится только к этой «примиренческой» внепартийной массе пленных. Пленных коммунистов белогвардейцы неизменно расстреливали. Наиболее контр-революционное офицерство, вопреки ряду приказов, подвергалось той же участи непосредственно на месте боя. Только мелкобуржуазной массе удалось на фронте гражданской войны устроить свой

делишки, обезопасить себя и тут, и там и наложить на ее непримиримость значительную печать «примиренчества». Непримиримость гражданской войны, с одной стороны, и слабая сколоченность ее армий—с другой, приводят к тому, что эти армии легко поддаются порыву во время боев и способны совершать переходы, которых не знают старые армии, и вообще переносить гораздо большие тяготы войны. Но это до тех пор, пока они победоносно идут вперед. Отступление быстро разлагает их, а потому планомерный отход—большая редкость в гражданской войне. Отступление приобретает характер паники. Не меньшее разложение вызывается в их рядах продолжительным стоянием на месте, при отходе их в тыл на отдых и т. п.

Нежелание мелкобуржуазных масс участвовать в войне толкает их на дезертирство, особенно при мобилизациях. С фронта дезертирство реже, так как обе стороны имеют вблизи боевых линий заградительные отряды. Укрываясь от мобилизаций, дезертиры образуют обширные дезертирские банды, прячущиеся в лесах и горах. Отсюда их название «зеленые армии». Эти «зеленые» армии наносят существенный ущерб тылам обеих сторон.

Все эти эти явления наиболее ярко выражены в России—стране с огромным преобладанием крестьянства и с неизмеримой территорией. На Западе они, несомненно, будут значительно слабее, хотя и там с ними придется считаться.

ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА АРМИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Непрерывность гражданской войны вносит в строительство армий гражданской войны своеобразную особенность.

Выражаясь фигурально, армии организуются и строятся «под огнем», непосредственно на фронте. Нет времени, некогда где-то в далеком тылу заблаговременно формировать части. Все добровольцы и мобилизованные, особенно в начале гражданской войны, в силу необходимости вливаются тотчас же в действующие части, батальоны на фронте развертываются в полки, слабые по своему численному составу полки или отряды сливаются в один полк, полки спешно сводятся в дивизии, и т. д. На фронте кипит не только бой, но и огромная организационная работа. Запасные батальоны дивизий, запасные полки армий превращаются в силу этого в управления формирований. При фронтовом командовании возникают специальные запасные армии, задача которых—военная и политическая обработка прибывающих из тыла пополнений и формирование всякого рода частей и отрядов специальных родов оружия. При армиях также возникают и учебные команды, и различного рода курсы командного состава. Это, пожалуй, наиболее характерная черта, отличающая Красную армию от всех прежних; две трети регулярных частей русской Красной армии было сформировано или доформировано непосредственно фронтовым командованием, а не

общерусским тыловым военным центром, главным штабом. Работа последнего сводилась по преимуществу к учету и мобилизации. В последний период гражданской войны (с середины лета 1919 г.) фронтовые запасные армии отделились, в виде мощных аппаратов, от фронтового командования и превратились в общерусские центры формирования и обучения, явно вытеснившие аппараты всероссийского главного штаба. Несмотря на чрезвычайные усилия, попытка поставить с самого начала формирование Красной армии посредством мощного центрального аппарата совершенно не удалась. Наоборот, в строительстве Красной армии красной нитью проходила именно децентрализация; отдельные части ее строились на местах (на фронтах) и затем постепенно сливались в единую централизованную армию. Центр только регулировал местное строительство и объединял его в смысле идейного, а не организационного руководства. Если многое в истории строительства Красной армии в этом отношении может быть отнесено на отсталость России, на чрезвычайную бедность русского пролетариата организаторами, на безграничную территорию, то все же эту особенность необходимо учесть, как, в известной степени, неизбежную и исторически правильную. Основа дела в том, что поставить сразу строительство Красной армии посредством мощного центра невозможно за неимением этого самого мощного центра. Военный аппарат пролетарского государства вначале неизбежно слаб, а проводить централизм, не имея сильного центра,—одна из самых вредных затей. Нельзя также забывать, что при необходимости одновременно воевать и строить армию лучшие партийные организаторы и лучшие военные специалисты естественно отдаются на фронт. На фронте они получают огромный боевой и организационный опыт, становятся в силу этого единственными работниками, хорошо знающими армию и методы ее строительства, и вскоре оставляют далеко позади за собой оставшихся в тылу военных работников. Поэтому они только и могут строить армию. В силу того же своевременное освежение тыловых работников фронтовыми становится в известный момент безусловной необходимостью. Иначе военному центру грозит окостенение, закоснелость, отсталость и бюрократизация. Еще от одной ошибки необходимо предостеречь товарищей: это от формирования территориальных войск. Территориальные формирования великолепно сражаются за свои хижины и очаги, но не любят ни при наступлении, ни при отступлении уходить далеко от своих домов и семей. Это многократно подтверждено и нашим опытом, и опытом наших врагов.

РЕЗЕРВЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Деление на три основные групп, рассеянные по всей территории страны, приводит к тому, что в гражданской войне резервы для пополнения живой силой оказываются не только позади, но и впереди. Поэтому захват новой территории в гражданской

войне, особенно же захват густо населенных районов и крупных центров, по сравнению, с обычными войнами, приобретает совершенно особое значение для пополнения живой силы. При наступлении обе стороны встречают на пути своих сторонников, добровольно пополняющих их ряды. Особенно характерный образец этого мы имели на Урале летом 1919 г., когда красные дивизии, начавшие в мае свое победоносное шествие от Волги на восток, к концу июля перевалили через Урал в совершенно новом составе бойцов из уральских рабочих. Пополнение при наступлении идет, впрочем, не только за счет сторонников обеих активных сторон, но и за счет промежуточной мелкобуржуазной группы, путем принудительной мобилизации. Те же соображения относятся и к конскому составу. В силу этого при отступлении обе стороны нередко уводили с собой всех боеспособных мужчин и большое число лошадей. Последнее делалось также и в целях прервать преследование противника, который, лишившись обывательских подвод, должен был совершать свой путь пешим порядком. Необходимо отметить при этом следующее: в силу особенностей гражданской войны и маневренного ее характера, фронты не обладают большой устойчивостью, и отступление на двести—триста верст было явлением обычным. Поэтому полоса в двести—триста верст должна всегда считаться прифронтовой полосой, которую заблаговременно надлежит разгрузить от всего, что может быть полезно противнику.

МАНЕВРЕННЫЙ ХАРАКТЕР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Мы уже видели выше, что в условиях гражданской войны фронт не имеет твердых очертаний, как это было в обычных войнах, а особенно во время империалистической войны. В условиях гражданской войны—фронт везде: и спереди, и сзади, и на флангах. Таким образом, протяжение фронта огромно, а воинские силы, особенно вначале, незначительны. Поэтому в гражданской войне об окопной войне не может быть и речи. Если в отдельных случаях и в отдельных пунктах окопы и проволочные заграждения и применяются, то в общем и целом гражданская война носит ярко выраженный маневренный характер. В эпоху социалистической революции война вылезает из сырых окопов, выпутывается из сложной сети проволочных заграждений на вольный воздух и простор полей сражения. Война становится маневренной, боевой фронт приобретает большую подвижность и неустойчивость.

Однако, между Россией и Западной Европой есть в этом отношении существенное различие. Необъятные пространства России, в условиях бездорожной, слабо заселенной, редко застроенной и пересеченной лесами, горами, многочисленными реками и оврагами местности, для устройства достаточно прочных укреплений потребовали бы затраты совершенно невероятных усилий. Иные условия на Западе: относительно небольшие пространства, сильная заселенность, густая застроенность местности и богато развитая сеть железнодорожных и шоссейных путей дают возможность

возводить и оборонять достаточно сильные укрепления. Однако, о сплошной стене укреплений империалистической войны в условиях гражданской войны нечего и думать. В начале гражданской войны малочисленность враждующих армий вынуждает их воевать по основным стратегическим направлениям (ж.-д. магистралям) и из-за важных стратегических пунктов. Впоследствии, когда путем спешного строительства обе стороны значительно увеличивают свои силы, боевые фронты приобретают более сплошной и непрерывный характер.

Операции крупных регулярных армий, в силу того, что враждующие классы перемешаны и рассеяны по всей территории страны, сопровождаются в гражданской войне многочисленными двухсторонними партизанскими выступлениями. Правильное сочетание действий регулярных армий и партизанских отрядов представляет большие трудности, особенно в такой мелкобуржуазной и анархической стране, как Россия. Увлечение в сторону партизанства сыграло значительную отрицательную роль в строительстве Красной армии. Однако, целиком выбросить партизанство, властно вызываемое «классовой обстановкой» гражданской войны, было бы крупной ошибкой. Правильный взгляд на соотношение между регулярной армией и партизанскими отрядами заключается в том, что регулярная армия является основной, главной силой, а партизанские отряды—второстепенной, вспомогательной, выполняющей оперативные задания регулярной армии.

ПАРТИЗАНСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Сказанного о партизанстве, однако, совершенно недостаточно. В условиях гражданской войны это явление играет настолько большую роль, что на нем необходимо остановиться подробнее.

Прежде всего необходимо отметить, что партизанство при всем своем огромном развитии в условиях гражданской войны не может оказать того действия, какое возможно при оккупации страны неприятелем. В этом последнем случае все население страны без исключений сочувствует и помогает партизанам. В гражданской войне этого условия нет, ибо население разбито на две остро враждующие части и враждебно-нейтральную группу между ними. Одна часть сочувствует партизанам и помогает им, другая ненавидит и вредит им, третья (в России наибольшая) враждебно-нейтральна к ним, т.-е. не помогает им, а при случае выдает. Условия действий для партизан в гражданской войне не вполне благоприятны. На Украине, где партизанство достигло невиданного еще в истории развития, оно, однако, оказалось неспособным решить самостоятельно военные задачи и одержать решительные победы. Такие победы приносила с собой регулярная Красная армия.

Несравненно, однако, важнее в вопросе о партизанстве другая сторона. В России существовало сильное течение (левые эсеры, левые коммунисты), которое горячо отстаивало партизанство, как организационную форму построения военных сил республики, и

восставало против организации регулярной Красной армии. Основной спор между сторонниками партизанства и сторонниками регулярности шел по четырем линиям: вопрос о добровольчестве, вопрос о выборности командного состава, вопрос о приглашении на командные должности офицеров старой армии и вопрос о выполнении приказов. Сторонники партизанских форм организации были за добровольчество и против принудительных мобилизаций, за выборность командного состава и против назначения, против приглашения на командные должности офицеров и за то, чтобы боевые приказы предварительно, до выполнения их, обсуждались и утверждались частями. Сторонники регулярной армии были за принудительную мобилизацию, за назначение командного состава, за приглашение на командные должности офицеров, за военную дисциплину, т.-е. за безоговорочное выполнение приказов.

Об этом «левом» течении приходится упоминать потому, что оно является одной из тех «неизбежных» ошибок, которые переживает всякая социалистическая революция. Пролетариат начинает строительство своих вооруженных сил (еще в первый период гражданской войны) именно с отрядов партизанского характера. Эти отряды добровольческие, с выборным начальником, «чистого» революционно-классового состава и основаны исключительно на добровольной товарищеской дисциплине. Эта организация своих вооруженных сил становится для пролетариата привычной. С другой стороны, этим отрядам приходится вести борьбу против старой армии с ее принудительной мобилизацией, назначенным сверху командным составом, состоящим из дворянских и буржуазных сынков, и суровой палочной дисциплиной. Эти особенности старой армии или тех специальных частей, которые формируются буржуазией для борьбы против пролетариата, становятся для пролетариата и поддерживающих его мелкобуржуазных слоев особенно ненавистными. Поэтому возврат к ним воспринимается в широких кругах рабочих и крестьянской бедноты, как возврат к старой армии. Идеологами, идейными выразителями этих взглядов и являются сторонники партизанства. Это течение, как видим, имеет глубокие корни в самом ходе развития гражданской войны и является неизбежным его этапом.

Основная ошибка сторонников партизанства состоит в том, что они не понимают коренного изменения в положении пролетариата до и после захвата им власти. До захвата им власти он не имеет возможности формировать свои силы иначе, как в виде партизанских отрядов. После захвата пролетариат имеет свое пролетарское государство и получает возможность строить свою регулярную Красную армию для того, чтобы отбиться от атак озверевшей буржуазии, имеющей в своем распоряжении регулярные войска. Регулярной классовой армии буржуазии пролетариат должен и может противопоставить свою регулярную классовую армию. Основное, коренное, самое главное отличие регулярной классовой армии пролетариата от старой армии не в организационных формах, не в выборном начале, не в добровольчестве и не в добровольной товарищеской дисциплине, а именно в том, что она

осуществляет диктатуру пролетариата, что она является основной частью пролетарского государственного аппарата, что она отстаивает против буржуазии социалистическое отечество,—словом, что она выполняет приказы пролетарского правительства, с которым связана тысячами нитей.

Вопрос о добровольчестве, о выборном начале и о добровольной дисциплине по существу сводится к вопросу: достаточно ли сознателен и дисциплинирован пролетариат «на другой день после социальной революции», после захвата власти для того, чтобы без всякого внешнего принуждения, по первому зову явиться в ряды армии, безоговорочно выполнять все приказы и выбирать не тех командиров, которые будут потворствовать его слабостям (иначе этот командир немедленно будет переизбран), а тех, которые против этих слабостей, разрушающих боеспособность армии, будут вести неуклонную и суровую борьбу? Ответ на этот вопрос ясен: даже в странах с сознательным и дисциплинированным пролетариатом только небольшое меньшинство удовлетворяет этим требованиям. Поэтому принудительная мобилизация, назначение командного состава и принудительная военная дисциплина—необходимые условия для создания классовой регулярной армии пролетариата.

Вопрос же о приглашении на командные должности офицеров старой армии сводится к вопросу: может ли пролетариат создать свою классовую регулярную армию без военных специалистов? Ответ ясен: не может, ибо у него нет необходимых для этого военных познаний. Но смогут ли офицеры старой армии дать пролетарской классовой армии эти познания? Ответ на этот вопрос дан ниже.

ПАРТИЗАНСТВО И БАНДИТИЗМ.

В эпоху социалистической революции, идущей под лозунгом «экспроприация экспроприаторов», партизанство неминуемо извращает этот лозунг и скатывается к бандитизму, если только партизаны не связаны тесно с регулярной армией. Какое бы название ни присваивали своим действиям партизаны,—реквизиция, самоснабжение, контрибуция,—существо дела остается то же. Дело также нисколько не изменится, если на партизанский бандитизм наклеить анархический ярлык. Мы видим это на примере известного на Украине предводителя партизанских банд Махно, от которого идейные анархисты на словах открещиваются (что не мешает им на деле заигрывать с ним). Под анархическим черным флагом Махно совершает черное дело объединения контр-революционных, кулацких элементов деревни против рабоче-крестьянской революции. Самое лучшее доказательство этому в том, что на деле Махно не раз являлся пособником врагов Советской России и белогвардейцев, которые не раз искали открытого или тайного союза с ним. Махно всаживал нож в спину Красной армии в то время, когда она вела отчаянную борьбу против Врангеля. Только тогда, когда Красная армия на врангелевском фронте настолько окрепла, что

была в силах оправиться с ним самостоятельно, Махно предложил Советскому правительству «военный союз» против Врангеля: кулак испугался за захваченную им у помещика землю. Предложение было принято не для того, чтобы иметь лишнюю силу на фронте,— она там была не нужна,—а чтобы на-время избавиться от врага в тылу. Как только Врангель был разгромлен, «союз», естественно распался, ибо пролетарской революции по пути с кулаком только в борьбе с помещиком, а дальше их пути резко расходятся. Вся деятельность Махно и его банд отмечена яркой печатью бандитизма, грабежей и насилий. Под его черные знамена стекались многочисленные бандиты всех видов и рангов, вплоть до уголовных преступников.

Партизанский бандитизм объективно является врагом пролетарской революции и союзником буржуазной контр-революции. Выбрасываемые им демагогические лозунги—«выборное начало», «долой офицерство», «долой всякую принудительную дисциплину»—деморализуют и разлагают, толкают на грабежи регулярные красноармейские части, которые, особенно в отсталой крестьянской России, лишь медленно изживают свою вековую ненависть ко всем организационным формам, заимствованным у старой армии. Вот почему решительная и непримиримая борьба с бандитизмом и с мелкобуржуазным, враждебным всякой дисциплине анархизмом в рядах регулярной Красной армии является первейшей и священнейшей обязанностью ее строителей. Вот почему партизанство может быть допускаемо лишь при условии строгого подчинения и теснейшей связи его с регулярной армией. Против бандитизма в частях армии необходимо с первых же дней принимать самые суровые меры борьбы.

СТАРАЯ И НОВАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Выше мы сказали, что пролетарская регулярная Красная армия вынуждена заимствовать у старой армии ее формы военной дисциплины. Теперь необходимо внести в этот вопрос весьма существенное дополнение.

Либерально-буржуазные профессора, а за ними и соглашатели-социалисты, весьма любят повторять, что в основе современной организации армии, даже в самой демократической ее форме, лежит «идея гражданина», идея «общего для всех отечества». Армия защищает «отечество» от общего для всех граждан иноземного врага. Поэтому армия не может и не должна быть классовой и партийной. Она должна быть внеклассовой и внепартийной. Этой насквозь лицемерной и лживой теорией «беспартийной» армии империалисты и социал-империалисты всех стран в течение империалистической войны дурманили головы рабочих.

Гражданская война разбивает на куски учение о беспартийной армии. Армии гражданской войны—классовые, а потому партийные армии. В силу этого вопрос о военной дисциплине становится в иную плоскость. В старой, «общеклассовой», «беспартийной» армии, которая на деле была буржуазной армией, военная

дисциплина связывала, скрепляла, цементировала, нивеллировала элементы, принадлежавшие к разным классам. В армиях гражданской войны, особенно в классовой армии пролетариата, та же военная дисциплина скрепляет и связывает однородные элементы одного и того же класса. В старой армии фундаментом для внешне-принудительной дисциплины служило лицемерное и лживое учение о единстве и однородности всех граждан в борьбе с внешним врагом, а поэтому, как только этот фундамент рухнул, старая армия стала разлагаться и распадаться. В пролетарской классовой армии внешне-принудительная военная дисциплина базируется на товарищеской солидарности и товарищеской дисциплине членов одного и того же класса, ведущих борьбу за единую классовую цель,—низвержение диктатуры буржуазии и торжество диктатуры пролетариата. И по мере роста в самом процессе гражданской войны сознательности и дисциплинированности пролетариата его классовая армия развивается, в отличие от старой армии, в сторону добровольной, сознательной, товарищеской дисциплины, заполняющей рамки внешне-принудительной, заимствованной у старой армии военной дисциплины. Внешне-принудительная военная дисциплина по мере роста сознательности, организованности пролетарской классовой армии начинает постепенно отмирать.

Этот процесс, однако, затемняется в условиях русской революции явлениями мелкобуржуазного анархизма и недисциплинированности, которые при преобладающем крестьянском составе русской Красной армии неизбежны. Гораздо яснее этот процесс будет виден в пролетарских армиях Запада.

В противоположном направлении идет развитие форм внешне-принудительной военной дисциплины в классовой армии буржуазии. Вначале, когда эта армия является чисто-классовой, однородной по своему классовому составу, в ней под формами внешне-принудительной дисциплины таится «товарищеская» дисциплина членов одного и того же класса, одушевленных и скрепленных одним стремлением—свергнуть диктатуру пролетариата и восстановить диктатуру буржуазии. Но затем, как мы уже видели, буржуазия видит себя вынужденной малочисленные ряды своей классовой армии пополнить элементами из чуждых, а нередко и враждебных ей классов. Тем самым разрушается фундамент «товарищеской» дисциплины классовой армии буржуазии и внешне-принудительные формы военной дисциплины приобретают все большее значение и становятся все более насильственными, доходя до полного зверства (избиение шомполами, расстрел без суда). В классовой армии буржуазии развитие дисциплины идет по направлению к формам старой армии, от добровольчества к принудительности.

РОЛЬ КАВАЛЕРИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Маневренный характер гражданской войны, выход войны из окопов и проволоки на открытое поле создают условия для возрождения кавалерии и возвращения ей той важной роли, которую

она играла до русско-японской и империалистической войны. Инициативу в создании кавалерии берет на себя в России белогвардейское командование. На это имеется несколько причин. Во-первых, ему, как мы видели, надо «торопиться», а кавалерия—именно тот род оружия, который в условиях гражданской войны может дать наиболее быстрое решение. Во-вторых, белогвардейцы базировались преимущественно на казачьи области, а казаки—природные кавалеристы, с раннего детства ездящие на лошадях и обладающие большим запасом годных для кавалерийской службы лошадей. В-третьих, из всех родов оружия кавалерия всегда была на привилегированном положении, а командный состав ее набирался почти исключительно из высшего дворянства. Поэтому весь кавалерийский офицерский состав оказался сплошь на стороне белых, чего нельзя сказать о пехотинцах и артиллеристах. Слабо сколоченные и плохо обученные красноармейские части в подавляющем большинстве случаев оказывались неспособными противостоять кавалерийской атаке. Особенно же расстраивали красноармейские части набеги белой кавалерии в ближайший тыл. Советское правительство было вынуждено противопоставить белой кавалерии свою красную кавалерию, к спешному формированию которой и было приступлено, правда, с сильным опозданием. К концу 1919 года на южном фронте с обеих сторон сражалось по нескольку десятков тысяч кавалерии, при чем отдельные крупные соединения (например, 1-я конная Красная армия) доходили до 20 тысяч сабель. Красная кавалерия формировалась по преимуществу из тех же казаков, казачьей бедноты, которая шла за Советской властью. Впоследствии пополнения для кавалерии шли уже и из не-казачьих областей. В течение гражданской войны кавалерия совершила своеобразную эволюцию. Благодаря ряду побед над деникинскими войсками, красная кавалерия оказалась богато снабженной пулеметами. Не редкость было встретить в полку до 100 пулеметов. Пулеметы ставились на тележки и перед атакой выезжали вперед и производили сильнейший обстрел неприятеля. Следующий этап в развитии кавалерии был сделан Врангелем. Богато снабженный французами и англичанами, Врангель присоединил к кавалерии большое число вооруженных пулеметами и мелкими пушками грузовиков, а также отряды бронированных автомобилей и эскадрильи аэропланов. Получился новый род оружия—«бронированная» кавалерия, которая, не теряя своей маневренной гибкости, быстроты передвижения и стремительности удара, приобрела огромную огневую силу, какой кавалерия прежних войн не знала. Из действий кавалерии необходимо отметить глубокие рейды в тыл противника (рейд ген. Мамонтова, рейд 5-й красной кавалерийской дивизии). При всем вреде и ущербе, какой эти глубокие рейды причиняют, они все же не оправдывают себя. Во-первых, решения в условиях гражданской войны они дать не могут, так как о капитуляции правящих органов обеих сторон не может быть и речи. Во-вторых, они сопровождаются крайним переутомлением лошадей и людей, в большом числе выбывающих из строя (вернувшийся из рейда корпус Мамонтова

более чем на месяц оказался небоеспособным). Наконец, они требуют выделения с фронта такого значительного количества кавалерии (не менее 5 тысяч сабель), отсутствие которого на фронте очень сильно ослабляет его.

Как велико значение кавалерии в условиях гражданской войны,—видно лучше всего на примере Врангеля. Врангель перевернул отношение между пехотой и кавалерией. «Бронированная» кавалерия стала у него главным родом оружия, а пехоте была отведена вспомогательная роль. Пехота прокладывала для кавалерии пути там, где кавалерия не была в состоянии пройти самостоятельно (проволочные заграждения, переправа через реки, десанты). Бой же вела и решала дело кавалерия.

В Западной Европе кавалерия едва ли сможет сыграть такую крупную роль, главным образом, потому, что там недостает необходимой для кавалерии лошади. Только полудикие русские лошади обладают необходимой для кавалерии выносливостью, способны делать по 2—3 дня под-ряд 60-верстные переходы, ночевать под открытым небом летом и зимой и питаться недостаточным и плохим кормом. Однако, не следует повторять той ошибки, которая была сделана в русской Красной армии, где приступили к формированию кавалерии лишь на второй год войны. Необходимо, поскольку позволяют это условия, формирование кавалерии вести на-ряду с формированием пехоты и превращать ее в «бронированную» придачей ей большого числа конных пулеметов, конной артиллерии, вооруженных грузовиков, броневиков и аэропланов.

ЕЗДЯЩАЯ ПЕХОТА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Переходной ступенью между кавалерией и пехотой надо считать так-называемую «ездящую» пехоту. Сюда относятся весьма различные воинские части, «изобретенные» стихийным творчеством гражданской войны. На первом месте здесь стоят те кавалерийские части, которые вследствие слабой обученности не умеют сражаться в конном строю, плохо ездят, плохо рубят, а потому вынуждены для боя спешиваться. Затем идет то, что собственно обычно называется «ездящей» пехотой, т.-е. пехота, которая употребляет лошадь исключительно для целей передвижения. В свою очередь эта пехота разбивается на три категории: 1) пехота, употребляющая для передвижения верховую лошадь, что встречается сравнительно редко, 2) пехота, передвигающаяся на телегах, находящихся в постоянном ее распоряжении (способ, которым преимущественно пользуются бандиты), 3) пехота, передвигающаяся на обывательских подводах (наиболее распространенный способ). Далее, идет пехота, передвигающаяся на грузовиках. Этот вид передвижения применяется почти исключительно в уличных боях и во время сражений у крупных городов с развитой сетью шоссейных дорог. В виду русского бездорожья и незначительного числа грузовиков этот важный, наиболее быстрый и наиболее

гибкий способ передвижения пехоты не мог получить в России большого распространения и постоянного применения. Но на Западе, где имеется густая сеть шоссейных путей и большое число грузовиков, этот способ передвижения пехоты может получить решающее значение. Наконец, последний вид «ездящей пехоты», который необходимо отметить как безусловно отрицательный, это—пехота, ездящая в железнодорожных поездах. Не следует смешивать этого с теми перебросками пехоты по железным дорогам, которые в течение гражданской войны производятся сплошь и рядом и на дальние, и на ближние расстояния. Речь идет о другом, о так-называемой «железнодорожной войне», которая заключается в том, что каждая часть имеет несколько своих «собственных» поездов с «собственными» паровозами. В этих поездах она живет, она держит свое частное имущество (преимущественно награбленное), она «ездит» в бой, а главное - при малейшей опасности для этого имущества спешно удирает с своим поездом на десятки и сотни верст. Это явление относится к той эпохе, когда регулярные части Красной армии еще только начинали формироваться, а следовательно, принадлежит к «доисторическому» периоду партизанской войны. Для искоренения его, для того, чтобы выбросить части из вагонов, потребовалось применение крайних мер, вплоть до угрозы обстрелом из пулеметов и орудий.

ПЕХОТА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Несмотря на огромную роль, приобретенную в гражданской войне кавалерией, пехота в условиях гражданской войны все же не теряет своего значения и лишь редко уступает первое место кавалерии. Особенно это верно по отношению к Западной Европе не только потому, что так отсутствуют условия для создания многочисленной кавалерии, но и потому, что там окопы и проволочные заграждения сыграют более значительную роль, чем в России. А преодолевать укрепления может только пехота. Характерной для пехоты гражданской войны является относительная малочисленность ее частей, которая в дальнейшем развитии войны несколько увеличивается. У буржуазии это вызывается, как мы видели уже выше, малочисленностью ее классовой армии и необходимостью восполнять недостаток общей численности быстрым маневрированием мелких самостоятельных частей. По своим высоким качествам офицерские полки в 400—500 штыков обладают совершенно достаточной ударной силой, чтобы самостоятельно решать задачи. В Красной армии малочисленный состав тактических единиц вызывается отсутствием достаточно подготовленного командного состава, который был бы в силах справиться с крупной единицей. Поэтому в Красной армии полки в 800—1.200 штыков считались нормальными. Под конец войны, когда выработался более опытный командный состав, численный состав полков значительно возрос (до 2 тысяч штыков).

ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЙСКА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Опыт русской гражданской войны в этой области не может считаться поучительным прежде всего потому, что Россия очень бедна, по сравнению с Западной Европой, техническими средствами, а затем вследствие русского бездорожья, не допускающего широкого применения технических средств. Необходимо отметить, что действия артиллерии со стороны Красной армии страдали большими дефектами, вследствие недостатка опытного командного состава. Большое значение приобретают в условиях гражданской войны железнодорожные восстановительные отряды вследствие частых разрушений дорог и мостов и необходимости их быстрого восстановления. Бронепоезда и бронемашины даже при слабом развитии русских железных дорог и шоссейных путей играли значительную роль. Участие танков в России было незначительно. Однако, и на основании этого небольшого опыта наметился вывод, что в условиях гражданской войны их значение уменьшается по сравнению с той ролью, которую они играли в окопной войне. Для свободно маневрирующих на полях сражений армий гражданской войны танки не так опасны, как для неподвижно закопавшихся в землю империалистических армий. Нередко бывали случаи, что танки окружались вплотную пехотой или кавалерией и забрасывались ручными гранатами. Кроме того, в условиях свободного маневра танки более уязвимы для огня артиллерии, которая нередко сбивала их с открытых позиций на расстоянии 300—400 метров.

На Западе технические средства и технические войска призваны сыграть в классовых армиях пролетариата гораздо большую роль и, поскольку дело коснется броневиков и вооруженных грузовиков, в значительной мере заменить кавалерию.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Относительно классовой армии буржуазии не приходится доказывать, что она обеспечена большими резервами наиболее высококвалифицированного, наиболее опытного по всем родам оружия и по всем специальностям военного дела командного состава. Огромное большинство офицерства оказывается на стороне буржуазии. На долю пролетарской классовой армии выпадает лишь незначительная часть офицерства, по преимуществу из тех слоев его, которые не желают вмешиваться в гражданскую войну, которые враждебно-нейтральны к пролетариату и, следовательно, сочувственно-нейтральны к буржуазии. Кроме того, при всей своей кастовой замкнутости офицерство не представляет вполне однородной массы. Внутри своей касты оно делится на более или менее привилегированные слои, на офицерскую аристократию и офицерский плебс. Наконец, империалистическая война выдвинула на-ряду с кадровым офицерством офицерство военного времени,

пестрое по своему составу. Все эти причины ведут к тому, что известная часть офицерства, не желающая итти в ряды классовой армии буржуазии, поневоле оказывается вынужденной вступить в ряды классовой армии пролетариата. Сюда же относится и та часть враждебного пролетариату офицерства, которую гражданская война застает врасплох на территории пролетарской диктатуры, которая, таким образом, оказывается «в плену» у пролетариата. Должен ли и может ли пролетариат воспользоваться офицерством для создания своей классовой армии? Мы уже ставили этот вопрос выше и видели, что этот вопрос сводится к вопросу, может ли пролетариат построить свою армию без услуг специалистов. Несомненно, не может, так как из своих рядов знатоков военного дела он может выдвинуть лишь ничтожное число, единицы. А нужны тысячи. Но могут ли офицеры дать пролетарской армии эти военные знания? Могут ли они взять на себя строительство Красной армии и могут ли справиться с этой задачей? Ответ на этот вопрос гласит: при условии бдительного наблюдения за работой офицеров и деятельного участия в строительстве Красной армии со стороны передового слоя пролетариата — коммунистической партии, несомненно, могут. В процессе развития и обострения гражданской войны, на совместной работе с представителями коммунистической партии, часть офицерства, работающая в Красной армии, переходит на точку зрения пролетариата и связывает свою судьбу с ним, часть становится сочувственно-нейтральной, часть враждебно-нейтральной и, наконец, менее значительная часть изменяет пролетариату. Противники включения в Красную армию старого офицерства обыкновенно упирают на эту последнюю, наименее значительную часть. Но в гражданской войне число изменников всегда бывает велико, в гражданской войне пролетариата и буржуазии целый класс—мелкая буржуазия—является изменническим. Мы видели это выше, на массовом переходе мелкобуржуазных крестьянских элементов из одной классовой армии в другую и обратно. В конечном счете мелкая буржуазия на опыте убеждается, что пролетарская диктатура ей менее невыгодна, чем буржуазная. В конечном счете невыгода от привлечения мелкой буржуазии в ряды классовых армий, как мы видели, оказывается на стороне буржуазии. Она на этом проигрывает. Но отказаться от мобилизации в свои классовые армии мелкой буржуазии обе стороны не могут. Далее. Буржуазия мобилизует в ряды своей классовой армии и силой заставляет служить себе рабочих, будучи уверена, что значительная часть их перейдет в бою на сторону пролетариата. А пролетариат мобилизует и силой заставляет служить себе офицеров. Если часть офицерства изменяет пролетариату и переходит на сторону буржуазии, то шансы обеих сторон здесь уравниваются. Наконец, польза, которую приносит Красной армии не-изменническое офицерство, несравненно больше, чем вред, приносимый изменниками. Это—самое главное соображение. Русская Красная армия выросла благодаря работе офицерства, которая покрыла собой во много раз разрушительную работу изменников.

Измена — это неизбежные «непроизводительные издержки» по строительству классовой армии пролетариата. И последнему нужно внимательно наблюдать только за тем, чтобы эти «непроизводительные издержки» были минимальными.

На Западе в силу большей классовой диференциации и большей обостренности гражданской войны, число офицеров, которых окажется возможным привлечь к строительству и к управлению классовыми армиями пролетариата, будет, вероятно, значительно меньше. Но зато империалистическая война оставила значительный кадр опытного унтер-офицерского состава, который в широких размерах может быть влит в пролетарские армии и сможет по своему высокому уровню заполнить собою офицерские места.

Вопрос о командном составе классовой армии пролетариата привлечением офицерства не только не исчерпывается, а лишь начинается. Уже на первых этапах строительства Красной армии перед пролетарским государством встает задача приступить к подготовке пролетарского командного состава. Только таким способом можно обеспечить пополнение Красной армии командным составом и заполнить ту пропасть, которая во всех армиях (в том числе, понятно, и в классовой армии буржуазии) отделяет солдата от начальника, и тем самым убить навсегда естественное недоверие красноармейца к штабам, в которых «сидят изменники». С последним особенно остро приходилось считаться на первых этапах строительства Красной армии.

Опыт организации курсов красного командного состава настолько поучителен, что на нем необходимо остановиться подробнее. Приводимые ниже цифры заимствованы из официального отчета Главного Управления Военно-Учебных Заведений за три года существования Советской власти в России.

Организация командных курсов началась в начале 1918 г., и затем число курсов и число курсантов быстро возрастало. Для организации курсов были использованы помещения и хозяйственно-административный персонал ликвидированных военно-учебных заведений, оставшихся после низвержения Романовых. Большинство курсантов при поступлении либо принадлежало, либо примыкало к коммунистической партии. При выпуске подавляющее большинство курсантов выходило членами Российской Коммунистической Партии.

По образовательному цензу курсанты делятся так: с высшим образованием — 0,7%, с средним законченным образованием 11,4%, с средним незаконченным — 8%, с четырехклассным 13%, с низшим — 62,7%, с домашним образованием — 3,2%.

По классовому составу курсанты делятся: 37,5% рабочих (в том числе квалифицированных — 31,5%, неквалифицированных — 6,5); земледельцев — 24,7%, прочих — 37,8%, в том числе крестьяне-рабочие.

Таким образом, командные курсы заполняются в большинстве рабочими и крестьянами. Этим путем в руки трудящихся отдается командование в армии, как до революции это командо-

вание отдавалось, через юнкерские училища, в руки эксплоатирующих классов.

Точное представление о воспитательном значении курсов можно получить при знакомстве с материалами, характеризующими работу курсантов в партийных и профессиональных организациях, до поступления на курсы. Оказывается, что не работало в организациях, по данным 1918 года, 80,7%, а работало только 12,9%. Таким образом, преобладающее большинство вступило в политические организации уже на курсах, что объясняется интенсивной работой курсовых политических и просветительных организаций.

Возраст курсантов колеблется от 18 до 25 лет; до 20 лет было, по данным 1918 года, 40,3%, до 25—38,5%, старше же 25 лет—3,7%.

Большинство поступающих на курсы уже служили в войсках, что объясняется или тем, что курсанты командируются из войсковых частей, или тем, что солдаты старой армии, желая пополнить свои теоретические познания, охотно идут на курсы.

Служба курсантов в войсках выражается следующим образом: в 1918 г. служило всего в войсках 59,5%, а не служило 40,5%. Из них большинство служило в пехоте (46,3%); в 1919 г., на основании разработанных учебных карточек, служба в войсках выражается: служило в старой и Красной армиях—44%, только в старой армии—18%, только в Красной армии—17,4%, не служило в войсках—2,6%; большинство служило в пехоте (68,6%). Боевой стаж имеют 60,8%, тыловую службу несли 39,2%. Все находившиеся на военной службе разделяются по чинам, званиям и должностям так: бывших офицеров—4,2%, бывших военных чиновников—0,5%, бывших унтер-офицеров—39,9%; бывших рядовых—33,3%; занимали командные должности в Красной армии—0,3%, красноармейцев—21,8%.

Если принять выпуск 1918 г. за 100%, то выпуск 1919 г. был 656%, выпуск 1920 г.—1379. Окончившие курсанты распределялись по родам оружия так: пехота—50,6%, артиллерия—11,9%, кавалерия — 10%, пулеметчики — 9,3%, инженерные—5%, специальных войск—13,2%[1]).

Одна из характерных особенностей красных командных курсов—обязательное преподавание политической грамоты, разбитой на три цикла: 1) капитализм и социализм, 2) империализм и социальная революция, 3) Октябрьская революция и Советская власть.

Первые выпуски красных командиров были встречены в армии с некоторым недоверием, особенно со стороны старого офицерства. Но затем это недоверие исчезло, так как на младших командных должностях красные командиры показали себя с самой лучшей стороны. Это признается теперь всем старым офицерством.

Еще одна черта отделяет пролетарские командные курсы от буржуазных. Это—использование курсантов во всем их составе на трудовые задачи. Вопрос этот возник в начале 1920 г., ко-

---

[1]) Прим. к наст. изданию. К 1923 г. было 87 тыс. окончивших курсантов.

гда в «порядок дня» Советской Республики были поставлены задачи восстановления разрушенного войной хозяйства и использования для этой цели сил Красной армии. Курсы красного командного состава, как часть Красной армии, не могли остаться в стороне от этого широкого движения. Квалифицированные и обученные рабочие были взяты на учет и курсанты разбиты на трудовые артели, которые, по указаниям местных советов народного хозяйства, выполняли разнообразные хозяйственные работы.

Этой своей работой курсанты подчеркнули, что «замкнутый дух касты чужд советским командным курсам», что «они не белоручки, готовящиеся быть профессиональными офицерами, что они одновременно работники и меча, и плуга».

Кратковременный опыт с трудовыми артелями курсантов был учтен, и в связи с ним был выдвинут вопрос о создании единой военной школы на трудовых началах, о введении в программы военных училищ курса научного управления хозяйством, так чтобы кончающие курсанты становились одновременно «командирами меча и плуга».

В течение трех лет гражданской войны красным курсантам приходилось не только учиться и готовиться к командным должностям, но и сражаться. Не раз бывало, что в трудные минуты республика выдвигала свернутые в бригады курсы на поля сражений. По единогласному отзыву, курсантские бригады и дивизии, наспех сколоченные, равнялись по своей боеспособности и героизму с лучшими нашими дивизиями, 21-й, 28-й, 30-й и 51-й, и ни в чем не уступали лучшим офицерским дивизиям Деникина и Врангеля (Корниловской, Марковской и Дроздовской).

«КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОЛДАТ» ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Мы только-что говорили о лучших, квалифицированных красных и белых дивизиях, состоящих из «квалифицированных солдат», то-есть белых офицеров и красных курсантов, из которых каждый обладает относительно большим запасом военных знаний. В русской гражданской войне этот опыт создания дивизий из «квалифицированных солдат», по целому ряду причин, не мог принять обширных размеров, отчего, однако, не уменьшается его показательность и его значение. Культурная отсталость России, и в частности отсталость пролетариата, среди которого еще пару лет назад был огромный процент безграмотных, длительность гражданской войны вследствие того, что на Россию направился первый удар международной контр-революции,—все это не давало возможности поставить высоко одиночное обучение рядового бойца, которое превратило бы его из «чернорабочего» в «квалифицированного рабочего» войны.

А между тем, вопрос о «квалифицированном солдате» для пролетариата имеет огромное практическое значение. Именно недо-

статок командного состава в классовой армии пролетариата, недостаток, который может быть восполнен лишь в течение долгих лет, т.-е. тогда, когда первые полосы гражданской войны будут уже далеко позади, побуждает пролетариат искать выхода в замене недостающего командного состава массовой квалификацией красноармейца. Для этого у пролетариата имеются такие условия, которые отсутствуют у буржуазии: прежде всего революционная сознательность красноармейца и развитие внешне-принудительной дисциплины в Красной армии в сторону сознательной, добровольной, товарищеской дисциплины. (В буржуазной классовой армии, как мы видели, развитие идет в обратном направлении). Затем, политическая пропаганда пролетариата в рядах Красной армии, которая основана на правде. (А политическая пропаганда и агитация буржуазии внутри белой армии основана на лжи и обмане). Пролетариат не боится сознательности и инициативности отдельного бойца. Для буржуазии же сознательность и инициативность бойца гибельны. Поэтому пролетариат может щедро давать бойцу и основы политической грамоты, и основы военного дела. Буржуазия же этого не может. Вот почему в классовой армии пролетариата развитие может итти ко все большей квалификации солдата, а в классовой армии буржуазии дело идет наоборот, ибо высококвалифицированные ее офицерские резервы, превращаемые в рядовых бойцов, быстро истощаются и не могут быть достаточно пополняемы.

Немаловажное практическое значение имеет квалификация солдата еще в том отношении, что она дает возможность уменьшить численность Красной армии. Высокие военные качества белых войск вынуждают Красные армии увеличивать свою численность до размеров, по меньшей мере, вдвое больших, чем белые армии. А это связано, во-первых, с огромным отвлечением рабочих и крестьян от производительного труда, во-вторых, с трудностями снабжения обмундированием, продовольствием, оружием и патронами. И то, и другое в условиях революции представляет чрезмерно тягостный расход, чрезвычайно ухудшающий хозяйство пролетарского государства.

Как ни слаб опыт русской гражданской войны в деле квалификации солдата, но все же пример курсантских дивизий и бригад чрезвычайно показателен.

Западно-европейский пролетариат имеет несравненно больше возможностей поставить в широких размерах воспитание «квалифицированных солдат», а также устройство своих командных курсов. Вопрос о «квалифицированном солдате» теснейшим образом связан с вопросом о милиционной системе. Для выяснения этого вопроса придется несколько уклониться от поставленной в этой брошюре задачи—подвести итоги русской гражданской войны, учесть ее опыт—и остановиться на теории милиционной системы, которая была изложена мною в ряде статей, появившихся в «Петроградской Правде» в начале 1918 г., т.-е. тогда, когда еще не было ни Красной армии, ни красных командных курсов, ни опыта гражданской войны в социалистической революции.

Вот выдержки из помянутых мною статей.

«Энгельс в своем «Анти-Дюринге» относительно дореволюционной французской армии замечает, что она была «военным слепком с абсолютизма». «Только такая революция, как французская,—говорит он,—которая экономически эмансипировала буржуа, и особенно крестьянина, могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представляющую собой военный слепок с абсолютизма».

Вот таким «военным слепком» с советского строя только и может быть «советская армия».

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит над народом. Буржуазная армия, этот «военный слепок» с буржуазного строя, также оторвана от народа, противопоставлена ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоит над народом. В советском строе государственная власть есть власть самого народа, рабочих и крестьянской бедноты. И советская армия, этот «военный слепок» с советского строя, не может быть ничем иным, как армией народной, армией рабочих и беднейших крестьян. Эта армия не стоит над народом, между армией и народом нет границы, отдельно армии и народа не существует, армия и народ совпадают, рабоче-крестьянский «народ» целиком представляет собою советскую армию, советская армия представляет собою вооруженный рабоче-крестьянский «народ».

В буржуазном строе военная служба отделена и противопоставлена производительному труду и общественно-политической деятельности, замкнута в тесной и душной казарме, отрезана от народа стеной железной дисциплины. В советском строе военная служба протекает в свободных условиях общественной самодеятельности, сливается и переплетается в неразрывное целое с производительным трудом и всей общественной и политической работой пролетариата и крестьянской бедноты и строится на началах добровольной товарищеской дисциплины.

Советская армия, как «военный слепок» советов, может развиваться, расти, укрепляться в прямой зависимости от роста и укрепления Советской власти.

Как же строится «советская армия»?

Каждый окружной, волостной и уездный совет принимает ближайшее участие в созидании советской армии. Каждый совет на месте создает, в своей волости, в своем уезде, свой местный советский отряд, в который включаются все способные к ношению оружия местные рабочие и крестьяне. В городах такие советские отряды создают все более крупные заводы и фабрики, а более мелкие образуют соединенные отряды.

Через волостной, фабричный, заводский отряд должны пройти все способные к ношению оружия. Обучение военному делу в

этих отрядах, представляя часть повседневной, обыденной работы, не должно останавливаться только на том, чтобы научить стрелять, самоокапываться и маршировать. Оно должно поставить себе целью создать «квалифицированного» солдата, «полуофицера», обладающего разносторонними специальными военными знаниями.

Энгельс в то же «Анти-Дюринге» указывает, что «организация и боевой метод армии, а вместе с тем успех и поражение последней зависят от материала человеческого и от оружия, следовательно, от качества и количества населения и от техники». В современных войнах техника играет огромную роль. В этом отношении мы далеко отстали от империалистических стран и можем мечтать о том, чтобы только догнать их. Но в человеческом материале в Советской России, по сравнению с империалистическими странами, имеется огромное преимущество. Армия «квалифицированных» солдат, построенная на сознательной товарищеской (т.-е. социалистической) дисциплине, возможна только в советском строе. И создание такой армии, превращение безграмотного «мужика» в «полуофицера» есть не бо́льшая фантазия, чем привлечение «кухарки» к управлению государством.

Мы вступаем в целую эпоху войн и поэтому создание такой квалифицированной армии «полуофицеров», вооруженной по последнему слову техники, способной побеждать «вооруженные до зубов» империалистические армии, нельзя оценивать с точки зрения ближайших задач, ближайших, завтрашних перспектив. Нужно на создание советской армии посмотреть шире, на долгий период империалистических войн и революций,—и тогда эта задача предстанет во всей ее широте и величии. Человеческий «материал», «качество и количество населения»—вот чем, при равной технике, может побеждать современная армия, вот тот путь, который освободит военное искусство от неподвижных, неуклюжих позиционных форм боя, представляющих «военный слепок» с капиталистического производства. Социалистическое производство, несравненно более свободное и гибкое, чем капиталистическое, откроет квалифицированной армии советских «полуофицеров», этому «военному слепку» социалистического строя, «свободные формы движения» (выражение Энгельса), которые обеспечат ей победу.

Волостные и фабрично-заводские отряды, уже обученные стрелковому делу, самоокапыванию, саперным и другим практическим работам и прослушавшие теоретический курс военных наук, время-от-времени, через известные промежутки должны производить «пробные мобилизации». Пробная мобилизация — дорого стоящая штука, а потому капиталистические страны лишь весьма редко могут позволить себе такую роскошь. В советском строе по мере обобществления производства создаются материальные и моральные предпосылки для пробных мобилизаций. Непосредственное участие в производительной работе коммуны приучает к постоянной общественной мобилизации производительных сил, а военная пробная мобилизация представляет собою такую же мобилизацию сил коммуны для военных целей.

Широкая возможность пробных волостных, уездных, городских и губернских мобилизаций—это колоссальное преимущество советского строя перед капиталистическим, которое выработает «свободные формы движения», несущие советской армии победу над империалистическими.

«Свободные формы движения» новой армии должны явиться в результате: во-первых, крепчайшей внутренней спайки в частях армии, основанной на добровольной сознательной дисциплине и на самом способе формирования частей из людей одной местности, хорошо знающих друг-друга с детства и по общей работе в коммуне, и, во-вторых, широкой инициативы как отдельных людей, так и самых мелких частей на поле сражения, основанной на высоком уровне военных знаний среди «квалифицированных» солдат новой армии. Это было подробно развито в одной из последующих статей, где усиленно подчеркивалось, что только новые «свободные формы движения» социалистической армии дадут возможность военному искусству «выпутаться из колючей проволоки позиционной войны», из мрачных сырых окопов выйти на свежий воздух полей сражения».

«Старая армия принудительно сколачивалась и держалась только палкой, новая армия будет скреплена сильнейшим внутренним цементом—сознательным добровольным подчинением. Старая армия составлялась из солдат, которые были пригодны лишь на самую простую, грубую, черную работу стрельбы и рытья окопов, а над этими «чернорабочими» возвышались богатые специальными военными познаниями офицеры. Солдат новой армии должен быть хорошим специалистом, «квалифицированным рабочим» войны, «полуофицером», если так можно выразиться, как «полуинженерами» являются высококвалифицированные рабочие на заводах и фабриках.

Трудна задача создать такую армию, но она должна быть выполнена. Только армия, построенная на этих новых началах, способна наносить поражения армиями прежнего, буржуазного» типа».

Эти выдержки показывают, что уже в начале 1918 г. в нашей партии существовал взгляд на невозможность для России немедленного перехода к милиционной армии. Опыт гражданской войны полностью подтвердил этот взгляд. Вопрос о милиционной системе не раз обсуждался и на IX съезде РКП весной 1920 г. был вырешен в положительном смысле, но с целым рядом ограничений. Вплоть до начала 1921 г. мы, однако, были лишены возможности сделать хотя бы один практический шаг в направлении к милиционной системе.

События весны 1921 г. (кронштадтское восстание и волна бандитизма) показали, что о широком переходе к милиционной системе в настоящий период русской революции не может быть и речи, ибо на деле развитие милиционной системы могло превратиться в придание организационной военной формы мелкобуржуазной анархистской контр-революции. Поэтому X партсъезд, запретив широкую пропаганду милиционной системы, как вредную, допустил лишь образование полумилиционных частей в ра-

бочих центрах и этим подчеркнул, что в русских условиях о н а р о д н о й милиции говорить не приходится, а надо приступить лишь к организации к л а с с о в о й (пролетарской) милиции. На Западе, где соотношение пролетариата к мелкой буржуазии гораздо благоприятнее, переход к классовой милиции будет проще и быстрее, чем у нас. Однако, и там переход к народной милиции станет возможным лишь по прочном укреплении пролетарской диктатуры, т.-е. тогда, когда она может оказаться почти ненужной.

РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

В тесной связи с вопросом о «квалифицированном солдате» стоит вопрос о разведке и шпионаже в условиях гражданской войны.

Перемешанность воюющих классов на одной и той же территории создает почву для небывалого расцвета шпионажа. Число шпионов-добровольцев с обеих сторон невероятно. Однако, в этом деле преимущество целиком на стороне белых. По своему классовому составу, по своим познаниям они несравненно более подготовлены к роли военных шпионов, чем невежественные в военном деле рабочие, батраки и мелкий деревенский люд. Особенно сильно это различие оказывается в безграмотной, темной России. Но и на Западе это различие настолько велико, что пролетарскому правительству, взявшему власть в свои руки и с первых же часов приступившему к строительству Красной армии, необходимо тотчас же позаботиться о создании сети школ военного шпионажа, в условиях гражданской войны приобретающего огромное значение. Поистине положение пролетариата, не имеющего шпионского аппарата, можно сравнить с положением слепого гиганта, попавшего в руки всевидящих пигмеев, неспособных одолеть его, но причиняющих ему множество бед, которых он мог бы избежать, будь он зрячим. Каждый член коммунистической партии, каждый честный рабочий должен быть шпионом, разведчиком в тылу ли у белых, или на своей территории для выслеживания белых шпионов. Постановка агентуры в тылу у белых в условиях гражданской войны может базироваться исключительно на партийных организациях. О наемных агентах не может быть и речи.

В войсковой разведке Красная армия также очень сильно отстает от белой. И только квалифицирование красноармейца, обучение его приемам войсковой разведки может исправить этот чрезвычайно важный дефект Красной армии.

ТЫЛ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Мы уже видели, что в силу перемешанности воюющих классов на территории одной страны тылы у обеих сторон весьма неблагополучны: шпионаж, заговоры, восстания, дезертирство, грабежи, разрушение железных дорог, взрывы, покушения на жизнь видных политических и военных вождей. Есть, однако, существенное раз-

личие между красным и белым тылом. Белый тыл систематически разрушается и развращается спекуляцией и интригами различных политических групп, «ориентирующихся» на враждующие между собой иностранные государства. Спекуляция, ставшая в белом тылу, по признанию самих белогвардейцев, огромной разрушительной силой, срывает снабжение армии. При Деникине английские военные представители на юге России систематически жаловались на то, что все тылы одеты в аанглийское обмундирование, а армия раздета. Никаких серьезных мер борьбы со спекуляцией белые правители естественно не принимают. Спекуляция захватывает армию, офицерский состав ее до самых верхов. А вместе со спекуляцией растет неслыханный разгул, пьянство, разврат, бандитизм. По свидетельству самих же белогвардейцев (см., напр., книгу Г. Н. Раковского «В стане белых», изданную в Константинополе), разложение тыла у белых достигает чудовищных размеров.

Не то в красном тылу. И здесь, понятно, находятся элементы бандитские и спекулянтские. Но против них ведется беспощаднейшая борьба. В общем и целом эти явления в красном тылу ничто по сравнению с тем, что творится в тылу у белых.

Армии чутко чувствуют свой тыл. У белых вражда армии к своему тылу вырастает до пределов ненависти. Эта ненависть особенно остро проявилась при отступлении деникинских армий весной 1920 г. на Юг. Бесчинства, насилия, грабежи, погромы отступавших дивизий превосходят всякие описания. «Довольно воевать за буржуев, пусть сами за себя воюют»,—с такими лозунгами катились на Юг разложившиеся ряды классовой армии русской буржуазии (см. упомянутую книгу Раковского). Этот крик солдата белой армии лучше всего указывает понимание им лицемерия буржуазии, заявляющей, что она, якобы, воюют за интересы всего народа, лучше всего обнаруживает разрыв фронта и тыла у белых.

За все три года гражданской войны, при самых тяжелых неудачах, мы не видели чего-либо подобного в красном тылу. Спайка красного фронта и красного тыла за все три года оставалась крепкой и тесной. Когда тылу приходилось голодно, армия напрягала усилия, чтобы послать в подарок ему маршруты с хлебом. Когда армия изнемогала в борьбе с высококвалифицированными полками Колчака и Деникина, тыл напрягал все свои силы, чтобы помочь армии. Не тот «официальный» тыл, на котором лежит прямая обязанность пополнять ряды армии и снабжать ее, а весь тыл в целом, все верные Советской власти рабочие и крестьяне. Именно эти огромные тылы в лице уездных, волостных и сельских советов и комитетов деревенской бедноты сумели, несмотря на чрезвычайное истощение нашей страны, дважды сформировать многочисленные кавалерийские эскадроны, пополнившие поредевшие ряды наших конных армий, сумели одеть (раздев себя) армии южного фронта перед последним их наступлением на Врангеля.

Наши враги совершенно не в силах понять единства крас-

ного тыла и красного фронта,—единства, наиболее выпукло отражающего силу советского строя, действительный его демократизм, дающий возможность самым широким слоям трудящихся принять непосредственное деятельное участие в строительстве пролетарского государства и пролетарской армии. Наши враги не раз предрекали гибель Советской власти наверняка через три недели, через три месяца, будучи глубоко убеждены в правильности своего расчета. И каждый раз они ошибались. Их совершенно правильные, с буржуазной точки зрения, расчеты рушились потому, что буржуазным аршином нельзя измерить Советскую Россию, буржуазным умом нельзя ее понять.

Единство красного тыла и красного фронта нашло также свое выражение в ряде партийных и профессиональных мобилизаций. Вся работа по строительству пролетарского государства и Красной армии, естественно, падает целиком на сознательные слои пролетариата в лице коммунистической партии и профессиональных союзов. Весь аппарат Красной армии, все кадры ее управлений и частей полностью опираются на членов коммунистической партии и профессиональных союзов. В такой крестьянской стране, как Россия, в эти кадры широким потоком вливается крестьянство. Русская Красная армия есть армия рабоче-крестьянская и символизирует тесный, братский союз русского пролетариата, восставшего против помещика и капиталиста, с крестьянином, восставшим против помещика. Русская Красная армия есть армия пролетарская—по своим кадрам, крестьянская—по своему составу. Поэтому о кадрах приходится иметь особую заботу. Пополнение их может итти только за счет коммунистической партии и профессиональных союзов. И это пополнение производится путем особых партийных и профессиональных мобилизаций. Партия и профессиональные союзы перестраиваются на военный лад, члены их становятся военнообязанными вне зависимости от общих мобилизаций. Отпадают всякие возрастные, семейные или иные ограничения. Это—совершенно новая форма партийной и профессиональной дисциплины, которая налагает военный отпечаток на всю их внутреннюю жизнь. Но иначе и не может быть в условиях гражданской войны. Когда вся страна объявляется единым «вооруженным лагерем», партия и союзы должны итти в первых рядах и показывать всей стране образец дисциплинированности и самоотверженности.

АРМЕЙСКИЕ ТЫЛЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

Пролетариат, захвативший власть в свои руки, разбивает, разламывает аппарат буржуазного государства и начинает строить новый аппарат пролетарского государства. И первое, с чего начинает пролетариат строить свой государственный аппарат,—это его классовая Красная армия. Но опыта строительства пролетарской Красной армии, которая во многом резко и существенно отличается от старой буржуазной армии, у него нет. И поэтому он нащупы-

вает свою армию, он строит ощупью, нередко видит, что построено не так, как следует, ломает построенное и начинает строить заново.

Более всего этот процесс непрерывной постройки и перестройки можно видеть на тыловых учреждениях Красной армии, которые до сих пор, после трех лет войны, все еще не могут считаться отлитыми в законченную форму. Это относится прежде всего к аппаратам снабжения Красной армии, а затем к ее санитарному обслуживанию. В этой области не нам учить западно-европейских пролетариев, которые с этим делом справятся несравненно лучше и быстрее нас, и не западно-европейским пролетариям учиться у нас, так наш опыт в этой области малопоучителен. Единственно, что нужно отметить, это то, что старая система самоснабжения армий посредством интендантских заготовок и закупки у частных производителей совершенно отброшена, как в корне противоречащая всему строю общегосударственного снабжения Советской России. В схеме общегосударственного снабжения, которое строится на началах социалистического производства и социалистического распределения, Красная армия рассматривается как крупный потребитель, имеющий преимущество первоочередности. Поэтому снабжение Красной армии построено на началах строгого централизма, вследствие чего органы снабжения Красной армии независимы от военного командования и подчинены ему только в оперативном отношении. То же относится и к санитарии, правильная постановка которой на три четверти зависит от правильного снабжения.

Можно выразить полную уверенность, что западно-европейский пролетариат сумеет несравненно быстрее, чем русский, построить социалистическое хозяйство, а следовательно, быстрее и правильнее наладить снабжение Красной армии.

В области снабжения белогвардейские правительства «срезались» по всем пунктам. Бешеная спекуляция и полный развал производства, в том числе и военного,—вот картина постановки снабжения в белых армиях. Если бы не доброхотные даяния французских и английских ростовщиков и спекулянтов, то белогвардейские правители не в силах были бы обмундировать и вооружить ни одного солдата.

Из тыловых учреждений Красной армии необходимо отметить «особые отделы» для вылавливания белогвардейских шпионов и заговорщиков и революционные военные трибуналы. Разъяснять роль и значение этих органов не приходится. О политических отделах мы поговорим ниже.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ СОВЕТЫ.

В области управления армиями белое командование удовольствовалась формами управления, заимствованными из старой буржуазной армии. Совсем не то положение в Красной армии, которая изобрела новые, более высокие формы управления, в лице революционных военных советов фронтов и армий и в лице

обширного кадра комиссаров во всех управлениях и частях Красной армии.

Вопрос о комиссарах возник в связи с привлечением в ряды Красной армии на командные должности бывших офицеров. Вполне понятно, что пролетарская власть должна была внимательно наблюдать за их работой. Кроме того, введение института комиссаров при «военных специалистах», как назвали бывших офицеров, должно было рассеять то естественное недоверие к бывшим офицерам, которое царило в красноармейских рядах. Подпись комиссара на каждом приказе служила гарантией, что тут нет измены.

Вскоре, однако, обнаружилось, что работа комиссаров захватывает несравненно большую область, чем наблюдение за военным специалистом. Тогда были образованы фронтовые и армейские революционные военные советы из одного командующего и двух (иногда трех) комиссаров. В основе работы военных советов лежало то же положение, что и в работе комиссаров: в вопросах оперативных комиссар должен подписать приказ командующего, если даже он несогласен с ним. В этом случае он имеет право обжаловать действия командующего в следующей инстанции. Во всех остальных вопросах он имеет такой же голос, как командующий.

Нечего и объяснять, что в непосредственном управлении операциями должно быть полное единоначалие: военная история подтверждает это рядом примеров тех вредных последствий, к которым приводила коллегиальность оперативного управления, в форме ли постоянного института (напр., венского гофкригсрата, придворного военного совета), или в форме вмешательства со стороны и сверху, идущего от политических центров или от отдельных политических вождей. Такие попытки вмешательства бывали и у нас, особенно со стороны местных партийных организаций в тех городах, где находились армейские штабы. Недопустимость такого вмешательства, даже в область политической работы, была твердо установлена партией: армия, военные советы, политические отделы и партийная организация внутри армии были признаны экстерриториальными. Партия в лице съезда и Центрального Комитета устанавливает основы военной политики, следит за правильным их проведением, решает вопросы войны и мира, назначает и смещает членов революционных военных советов, но не вмешивается в ход стратегических операций и не берет на себя функций главнокомандующего, командующих фронтами и армиями. Тем более недопустимо предоставление каких-либо командных прав или права вмешательства во внутреннюю жизнь армии хотя бы и очень видным товарищам, раз они не занимают никаких постов в армии или же занимают очень неопределенные посты. Предоставление права вмешательства в оперативные вопросы и права отмены приказов членам Революционного Военного Совета Республики привело в свое время к тяжелым последствиям, вследствие чего это право пришлось отменить.

В конечном счете революционные военные советы фронтов и армий сложились как коллегиальные управляющие центры, в которых оперативная часть находилась в руках командующего, а политическая часть (политические отделы, особые отделы, трибуналы, агентурная разведка, сношения с местными гражданскими организациями)—в руках двух комиссаров. Все остальные вопросы, особенно вопросы снабжения и формирования, решались коллегиально. Большею частью, впрочем, бывало, что и оперативные вопросы обсуждались коллегиально. Решение, однако, оставалось за командующим. Сами командующие охотно шли на коллегиальность из-за страха ответственности.

Правильна ли эта форма управления? Этот вопрос не является решенным окончательно. Есть сторонники того взгляда, что теперь уже настала возможность перейти к единоначальной форме управления фронтами и армиями. Попытки такого перехода уже были сделаны. Эти попытки показали, однако, что момент перехода к единоличию не назрел еще полностью. При единоначальных командующих пришлось ввести институт помощников по политической и административной части, т.-е. в скрытой форме тот же военный совет, с теми же подразделениями его функций.

Существо дела заключается в том, что в условиях гражданской войны управление армиями несравненно, во много раз сложнее и труднее, чем в условиях «обычной» войны. В «обычной» войне имеется планомерно и заблаговременно организованная армия, имеется налаженный тыловой аппарат, имеется организованное государство. В гражданской войне ничего этого нет: армия организуется на полях сражений, тылы формируются на пустом месте, государственный аппарат находится в процессе непрерывного строительства. Законченных, отлитых форм нет, сферы компетенции не распределены, отношения не установлены. Ко всему этому прибавляется еще всеобщий недостаток в предметах снабжения, который чрезвычайно осложняет обстановку. Тысячи организационных вопросов, вопросов формирования новых частей, улажения конфликтов с местными организациями, борьбы с восстаниями в тылу, политической работы в прифронтовой полосе и т. д., и т. п.,—тысячи вопросов, чуждых «обычной» войне, в условиях гражданской войны буквально осаждают фронтовое и армейское командование. И одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, особенно бывшему офицеру, военному специалисту, привыкшему работать «на всем готовом», не вмешиваясь в «политику», нет возможности справиться с ними. Если бы дело сводилось только к тому, чтобы воевать, управляя готовой армией, тогда единоличное управление было бы возможно. А в гражданской войне приходится не только воевать, но и строить одновременно армию, и притом в сложнейших и труднейших условиях. Без коллегии тут не обойтись.

У нас было немало примеров конфликтов внутри революционных военных советов. Причина их, однако, не в коллегиальности. В основе их лежало введение на некоторых фронтах

«разделения труда» между членами военных советов, при чем число членов возрастало иногда до 6—8. Один ведал «политической частью», другой—снабжением, третий—санитарией и чрезвычайной комиссией по борьбе с эпидемиями, четвертый—дровозаготовками, очисткой снега и вообще трудовым использованием армий. Кроме того, в качестве членов военного совета состояли представители Народного Комиссариата Продовольствия, Высшего Совета Народного Хозяйства и особо уполномоченные по железным дорогам. Такое «разделение труда» повело к почти полному и весьма вредному отделению функций одна от другой. Единство управления исчезло. Это и было источником конфликтов, так как объединять функции было некому, ибо, конечно, не командующий, бывший офицер, способен был бы их объединить. Были все пальцы, но не было руки.

Вместо единой коллегии возникла междуведомственная комиссия на сеймовых началах.

Весь этот многообразный опыт говорит, что революционные военные советы являются и должны являться «коллективными командующими», которые объединяют в с ю работу управления армии в ц е л о м. Все члены военного совета совместно ведают всем делом управления. Только оперативная часть выделяется в самостоятельное ведение командующего, который, если он коммунист, участвует и в политической части работы. Такой военный совет не должен и не может быть многолюдным: три, а иногда всего два члена. Комбинация из способного, из энергичного и честного военного специалиста, из способного, энергичного и тактичного коммуниста (или двух) может великолепно сработаться и представлять единого командующего. Или, как это формулировал теперешний главнокомандующий тов. Каменев: «Только удачное сочетание коммуниста и генштабиста (офицера генерального штаба) дает все 100% командования».

Вопрос о революционных военных советах и о переходе к единоначальному командованию не есть, следовательно, принципиальный вопрос. Если найдется такой командующий, который сочетает в себе хорошего коммуниста и хорошего генштабиста и сумеет единолично справиться со сложнейшей задачей управления армией в гражданской войне, то такой единоличный командующий, конечно, лучше «коллегиального командующего» (военного совета). К сожалению, в русских условиях таких товарищей почти не видно. Может-быть, западно-европейский пролетариат окажется счастливее нас.

КОМИССАРЫ В КРАСНОЙ АРМИИ.

По сущности своей работы комиссары Красной армии не отличаются от членов революционных военных советов. Только круг их деятельности сверху вниз все более суживается: дивизионные, бригадные и полковые комиссары. Военные советы при дивизиях, бригадах и полках не привились. В этих частях имеется только по одному комиссару, находящемуся при соответствующем коман-

дующем. Иногда, комиссары имеют помощников по политической части. Роль комиссаров во фронтовых частях огромна, и именно потому за три года гражданской войны, несмотря на неоднократные попытки, не удалось составить общего положения о комиссарах. Функции комиссара всеобъемлющи, полномочия огромны, права почти неограничены, кроме только права решать оперативные вопросы. Кроме политической, снабженческой и строевой работы, на комиссаре лежит обязанность сражаться, давая своей части пример мужества и самоотверженности. Иногда, по соглашению с командующим, ему приходится принимать на себя командование частью сил. А потому некоторая военная подготовка ему необходима. У нас эта военная подготовка получалась непосредственно на практике. Западно-европейские товарищи имеют возможность заранее приготовить кадр комиссаров будущей Красной армии, достаточно знакомых с военным делом.

В несколько иных условиях протекает работа штабных комиссаров, находящихся в тыловых учреждениях (штабах и управлениях). Здесь на первом месте стоит бдительность, так как штабы и управления—наиболее привлекательное для неприятельских шпионов место. Измена и предательство, как это не раз было установлено за три года гражданской войны в России, более всего гнездятся в штабах. От штабных комиссаров требуется также бдительность за точным и быстрым исполнением приказов и приказаний.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТДЕЛЫ В КРАСНОЙ АРМИИ.

Русская Красная армия, как это выяснено выше, есть рабоче-крестьянская армия с огромным преобладанием крестьянства. Крестьянство неоднородно в своей массе: на-ряду с крестьянской беднотой, которая беззаветно идет за пролетариатом, и деревенским кулачеством, ненавидящим пролетарскую диктатуру, большинство русского крестьянства состоит из среднего, мелкобуржуазного слоя, имеющего свое хозяйство и не эксплоатирующего рабочей силы. Этот мелкобуржуазный слой, как мы уже знаем, колеблется между кулаком и пролетарием. Поэтому требуется неустанная политическая работа в Красной армии для постоянного разъяснения целей и значения гражданской войны, подчеркивания угрожающей крестьянству опасности в случае победы помещиков, ознакомления с сложной международной обстановкой и политикой советского правительства, а также с многочисленными вопросами внутренней жизни Красной армии. Весьма вероятно, что грандиозная постановка политической работы в Красной армии—русская особенность, и что в западно-европейской Красной армии не потребуется такого сильного нажима в этом деле, как у нас. Но, поскольку и там в Красную армию войдут отсталые слои пролетариата и часть крестьянства, политическую работу в Красной армии ставить придется.

Русская Красная армия превратилась в колоссальную школу политической грамоты. (И не только политической: приходилось

начинать с азов, в виду огромного процента безграмотных среди крестьян-красноармейцев). Политические отделы фронтов, армий, дивизий, бригад представляют собой обширную организацию, имеющую свои разветвления в ротах (политический руководитель роты) и ведущих культурно-просветительную и политическую работу в красноармейских клубах, в школах грамоты, в партийных школах, в театрах и кинематографах, посредством лекций, собеседований, газет, брошюр, листовок и т. д. Для выполнения всей этой работы они снабжены обширным аппаратом. Весь этот аппарат имеет централизованное управление, в виде политического управления республики, непосредственно подчиненного ЦК партии.

Отношения между революционными военными советами фронтов и армий и соответствующими политическими отделами установились в форме подчинения политических отделов революционным военным советам. Политические отделы фронтов и армий находятся на положении отдельного управления, которое, на-ряду с другими отдельными управлениями (штаб, управление снабжения, санитарное управление и пр.), подчинено революционному военному совету. Только в области снабжения (литературой, учебными пособиями, театральным имуществом и т. п.), в области инструктирования (методы постановки политической и культурно-просветительной работы в Красной армии) и, наконец, в области пополнения политическими работниками политические отделы непосредственно подчинены политическому управлению республики.

Комиссары обычно предлагаются или намечаются политическими отделами, где сосредоточен полный учет всех политических работников Красной армии, и утверждаются революционными военными советами. В силу этого комиссары непосредственно подчинены революционным военным советам и не могут получать приказов или приказаний по линии своей работы от политических отделов, которым они все же подотчетны.

На-ряду с учетом и распределением политических и культурно-просветительных работников в армии и постоянным инструктированием и руководством работой низших (дивизионных, бригадных и т. д.) политических отделений, одной из главнейших работ политических отделов является составление на основании телеграфных донесений политических сводок, характеризующих общее политическое состояние части (дивизии, бригады, полка, специальных войск), ее боеспособность, дисциплинированность, отношения между командным составом и красноармейцами, обеспеченность части снабжением, санитарное ее состояние и, наконец, постановку политической и культурно-просветительной работы. Эти сводки не должны ограничиваться общими бессодержательными фразами, в роде: «настроение части хорошее», «снабжение поставлено плохо» и т. п. Они должны давать конкретные факты и точные цифры, для чего необходимо разработать единообразную форму этих сводок.

Наконец, в ведение политических отделов входит и постановка партийной работы внутри Красной армии.

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КРАСНОЙ АРМИИ.

Гражданская война есть война классовая, а потому партийная. О беспартийной армии в гражданской войне не может быть и речи. Но из этого никак не следует, что Красная армия может быть непосредственно управляема партией, в лице местных партийных организаций или ЦК партии. Здесь допустим лишь контакт, согласование работы, а не подчинение. Иначе оказалось бы, что Красная армия подчинена не революционным военным советам и не политическим отделам, а кому-то другому, стоящему вне Красной армии. Покушения, делавшиеся местными партийными организациями в этом направлении, показали, что ничего, кроме вреда, такое положение принести не может.

Партийные организации в Красной армии являются замкнутыми и по всей собственной линии подчиняются только Центральному Комитету коммунистической партии. Эта линия идет через политические отделы, в которые партийная работа входит, как часть политической работы.

В основе партийной организации лежит партийная ячейка роты, полка, штаба, управления,—словом, такой части военного аппарата, которая сосредоточена в одном месте. Объединяются ячейки путем конференций при политических отделах, более или менее регулярно созываемых. На коммунистических ячейках лежит вся партийная работа в данной части или в данном учреждении.

Если партийные организации, стоящие вне Красной армии, не могут претендовать на непосредственное управление Красной армией или отдельными ее частями, то тем менее допустимо, чтобы партийная организация внутри Красной армии брала на себя управление ею. Управление армией принадлежит революционным военным советам и подчиненным им начальникам и командующим совместно с комиссарами при них. Если бы даже все члены военных советов, начальники и командующие были коммунистами, то из этого не следует, что военные советы являются партийными организациями. Их задача—управление армией, а не партийная работа, и в этой своей задаче они являются «беспартийными». А задача партийных организаций внутри Красной армии—вести партийную работу, а не командовать армией. Нечего и говорить, к какому невероятному разложению армии повело бы создание внутри ее второй линии управления или подчинение революционных советов и политотделов партийным ячейкам. Центральный Комитет партии не только категорически воспретил вмешательство партийных организаций внутри Красной армии в ее управление, но почел вместе с тем необходимым изменить строй партийных организаций внутри Красной армии и построить их на началах назначения и военного подчинения. Начальники политических отделов не избираются партийными организациями, а назначаются Центральным Комитетом. То же относится и к членам революционных военных советов. Комиссары не избираются, а назначаются револю-

ционными военными советами. Приказы политических отделов должны выполняться ячейками на основах военной дисциплины. Чтобы быть примером дисциплины для красноармейских масс, коммунисты должны прежде всего внести военную дисциплину в свои собственные ряды.

К X партсъезду, в связи с окончанием войны, в некоторых партийных кругах в Красной армии возникло течение, направленное к полной перестройке партийной организации внутри Красной армии по образцу гражданских партийных организаций, т.-е. с выборными партийными органами в бригадах, дивизиях, армиях, округах и фронтах. Объективно это течение вело к образованию внутри Красной армии самостоятельной партии (РКП Красной армии), что, понятно, совершенно недопустимо и не допускалось партией не только в армии, но и, напр., в профсоюзах. С другой стороны, появились течения, направленные к ликвидации самостоятельной партийной организации в Красной армии и к полному слиянию их с местными партийными организациями. Оба эти течения были решительно осуждены X съездом, принявшим постановление о сохранении политаппарата Красной армии в его теперешнем виде, при условии тесного контакта с местными парторганизациями и с Главполитпросветом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На долю русского пролетариата выпала совершенно исключительная, ни с чем не сравнимая по трудности задача: в отсталой, со слабо развитой ж.-д. сетью и промышленностью, разрушенными к тому же империалистической войной, крестьянской стране, воюя против всего мира, выдерживая первый, наиболее свирепый натиск международной контр-революции,—приступить, не имея никакого опыта, к строительству хозяйственной жизни на социалистических началах и в то же время, впервые в истории, без всякого предыдущего опыта,—к строительству социалистической Красной армии. В течение трех лет русский пролетариат не без успеха справляется с этими двумя задачами, истекая кровью и надрываясь на боевом и трудовом фронтах. Этот факт настолько разителен, что кажется невероятным чудом, фантастической сказкой. Революции всегда бывали богаты чудесами, источник которых таился в революционной энергии и в революционном энтузиазме пробужденных к новой жизни народных масс. Но только социалистическая революция есть действительно такая революция, которая дает революционной энергии и энтузиазму рабоче-крестьянских масс ничем не ограниченный простор.

Если слабый русский пролетариат в отсталой крестьянской стране в общем и целом справился с этими двумя задачами и три года продержался против объединенных сил мирового империализма, то ясно, что сильный, организованный западно-европейский пролетариат в культурных странах, где даны материальные предпосылки для строительства социализма, справится с ними во много раз быстрее и лучше.

Это, однако, нисколько не избавляет западно-европейский пролетариат и коммунистические партии от обязанности теперь же начать подготовительные работы к строительству будущей Красной армии. Изучение военного дела, ознакомление с опытом гражданских войн, выработка кадров будущего красного командного и комиссарского состава,—вот очередная практическая задача, стоящая пред европейским пролетариатом, как задача сегодняшнего дня.

Буржуазия готовится к будущим битвам гражданской войны. Пусть готовится и пролетариат! Иначе его будущие победы достанутся ему чересчур дорогой ценой, иначе он в процессе развития социалистической революции потерпит много излишних поражений, иначе гражданская война, несущая с собой чрезвычайное хозяйственное истощение, затянется на слишком долгий период. Социалистическая революция в условиях вызванной империалистической войной огромной разрухи промышленности и транспорта поневоле вынуждена поставить вопрос о наибольшей экономии сил и средств. Победа должна быть куплена наиболее дешовой ценой. Отчаивающаяся в победе буржуазия сознательно разрушает накопленные веками материальные ценности только для того, чтобы не отдать их в руки пролетариата и до крайности затруднить осуществление социалистического строя. Это видно на примере русской буржуазии, классовые армии которой при отступлении производили колоссальные, бессмысленные разрушения, затопляя пароходы, уничтожая средства транспорта, разрушая незаменимые части машин, взрывая фабрики и заводы, уничтожая запасы продовольствия.

Единственное средство сократить период гражданской войны и сделать социалистическую революцию более «дешовой»—это достичь решающей победы в кратчайший срок. А для этого нужно теперь же приступить к подготовке всех составных частей будущей регулярной Красной армии по заранее обдуманному точному плану.

Эта задача ложится на передовой революционный отряд пролетариата—на коммунистические партии. Задача трудна, но кто идет на социалистическую революцию, тот должен быть готовым и на еще большие трудности.

Харьков, декабрь 1921 г.

Реорганизация рабоче-крестьянской Красной армии.

(Материалы к X съезду РКП).

1. Первый период войн (гражданская война) в главном и основном закончен. Этот период характеризовался тем, что Красная армия имела против себя наспех сформированные белогвардейские армии, в которые вливались неустойчивые, колебавшиеся между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата крестьянские массы. Те же черты неустойчивости и колебаний характеризовали и Красную армию, также наспех сформированную и на девять десятых состоявшую из крестьян.

2. Возможность наступления новой полосы войн, уже не против русской контр-революции, на девять десятых разбитой, а против какой-либо империалистической державы, не исключена. Реально такая возможность рисуется, напр., на наших западных и южных (Кавказ) границах, где Антанта организует черный блок из мелких, находящихся в вассальной зависимости от нее государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Болгария, Греция, Турция и т. д.). Не исключена также возможность военных осложнений и на Дальнем Востоке.

3. Как бы ни сложилась международная обстановка в дальнейшем, несомненно одно, что в будущем нам придется вести войну не против шаткой, крестьянской, враждебно-нейтральной к пролетарской диктатуре, плохо обученной и вооруженной, наскоро сформированной и внутренне не спаянной (враждебное отношение солдатской массы к офицерству) армии, а против более или менее шовинистически настроенной (а следовательно, более или менее враждебной пролетарской диктатуре), более или менее стойкой, более или менее спаянной, высоко обученной и богато вооруженной всеми новейшими могучими средствами и орудиями борьбы империалистической армии. Красная армия, еще хуже обученная и вооруженная, чем белые, с очень слабо подготовленным командным составом, наспех сформированная в условиях непрерывной гражданской войны, побеждала белые армии

своим численным превосходством и большей внутренней спайкой, неустанно поддерживавшейся политотделами, комиссарами и ком'ячейками в атмосфере широкого сочувствия Советской власти трудящихся масс и революционного энтузиазма, беззаветно поднимавшегося работой коммунистической партии. Но в том виде, как Красная армия сложилась теперь, она окажется совершенно неспособной против могучих империалистических армий. Поэтому перед рабоче-крестьянской властью встает непосредственная задача реорганизовать Красную армию и сделать ее не менее сильной, чем современные империалистические армии.

4. Реорганизация вооруженных сил советской федерации должна итти: 1) в направлении привлечения к делу защиты республики широких трудящихся масс путем систематической военной подготовки, как призывных, так и допризывных возрастов (Всеобуч) и 2) в направлении сохранения и укрепления Красной армии путем вооружения ее современными, наиболее усовершенствованными орудиями борьбы и улучшения ее качественного состава.

5. Вооружение Красной армии наиболее могучими орудиями борьбы (танки, броневики, бронепоезда, аэропланы, дальнобойные орудия и пр.) ставит перед Рабоче-Крестьянской властью задачу принять все меры к тому, чтобы «усвоить» все последние усовершенствования военной техники и срочно приступить к производству новейших орудий борьбы, включив программу этого производства в единый хозяйственный план, как ударную.

6. Наиболее сильной стороной белых, а также современных империалистических армий, является их многочисленный, богатый военными знаниями и военным опытом, высоко квалифицированный командный состав. Командный состав Красной армии—наиболее слабое ее место. Поэтому перед республикой повелительно встает задача приложить все усилия к развитию сети военных школ разных ступеней (в том числе и специальных), в которых преподавание было бы поставлено в строгом соответствии с огромным опытом последних войн и на основе единой военной доктрины, покоящейся на учении Маркса и Энгельса. Особенно важно пропустить сквозь эти школы весь тот командный состав Красной армии, который прошел уже стаж империалистической и гражданской войн. Однако, как бы высоко ни были поставлены наши военные школы, не следует создавать ложных надежд, что мы в близком будущем сумеем воспитать и выработать вполне достаточное число опытных и обладающих полнотой современных научных военных знаний красных командиров из рабочих и крестьян. На это требуются более продолжительные сроки. Поэтому в отношении командного состава мы еще долго будем беднее наших врагов.

7. Относительная бедность в командном составе в рядах Красной армии побуждает к тому, чтобы найти пути и средства, которые могли бы ослабить этот основной недостаток Красной армии. Опыт трехлетней гражданской войны дает нам в этом направлении чрезвычайно ценные указания: дивизии и бригады

курсантов проявили себя во время гражданской войны, как наиболее стойкие, наиболее боеспособные части Красной армии, не уступавшие в боеспособности нашим лучшим дивизиям (21, 28, 30, 51 и др.), лучшим офицерским частям белых армий, опыт которых в этом деле также должен быть учтен. В обоих случаях мы имеем части, состоящие из высококвалифицированных, как со стороны политической, так и со стороны военной, одиночных бойцов с высоким уровнем сознательности и преданности, богатых военными знаниями, дающими им возможность широкого проявления инициативы в бою. Только таким путем повышения политической сознательности и боевой подготовки одиночных бойцов можно в значительной степени заменить недостаточный количественно и качественно командный состав Красной армии. Только рабоче-крестьянское государство впервые в истории могло поставить перед собою задачу создания армии квалифицированных бойцов и способно разрешить ее. Буржуазные государства не могут даже ставить себе такой задачи, ибо политически сознательный и обладающий большими военными знаниями солдат есть величайшая угроза самому их существованию, и они держатся только до тех пор, пока солдат является темным, малосознательным «чернорабочим войны», умеющим только маршировать, стрелять и окапываться. Запас же своих «квалифицированных солдат» (офицеров) у буржуазии слишком мал для того, чтобы из них создать численно достаточно сильную классовую армию.

8. Реорганизация Красной армии должна итти в направлении уменьшения ее численного состава по мере повышения боевых качеств одиночного бойца. В качестве ближайшей ступени квалификации бойца Красной армии можно было бы выставить примерно уровень знания отделенного командира. Квалифицированный красноармеец в ближайшую эпоху должен быть хорошим разведчиком, хорошим контр-разведчиком и уметь ориентироваться в бою на участке отделения. Программа военного обучения для квалификации бойца должна быть разработана на красноармейских конференциях и съездах с непременным участием низшего командного и комиссарского состава (взводные, отделенные и ротные командиры, ротные политруки).

9. В связи с этой задачей казарма должна превратиться в военно-политическую школу, вырабатывающую политически сознательного квалифицированного бойца. Вместе с тем красная казарма должна стать и трудовой школой, связывающей красноармейца с общей трудовой жизнью страны, привлекающей его к общему делу хозяйственного строительства в формах, не идущих в ущерб боевой подготовке. В единый хозяйственный план должна быть включена, в качестве ударной, производственная программа по ремонту, перестройке и постройке казарм, приспособленных для задач политического, военного и трудового обучения.

10. Необходимо обратить внимание на учет опыта «ездящей» пехоты (быстрое передвижение банд Махно на «тачанках», быстрые переброски пехоты на грузовиках) и использовать его в целях

подготовки как самих частей, так и местного населения к такому способу маневрирования, особенно в районах вероятных военных действий.

11. Выяснившееся за три года гражданской войны значение кавалерии в современных войнах (типа гражданских войн), которые, в условиях растущей мировой революции, будут приобретать по преимуществу маневренный характер и, следовательно, давать широкий простор деятельности кавалерии, выдвигают задачу произвести учет опыта действий кавалерии и применить его в Красной кавалерии. Особенно важно обратить внимание на присоединение к кавалерии конных пулеметов, броневиков, вооруженных легкими пушками и пулеметами грузовиков и бомбометных аэропланов. Такое присоединение к кавалерии могущественных технических средств, не уменьшая быстроты ее передвижения, маневренной гибкости и стремительности удара, придает ей огромную огневую силу и превращает ее по существу в новый род оружия—бронированную кавалерию. Действия бронированной кавалерии проверены уже на опыте кавалерии Врангеля.

12. Во все работы по реорганизации Красной армии, поскольку это допускается техническими условиями и условиями сохранения военной тайны, необходимо привлекать к близкому участию всех красноармейцев путем устройства лекций, собеседований, конференций, съездов, выставок, экскурсий и т. п.

13. Огромное преобладание мелкобуржуазно-крестьянских элементов в населении Советских Республик, стихийно возрождающих капитализм, запоздание революции на Западе и чрезвычайная хозяйственная разруха создают в настоящий трудный для пролетарской диктатуры период революции благоприятную почву для бонапартистских попыток свержения Советской власти. Единственное средство предохранить нашу Красную армию, на девять десятых крестьянскую, против бонапартистских замыслов заключается в сохранении политического аппарата внутри Красной армии (политотделы, комиссары, ком'ячейки) в том виде, как он сложился за три года войны, и в дальнейшем его усовершенствовании и укреплении. Вместе с тем должны быть приняты меры к внутренней демократизации этого аппарата, поскольку это не противоречит прочно установленным основам военной организации. Самостоятельность политического аппарата Красной армии при тесной связи с местными партийными организациями и участием в общепартийной работе, а также централизованное управление им, являются основными условиями сохранения его целостности и работоспособности.

Вместе с тем необходимо создать специальный орган, на который была бы возложена задача в кратчайший срок подвести итог политической работе в Красной армии и учесть весь трехгодичный опыт в этой области.

14. Решающее значение политработы в Красной армии требует планомерной постановки, подготовки и воспитания комиссарского и политрукского состава, а также политработников других специальностей, в первую очередь из числа тех, которые прошли

школу гражданской войны. В этих целях необходимо создание сети специальных школ и курсов при партийных школах. Эта мера даст наиболее полные результаты лишь при условии правильного учета политотделами (а где их нет, парткомами) всех армейских политработников, как остающихся в армии, так и откомандированных в тыл, по разработанной системе, охватывающей деление их по специальностям и по стажу. Не устанавливая бюрократической скалы продвижения по службе, необходимо все же принять действительные меры к тому, чтобы в Красной армии привлекать на ответственные политические посты работников снизу, получивших достаточный практический стаж, давая им в необходимых случаях возможность пополнять теоретическое образование.

15. При переходе к единоличному командованию или управлению с заменой комиссаров помощниками по политчасти или без таковой, необходимо строго учитывать сложность и трудность задач реорганизации армии в современной международной и внутренней обстановке республики. В связи с этим переход к единоличию должен проводиться с известной постепенностью.

16. По отношению к настоящему периоду русской революции остаются в полной силе принятые IX съездом РКП положения, что: «1) переход к милиционной системе должен иметь характер необходимой постепенности, в соответствии с военным и международно-дипломатическим положением Советской Республики, при непременном условии, чтобы обороноспособность последней во всякий момент оставалась на должной высоте, и 2) развиваясь в сторону превращения в вооруженный коммунистический народ, милиция в настоящий период должна сохранять в своей организации все черты диктатуры рабочего класса». Наиболее горячие сторонники перехода к милиционной системе не решаются в настоящее время предложить больше, чем введение этой системы в одном—двух внутренних округах, при сохранении в то же время на всех угрожаемых участках государственных границ постоянных армий. Однако, и к такому введению милиционной системы во внутренних округах в настоящий трудный период пролетарской диктатуры следует отнестись с большой осторожностью и осмотрительностью, памятуя, что территориальные войска, с одной стороны, при настоящих условиях не являются достаточной гарантией внешней безопасности республики, а с другой—легко могут стать опорой местных партикуляристских стремлений в ущерб общим интересам рабоче-крестьянской республики. Поэтому в настоящих условиях милиционная система может охватывать лишь пролетарские и полупролетарские массы города и деревни и должна покоиться на теснейшей связи территориальных отрядов с партией (отряды особого назначения) и профсоюзами (заводские и волостные ячейки). На волостные ячейки профсоюзов ложится в настоящее время задача не только тесно связаться с волостными территориальными отрядами, но и взять на себя часть функций комитетов деревенской бедноты там, где таковых не имеется.

Вместе с тем необходимо, всемерно развивая допризывную подготовку молодежи, приступить к заблаговременной подготовке населения вероятных районов боевых действий и близких к ним тыловых районов к активной помощи Красной армии во всех формах, выработанных богатой практикой империалистской и гражданской войн.

17. Одним из основных условий обеспечения максимальной мощи Красной армии является превращение ее в единый организм, спаянный сверху донизу не только общностью политической идеологии, но и единством взглядов на характер стоящих перед республикой военных задач, способы их разрешения и методы боевой подготовки войск.

18. Это единство, образующее в своей совокупности на общей основе марксистского учения стройную систему (единая пролетарская военная доктрина—пролетарская научная теория войны), явится прочным основанием плана боевой подготовки страны, управления войсками и их вождения. Свое конкретное выражение она должна найти во всех военных наставлениях, уставах и руководствах.

19. Задача выработки единой пролетарской военной доктрины, в условиях развивающейся мировой революции и в обстановке наиболее вероятных для ближайшего будущего войн гражданского типа, не может быть возложена на узких специалистов военного дела. Правильное решение ее может быть дано лишь совместными усилиями как военных специалистов, так и всех политических работников, имеющих достаточный стаж в деле строительства Красной армии и ее борьбе на основе использования революционного опыта пролетарских масс.

20. При предстоящей реорганизации Красной армии этот момент должен быть особо учтен, и должна быть создана фактическая возможность превращения мозга армии, ее Генерального Штаба, в военно-теоретический штаб пролетарского государства.

21. Одним из путей к этому должно быть: а) немедленное включение в состав лиц Генерального Штаба наиболее крупных военно-политических работников; б) оживление деятельности самого Института Генерального Штаба и в) изменение методов подготовки будущих военных руководителей путем сочетания элементов широкого общенаучного образования с чисто-военной подготовкой (военные факультеты).

22. Государственному издательству вменяется в обязанность срочное издание всех иностранных марксистских трудов по военным вопросам [1]).

Харьков, январь 1921 г.

---

[1]) Примечание к настоящему изданию. Последние 6 пунктов сформулированы тов. Фрунзе.

Ближайшие задачи политработы в Красной армии.

(К итогам совещания начпуокров и начпоармов [1]).

Одна из наших наиболее частых ошибок—безгранично-широкие планы, очень красивые, очень коммунистические, но беспочвенные, не сообразованные с имеющимися налицо силами и средствами. Вот почему нередко у нас дело вытесняется фразой, а пышные резолюции остаются на бумаге. В преобладании фразы над делом сказывается и наша отсталость, и наша безрукость, и наша непрактичность, и наша неделовитость, и, наконец, огромная трудность точного учета обстановки (сил и средств). Поэтому от известной примеси «фразы» у нас не обеспечен ни один работник, как бы трезво и деловито он ни подходил к постановке и разрешению любой задачи в области партийной, советской и военной работы.

Это общее замечание, правильность которого едва ли может быть оспорена, необходимо постоянно иметь в виду при оценке тех или иных предложений, резолюций, статей, проектов и проч., в частности и при оценке настоящей статьи.

Попытаемся подойти к вопросу о ближайших задачах политработы в Красной армии наиболее трезво и наиболее деловито. Начнем с учета сил и средств.

Прежде всего о силах. Аппарат, ведущий политработу в Красной армии, состоит из политотделов и ком'ячеек. Обе части этого аппарата в настоящее время изо дня в день ослабляются, отчасти вследствие общей демобилизации рядовых коммунистов, отчасти вследствие непрекращающегося (вопреки решениям X съезда РКП) откомандирования из армии ответственных политработников. Общую демобилизацию рядовых коммунистов остановить невозможно: требовать от них, чтобы они оставались в армии в то время, когда их возрасты демобилизуются, это значит предъявлять молодым членам партии (к тому же по преимуществу крестьянам) чрезмерные требования, превышающие их

[1]) «Политработник», 1921 г., № 6—7.

силы. Не надо забывать, что большинство коммунистов этих возрастов имеют семьи и хозяйства, по нескольку лет уже на фронте, а потому неудержимо рвутся «по домам».

Не лучше обстоит дело и с ответственными армейскими политработниками. Большинство их достигло таких степеней переутомления, так замучено годами войны, что удержать их надолго и прочно в армии немыслимо. Все и всяческие меры, направляемые к тому, чтобы задержать их в армии, не в силах остановить демобилизации ответственных политработников, и приходится думать о том, чтобы только замедлить и упорядочить это стихийное бегство из армии. Да если бы и удалось всякими строгостями удержать их, то толку из этого получилось бы мало: сейчас они в армии не работники, а на три четверти, если не больше, вредный балласт.

Те силы, которые остаются (или останутся) в армии, т.-е. рядовые коммунисты младших возрастов и часть ответственных политработников, значительно слабее ушедших и уходящих. Это подтверждается цифрами, по которым видно, что партийный стаж армейских коммунистов непрерывно понижается, а на ответственные посты попадает все больший процент молодых членов партии (20 л.).

Теперь о средствах. Состояние писчебумажного и полиграфического производства, а также транспорта в ближайшие месяцы не дает нам надежд не только расширить нашу издательскую деятельность, но даже удержать ее на имеющемся уровне.

Наконец, немалое значение имеют и дефекты снабжения армии, весьма затрудняющие политработу.

Такова обстановка, таковы силы и средства.

Между тем задачи политработы в армии, вопреки уменьшающейся ее численности, возрастают: ослабление политаппарата Красной армии требует усиленной работы над остающимися в армии коммунистами, уменьшение ее численности надо возместить соответственным повышением качеств (в том числе и политических) одиночного бойца. Общая сумма политработы в армии, несмотря на уменьшение численности бойцов, возрастает. Нам предстоит с ослабленным аппаратом и с малыми средствами проделать большую, чем прежде, политработу.

Задача—не из легких, и для ее разрешения требуются две основные меры: 1) возврат части политработников в армию, взамен тех, которых откомандировать н а д о, и 2) работа по плану, в порядке ударности, по отношению к очередным задачам, «производственный» план политработы в армии.

Первая мера может быть проведена двумя путями: частичным возвратом неправильно откомандированных из армии, для чего нужно образование при губкомах особых комиссий с участием пуокров, и посылкой в армию части правильно демобилизованных, особенно тех, которые недостаточно используются гражданскими учреждениями. Имеется ряд примеров такого недостаточного использования местами; от демобилизованных товарищей поступают даже просьбы о возврате в армию. Для правильной

постановки этого возврата требуется учет коммунистов, занимавших ответственные посты в армии, с одновременной проверкой правильности использования в гражданских учреждениях. Такой учет нужен и на случай новых мобилизаций в армию политработников, иначе такие мобилизации будут происходить крайне беспорядочно.

Что касается второй меры, «производственного» плана и ударности, то такой план уже намечен в решениях совещания Начпоармов и Начпуокров: пропуск всех коммунистов через краткосрочные курсы, выработка политруков более высокого уровня, создание казарм-школ в учебно-кадровых бригадах и развертывание сети бригадных, дивизионных и окружных курсов. Характерная особенность этого плана—та, что работа направляется прежде всего, в первую очередь на укрепление и улучшение самого политаппарата. Понятно, мы не можем полностью, хотя бы и на-время, отказаться от политпросветработы среди беспартийных красноармейских масс, но на-время мы будем вынуждены не расширять ее и даже местами сужать, обращая главные наши силы на возрождение, усовершенствование, усиление и развитие политаппарата. Без хорошего аппарата не может быть хорошей работы. Но и эту задачу придется местами (там, где сил мало) разбить на две очереди: в первую очередь—пропуск коммунистов через краткосрочные курсы политруков, во вторую—школы-казармы и бригадные, дивизионные и окружные школы.

Недостаточность сил и средств (а это не так скоро пройдет) обязывает нас больше всего опасаться разбрасывания их сразу на несколько задач. Это—наибольшая опасность, которая может надолго задержать повышение и углубление политработы в Красной армии. Лучше хорошо проделать о д н у (и притом первоочередную) задачу, чем плохо проделать в с е.

Изложенные соображения о политработе в Красной армии представляются азбучно-примитивными. А между тем, кто, положа руку на сердце, рискнет утверждать, что у нас нет крайне неэкономного разбрасывания сил, работы без ясного плана, широковещательных проектов и плохой, очень плохой постановки дела?

Нет, не примитивности, не упрощенности, не суживания плана нам надо бояться, а чрезмерно широких планов, увлекательной фразы и попыток сразу угнаться за несколькими «синими птицами». Лучше задаться небольшим планом и выполнить больше, чем в нем намечено (от этого беды не будет), чем разбросать, рассеять наши небольшие силы и средства на широкие планы и не сделать ничего или сделать 3—5% планового задания.

По совести говоря, меня гораздо больше беспокоит мысль, что и в изложенном выше сокращенном, «скупом» плане окажется «элемент» фразы, чем то, что план узок, укорочен, обрезан, сжат.

Практика—этот лучший судья всех планов и проектов—и этому плану вынесет свой нелицеприятный, беспристрастный судебный приговор.

Подвергнем же его испытанию практики.

К вопросу о проверке, пересмотре и очистке партии[1]).

1 августа начинается, согласно постановлению ЦК РКП, проверка, пересмотр и очистка партии. Дополнительно к этому постановлению будут даны подробные инструкции организационного характера с подразделением всех членов партии на группы по их социальному положению, партийному стажу и пр.

На-ряду с этой чисто-организационной работой предположено превратить проверку и очистку партии в широкую партийную политическую кампанию, поставив на обсуждение всех ячеек (путем докладов, лекций и пр.) основные вопросы партийной политики.

Нижеследующие тезисы предлагаются автором, как основы для планомерного проведения этой кампании.

1) Основные задачи РКП в настоящий период—всемерное поддержание диктатуры пролетариата в России до торжества революции на Западе и всемерное ускорение развития революции в Европе и колониальных странах. Правильно, полезно и необходимо все то, что содействует и помогает осуществлению этих задач. Неправильно, вредно и должно быть решительно отвергнуто все то, что мешает их осуществлению. (Речи Ленина).

2) Правильная политика в осуществлении и укреплении диктатуры пролетариата состоит из 5 основных элементов: а) правильной внешней политики по отношению к окружающим социалистическую страну буржуазным государствам; б) установления прочного союза с крестьянством внутри страны; в) удовлетворительного разрешения вопроса о средствах существования для пролетариата; г) неуклонного, планомерного развития крупного производства; д) ясного, недвусмысленного определения роли РКП в осуществлении диктатуры пролетариата. (Речи Ленина).

3) Внешняя политика, проводившаяся до сих пор РКП, заклю-

---

[1]) «Политработник», 1921 г., № 8—10. Эти тезисы вошли в настоящий сборник потому, что они были использованы при чистке армейских партийных организаций.

чалась: а) в обороне по отношению к империалистским державам и ускорении развития революционного движения пролетариата в этих странах; б) в мирной политике по отношению к мелким национальным государствам, возникшим в результате империалистской войны; в) в ускорении развития революции в колониальных странах. В результате этой политики, РСФСР, отбив вооруженное наступление, добилась военной передышки и установления неустойчивого равновесия, временно поддерживаемого резкой оппозицией пролетариата и отчасти мелкой буржуазии против войны с Советской Россией и ростом мировой революции, выражавшимся в росте идейного и организационного влияния Коминтерна, а также стихийных движений пролетарских масс в империалистических странах и народных масс—в колониальных. При дальнейшем росте мировой революции, сопровождающемся осложнением и обострением классовой борьбы и сменой побед и поражений пролетариата, состояние неустойчивого равновесия легко может быть нарушено либо новым вооруженным наступлением на РСФСР, либо вынужденным наступлением РСФСР на Запад или на Восток. Поэтому, в отличие от предыдущего периода, РСФСР должна быть готова не только к обороне, но и к наступлению и сообразно последней задаче реорганизовать Красную армию и вести боевую и политическую подготовку в направлении усиления ее классового характера.

4) Прочный союз с крестьянством (внутренняя политика) может быть основан только на той экономической политике, которая наметилась в решениях VIII Съезда Советов, X съезда РКП и последней конференции. Проведение этой политики в условиях крайнего разорения и обнищания всей страны не дает, однако, полных гарантий против новых попыток анархистской, мелкобуржуазной контр-революции сорвать пролетарскую диктатуру (одна из форм этой стихийной контр-революции, бандитизм до сих пор еще не ликвидирован).

Поэтому на-ряду с Красной армией необходимо создание специальных отрядов, приспособленных к борьбе с мелкобуржуазно-анархистской контр-революцией (курсы комсостава, отряды особого назначения, корпус ВЧК, полумилиционные части в крупных рабочих районах).

Вместе с тем необходимо расширение и укрепление влияния на крестьянство через совдепы, посевкомы, кооперативы, а также профсоюзы путем развития сети волостных секретариатов, Всеработземлеса, с предоставлением им некоторых функций комбедов (волостные милиционные отряды для борьбы с бандитизмом).

5) Правильное разрешение вопроса о средствах существования для пролетариата заключается в осуществлении социализма на основе крупного производства.

Пока крупная промышленность нами не восстановлена, мы вынуждены итти на ряд уступок, временно деклассирующих и развращающих некоторые слои пролетариата путем их вовлечения в мелкое производство на обмен с деревней и в спекуляцию. Этим мы легализируем то, что в действительности в силу голода

давно уже идет на фабриках и заводах. Но такая легализация ни в коем случае не означает признания правильности такой политики. Против такого взгляда, нашедшего свое выражение в анархо-синдикалистских тенденциях внутри нашей партии в форме подмены вопроса о существовании диктатуры пролетариата вопросом о средствах существования для пролетариата, необходимо вести самую решительную борьбу.

6) Восстановление крупной промышленности и развитие ее до таких пределов, когда она сможет заменить мелкое производство, стать базой социализма, в условиях крайней отсталости промышленного развития и чрезвычайной разрухи РСФСР не может быть осуществлено без совместной разрухи с западноевропейским пролетариатом, т.-е. без победы революции на Западе. Временно, в целях восстановления крупной промышленности мы можем использовать внешний товарообмен и концессии. Однако, это означает, что восстановление крупной промышленности вплоть до победы революции на Западе будет итти путем медленным. В интересах восстановления крупной промышленности необходимо всемерно стремиться к осуществлению плана электрификации всей страны, намеченного на VIII Съезде Советов.

7) Диктатура пролетариата осуществляется РКП через беспартийные профсоюзы и Советы. Это—основное положение, которое в настоящую эпоху является единственным, и реальным, и формальным отличием члена РКП от члена другой партии (анархисты, эсеры, меньшевики, кадеты), которые, в отличие от периода гражданской войны, когда они Советы отрицали, готовы признать и признают (Кронштадт) диктатуру пролетариата, осуществляемую «беспартийными» (т.-е. желтыми, меньшевистскими) профсоюзами и «свободными» (от РКП, но не от эсеров и меньшевиков) Советами.

Господствующая роль РКП в осуществлении диктатуры пролетариата осуществляется в промежутки между съездами ЦК РКП через компартию.

Аппарат диктатуры пролетариата слагается, таким образом, из партии (с ЦК во главе), профсоюзов и Советов. Партия в своей внутренней организации построена на наиболее демократических началах и наиболее демократический парторган по своей внутренней структуры—ЦК. Профсоюзы и Советы (ВЦИК, исполкомы) имеют суженную демократию, поскольку фракции РКП фактически играют в них господствующую роль. Беспартийные конференции (и вообще беспартийные организации) пользуются меньшими правами, чем профсоюзы и совдепы. Крестьянство пользуется по конституции меньшими правами, чем пролетариат. (Ленин, «Детск. бол. левизны в комм.», гл. VI).

Господствующая роль РКП в осуществлении диктатуры пролетариата в отсталой, разоренной, крестьянской стране, окруженной империалистическими странами, требует от нее совершенно исключительного единства, сплоченности и дисциплины. Только полное единство партии и железная дисциплина дают ей возможность поддерживать диктатуру пролетариата в таких условиях,

которые стихийно ведут к крушению этой диктатуры. Революционная международная обстановка, единство партии, железная дисциплина и правильные отношения партии к профсоюзам и крестьянству—вот 4 условия, дающие возможность поддерживать диктатуру до победы революции на Западе. Несоблюдение любого из них ведет к быстрому крушению диктатуры.

Единство партии означает полное запрещение каких-либо организационных группировок (фракций) внутри партии, имеющих свою групповую дисциплину. Партий внутри единой партии не может и не должно быть. Критика тех или иных решений партии либо тех или иных явлений в партийной жизни допустима лишь в таких нормах, которые не давали бы в руки наших врагов оружия против партии. Поэтому критика по преимуществу должна проходить внутри партии, в замкнутых партийных организациях, в форме деловых, вполне обоснованных предложений с полной ответственностью каждого выступающего с критикой или с обвинениями. Обвинения должны вноситься в комитеты (контрольные комиссии), а не в ячейки, с указанием лиц, документов и пр. На беспартийных собраниях необходимо всячески остерегаться, чтобы не стереть границы между оппозицией (критикой) внутрипартийной и внепартийной. На примере Кронштадта наиболее ярко видно это стирание границ партии, когда различие между коммунистами и эсерами исчезло, когда критика со стороны коммунистов перестала отличаться от критики со стороны эсеров и меньшевиков. Если эта критика была верна, то правы были эсеры, выставлявшие лозунг: «Долой коммунистическую партию». Следовательно, часть коммунистов своей критикой на деле подрывала господство партии, а значит, и диктатуру пролетариата. Единственное отличие эсера, меньшевика, кадета от коммуниста теперь только в безоговорочном признании партии и в соответствующем поведении. (Рез. X съезда РКП).

Железная партийная дисциплина—основное условие ее единства. Наша партдисциплина вырабатывалась десятилетиями тяжелых жертв и упорной борьбы, как против врагов (против царской полиции, меньшевиков, кадетов и пр., против империалистов), так и против разлагающих влияний мелкобуржуазной среды, и куплена чрезвычайно дорогой ценой. Эта дисциплина составляет пока особенность только нашей партии. В других коммунистических партиях до такой дисциплины еще не дошли: нигде нет партийных мобилизаций, перебросок, беспрекословного исполнения постановлений ЦК и пр.

Наша партдисциплина сложилась из революционной дисциплины, унаследованной нами от партии Народной Воли, пролетарской дисциплины, внесенной русским (отчасти германским) пролетариатом (1896—1917 г.) и военной дисциплины, привитой нам годами гражд. войны (1918—1921 гг.).

Тезисы к „неделе красного командира“[1]).

1. РСФСР в течение трех лет гражданской войны не раз открыто заявляла о своих мирных намерениях, не раз предлагала Антанте мир даже на условии уплаты долгов. До начала польского наступления РСФСР предложила мир, по которому Польша получила бы больше земель, чем по мирному договору после русско-польской войны. Свое миролюбие и отсутствие завоевательных планов («красный империализм», «большевистский империализм») РСФСР доказала заключением ряда мирных договоров с соседними государствами. В своих мирных намерениях она убедила не только пролетариат, но даже мелкую буржуазию (и отчасти крупную) европейских стран. Только русские белогвардейцы, эсеры и меньшевики всех стран еще продолжают распространять лживые слухи об империалистских, захватнических планах РСФСР.

В настоящее время РСФСР не имеет никаких причин и оснований к тому, чтобы менять свою мирную политику на военную. Главная задача Советской власти теперь—дать продолжительный отдых измученной и разоренной стране и восстановить разрушенное хозяйство.

Война в настоящее время, когда страну постигло огромное бедствие голода, была бы для РСФСР непомерно тяжела.

2. Империалисты всех стран, несмотря на неоднократные неудачи, которые привели их к убеждению, что вооруженной силой Советской власти не свалить, все же вновь и вновь пытаются организовать новое наступление на РСФСР с целью разграбить ее, поделить между собою и превратить в колонию. Кажущаяся военная слабость Советской России, разруха и голод соблазняют их на новые попытки вооруженной рукой задушить ее. В настоящее время империалистские государства не могут, однако, организовать серьезного военного наступления на РСФСР по ряду причин. Наиболее важных причин, связывающих империалистские державы по рукам и ногам, четыре.

---

[1]) «Политработник», 1921 г., № 8—10.

Во-первых, сильная оппозиция, очень серьезное сопротивление со стороны рабочих и крестьян против всякой новой войны, а особенно против войны с Советской Россией. Это сопротивление резко обнаружилось в Англии и Германии во время русско-польской войны (отказ грузить и перевозить оружие для Польши) и во время последней мобилизации во Франции для занятия Рурской области.

Во-вторых, непримиримые споры между империалистскими государствами из-за раздела добычи и спешная подготовка новой мировой империалистской войны Америкой, Англией и Японией. Эти споры не дают им возможности сговориться для совместного наступления на РСФСР. Теперь, испуганные быстрым ростом революции, империалисты пытаются снова сговориться на тихоокеанской конференции, в Вашингтоне. Но из этой конференции ничего не может выйти, как не вышло ничего из Версальской мирной конференции.

В-третьих, разногласия внутри буржуазии по вопросу о войне против РСФСР: часть буржуазии стоит в западных странах за войну, часть за торговые договоры с РСФСР.

Наконец, в-четвертых, нежелание и невозможность для соседних с РСФСР мелких государств (Финляндия, Эстония, Латвия и пр.) воевать против нас.

3. Не имея возможности открыть широкое наступление на РСФСР, Антанта, судя по многим признакам, делает в настоящее время попытку организовать небольшое военное наступление на урожайную в этом году Украину и ряд восстаний внутри страны в целях сорвать сбор продналога и уморить целую страну с 120 миллионами населения голодом. Этот неслыханный и небывалый в истории безгранично подлый план поддерживают меньшевики и эсеры всех мастей. В последнее время они на словах призывают помочь голодающей России. Что из этих слов выйдет,—еще неизвестно. Но для нас не новость, что меньшевики и эсеры ведут двойственную, фальшивую, лицемерную, предательскую и провокационную политику. Весьма возможно, что на «помощи голодающим» они попытаются нажить политический капиталец и поправить свои совершенно расстроенные политические делишки.

Отражение нового наступления и решительное подавление восстаний, организуемых для срыва сбора продналога, становятся для РСФСР вопросом жизни и смерти. Таким образом, несмотря на свое миролюбие, РСФСР может увидеть себя вынужденной на новую войну.

4. Дальнейшее развитие революции на Западе также может вынудить РСФСР втянуться в войну. Это возможно в двух случаях: во-первых, в случае, когда Антанта, подхлестываемая ростом революции, попытается сделать отчаянную попытку задушить РСФСР, как главный очаг мировой революции. Во-вторых, в случае, когда развивающаяся на Западе революция потребует вооруженной помощи со стороны РСФСР. (Революционная война,

т.-е. война социалистического государства против империалистских).

5. Таким образом, перед рабоче-крестьянской Красной армией могут в будущем стать иные задачи, чем те, которые стояли до сих пор. Гражданская война, война против помещичье-буржуазной контр-революции, закончена почти полностью и в дальнейшем перед Красной армией могут стать совершенно новые задачи революционной войны.

6. Понимание задач революционной войны чуждо в настоящее время широким рабочим и крестьянским массам, а также и партийным кругам. Преобладающим, широко распространенным теперь является взгляд, что период войны закончен, и мы переходим на длительный период, если не навсегда, к мирному житию, к планомерному хозяйственному строительству. Совершенно отсутствует понимание того, что в настоящее время установилось неустойчивое равновесие, и что наша хозяйственная работа может быть сорвана новой войной. В крестьянских массах, вместе с разгромом помещичьей контр-революции, возникли демобилизационные и ликвидационные настроения. Земля завоевана, помещик разбит, зачем же нам армия? зачем нам новые войны,—так рассуждает крестьянин.

Поэтому теперь же необходимо приступить к длительной и упорной работе по выяснению рабочим и крестьянским массам того, что без победы мировой революции пролетарская диктатура в РСФСР рухнет, и земля неминуемо будет возвращена помещикам, а также того, что эта победа невозможна без сохранения и укрепления рабоче-крестьянской Красной армии.

7. Вместе с тем новые задачи, встающие перед Красной армией, требуют коренного изменения ее боевой и политической подготовки применительно к задачам революционной войны. Перед Красной армией могут оказаться несравненно более сильные, чем врангелевские части, враги, лучше обученные, лучше организованные, вооруженные могучими техническими средствами. Война против таких врагов была бы совершенно безнадежной, если бы в их тылу не имелся у нас сильный союзник, в лице революционного пролетариата. Это, однако, не избавляет нас от необходимости пропустить всех красноармейцев через военно-политические школы-казармы, которые дали бы им высокую боевую и политическую подготовку, превратив их в полуофицеров и тем самым подготовив их к революционным войнам.

8. Такая подготовка «квалифицированного бойца» уменьшает расстояние между бойцами и командным составом и создает основы для более глубокой внутренней спайки и для более высокой дисциплины, основанной не столько на принуждении, сколько на добровольном и сознательном товарищеском подчинении.

9. Боевая и политическая подготовка рабоче-крестьянской Красной армии к задачам революционных войн требует вместе с тем выработки соответствующего командного состава из рабочих и крестьян и пересмотра программ и методов преподавания в наших военных училищах. Программы наших военных школ

должны давать не только соответствующую революционным войнам боевую и политическую подготовку, но и знания, которые дали бы возможность нашим красным командирам работать и на трудовом фронте. Поэтому наши красные курсанты не должны ни в коем случае превращаться в узких специалистов военного дела, ничего, кроме военных наук, не знающих, а должны получать и общее образование. Значительные шаги в этом направлении в нашей военной школе уже сделаны.

10. В интересах создания обширного кадра курсантов, которые всегда являлись одной из наиболее прочных опор пролетарской диктатуры, РСФСР принимает ряд мер, дающих им возможность работать и учиться на курсах. Вместе с тем приняты меры к обеспечению их семей.

11. Создание обширного кадра курсантов немыслимо, однако, без деятельного участия в пополнении курсов со стороны всех советских, профессиональных и партийных организаций и без преодоления демобилизационных настроений. Только сознание всей грандиозности задач, которые могут стать перед рабоче-крестьянской Красной армией в ходе развития мировой революции, может стать прочной опорой для постоянного пополнения командных курсов. Необходимо покончить с распространенным в некоторых кругах взглядом, что, в силу некоторого сходства между положением красного комсостава в Красной армии и офицерства в старой армии, следует бороться против стремления сделать звание красного командира почетным. Красноармеец—это рядовой мировой революции, каждый красный командир—это офицер мировой революции, оба они—воины мировой революции. Красный командир должен с гордостью носить звание офицера мировой революции, и к этому званию должен стремиться каждый красноармеец, каждый рабочий, каждый крестьянин.

К предстоящим окрпартконференциям.[1]

В ноябре и декабре Пуром рекомендован созыв окружных партконференций. В качестве основных пунктов порядка дня этих конференций намечены следующие вопросы: а) Международное и внутреннее положение и основные задачи РКП в ближайший период. б) Новая экономическая политика, в частности хозяйственные задачи Красной армии. в) Голод, интервенция и Красная армия. г) Доклад пуокра и парткомиссии. д) Внутрипартийная работа (организационные вопросы, чистка, воспитание членов партии). е) Политпросветработа в Красной армии (основное содержание, методы и формы).

Остановимся на этом порядке дня, поскольку в нем, начиная с первого пункта и кончая последним, есть внутреннее логическое единство и внутренняя цельность. Без такового единства и цельности порядок дня представлял бы простую сумму докладов, ничем не объединенных, не согласованных между собой и только затемняющих один другой. Только постановка в первом пункте порядка дня вопроса об основных задачах РКП в ближайший период в связи с нашим внешним и внутренним положением дает фундамент для решения других вопросов, поставленных в остальных пунктах порядка дня.

Каковы же эти основные задачи РКП в ближайший период?

По сравнению с периодом гражданской войны наше положение в текущий период представляет значительное улучшение в международном отношении. С нами разговаривают, торгуют, заключают торговые договоры и... время-от-времени натравливают на нас то одно, то другое мелкое государство, а то и попросту банды Петлюры, Тютюнника и пр. героев бандитизма. Но сплошного фронта против нас уже нет, да в ближайший период и не предвидится. Ожидать с этой стороны резкого ухудшения нашего положения на ближайший период (пока внутри у нас спокойно) не приходится. Наоборот, здесь, по мере роста революции на Западе, мы будем иметь постоянное улучшение нашего положения.

[1]) «Политвестник», 1921 г., № 2—3.

Не то во внутреннем нашем положении. Здесь дело стало значительно хуже, чем в период гражданской войны. Крестьянство совместно и под руководством пролетариата разбило помещика, генерала и фабриканта, и этим, собственно, закончилась революционная роль русского крестьянства и началась его реставрационная роль, по образцу и примеру множества предшествующих революций. В русской деревне сейчас идет спешная реставрация капитализма, и было бы чистейшей утопией пытаться остановить этот стихийный процесс. Всякая такая попытка неминуемо и быстро привела бы к новым Кронштадтам и Тамбовам, а вслед за ними к вооруженной интервенции или, по меньшей мере, к разрыву торговых договоров, возобновлению блокады и пр. Поэтому сейчас останавливать деревенскую реставрацию капиталистических отношений было бы вредно и опасно для пролетарской диктатуры.

Средство против этой реставрации—только крупная государственная промышленность, которая должна «обогнать» мелкий капитализм и экономически вытеснить его.

Поэтому на внутреннем фронте предстоит еще длительная борьба пролетарской диктатуры с реставрируемым кулачеством, и здесь неминуемо ухудшение положения.

Изложенные основные особенности внутреннего и внешнего нашего положения создают чрезвычайно своеобразную обстановку, определяющую главные и весьма оригинальные черты нашей новой экономической политики. Не препятствуя возрождению капитализма в деревне и отчасти в городе, мы используем связанный с этой реставрацией подъем сельского хозяйства и мелкой промышленности для наиболее быстрого восстановления крупной государственной промышленности, которая, в союзе с иностранным капиталом (концессии) и производственной кооперацией («государственный» капитализм), побивает затем мелкое и среднее производство в селе и в городе.

Таков наш хозяйственно-стратегический план. Мы не делаем из него секрета, да и нет нужды этого делать, ибо весь план основан на стихийных законах развития капитализма, которые ни мы, ни, тем более, капиталисты изменить не в силах. Мы можем только заставить их поработать на себя точно так же, как мы заставляем работать на себя силу электричества, не имея возможности изменить законы, управляющие его движением.

Каковы стихийные силы капитализма, о которых мы говорим?

Во-первых, стихийное развитие (восстановление) капитализма в сельском хозяйстве, на почве многомиллионного (до 15 милл. хозяйств) мелкого частно-собственнического хозяйствования. Эта стихийная сила уже работает на нас, помогает нам восстановить и обеспечить продовольствием, топливом и сырьем наше крупное государственное хозяйство, хотя этих целей эта стихия совершенно не имеет в виду. Стихия всегда слепа и в стремлении к одной цели, в данном случае к сохранению, развитию и укреплению мелкого частно-собственнического хозяйства, дает совершенно другой, иногда противоположный результат.

Во-вторых, стихийное развитие капитализма в империалист-

ских странах, которые, нередко вопреки своей воле и желанию (в этом-то и выражается стихийность процесса), вынуждены вступать с нами в торговлю, брать концессии, вывозить к нам капитал и строить для нас заводы, вплоть до оружейных, которые будут укреплять Красную армию,—словом, вынуждены помогать нам в восстановлении нашего крупного государственного производства и его борьбе (особенно в будущем) с мелким хозяйством.

Наконец, третья сила, работающая для восстановления нашего хозяйства, это уже не стихийная, а сознательная сила. Это—мы сами, наша партия, рабоче-крестьянское государство, руководимое нами. Мы являемся той сознательной силой, которая, опираясь на знание стихийных движущих сил мировой революции, не без успеха управляет ими, замедляя или ускоряя их действие и беря их в различных «комбинациях».

Сейчас «комбинация» такова: мы пытаемся впрячь в наш социалистический воз, застрявший в яме разрухи, развала, разора, неурожая, эпидемий и голода, пару диких бешеных зверей (не лошадей, а гораздо более хищной породы): реставрируемый русский мелкий и средний капитализм и крупнейший западно-европейский капитализм. Они вместе с нами в той же яме, и им необходимо во что бы то ни стало выбраться из нее. Попутно они вытянут наверх наш социалистический воз, в который мы их не без успеха, хотя и слишком медленно, пытаемся впрячь.

Никакого иного способа выбраться из ямы у нас теперь нет. Только через реставрацию мелкого и среднего капитализма и через концессии мы можем итти к социализму. Но и они не могут выбраться из ямы без нашего социалистического воза.

Однако, для того, чтобы эта операция была успешна, нам надо быть хорошими кучерами. Иначе наш воз будет опрокинут впряженными в него хищными зверями, и мы сломим себе шею.

Шанс выбраться из ямы, не опрокинув воза и не сломав шеи, у нас есть: это—достаточно высокий уровень кучерского искусства, который мы проявили за 4 года Советской власти. Править научились. Но есть и риск: недостаточно хорошо научились. Однако, оставаться в яме совсем уж невозможно. Мы там очень скоро были бы засыпаны землей и погребены. Как можно быстрее надо выбраться из нее.

Вот почему было бы самой преступной и самой нелепой самоубийственной политикой в настоящее время, когда воз еще только раскачивается, а впряженные в него «лошадки» берут недружно, нехотя, капризничают, балуют, пустить в ход тормоза, тянуть воз назад, вставлять палки в колеса. Сейчас как-раз время наибольшего ослабления тормозов.

Таковы основные, крайне своеобразные особенности нашей новой экономической политики, ясное понимание которых является в настоящее время первой и главной добродетелью всякого коммуниста. А тот, кто не понимает этого, тот и не коммунист или коммунист на словах, а не на деле, коммунист, не умеющий приспособить себя к новой, резко изменившейся обстановке. Таким коммунистам—грош цена.

Сейчас как-раз в нашей партии идет перестройка ее рядов, перегруппировка ее сил для новой работы на новом фронте, приспособление к новой обстановке. И чистка партии, и добровольный уход тех, которые ослеплены капиталистической стороной новой хозяйственной политики и не видят ее коммунистической стороны (одни в силу этого выставляют своим лозунгом: «норови себе в карман», другие—«не могу ехать на возе, запряженном такими нечестивыми зверями»), и замена старых «ответственных» работников новыми,—все это проявления той сложной перегруппировки, без которой мы не справимся с новыми задачами. Тот, кто не сумеет преодолеть свой коммунистический консерватизм, т.-е. не сумеет отрешиться от ошибок предъидущего периода, или будет тупо повторять лозунги, которые для нового периода не годятся, тот попадет в архивы партии. Не понимают, не видят, что задача вытянуть воз из ямы, пользуясь стихийными силами капитализма, и во много раз труднее, и во много раз опаснее, чем то, что мы пережили в эпоху гражданской войны, и требует от нашей партии еще большего единства, сплоченности и дисциплинированности. Именно на этом наиболее остром вопросе надо теперь «пробовать», «экзаменовать», «проверять», а также воспитывать каждого члена партии. И это—на продолжительный период, так как, ведь, наша новая хозяйственная политика—всерьез и надолго.

Такая же перестройка партийных рядов идет и в армии. Но здесь эта перестройка, кроме общей для всей партии причины, имеет еще свои особые причины и в первую очередь происходящую реорганизацию Красной армии, которая настолько основательна, что в армии остается гораздо меньше старого, чем нового.

Эта реорганизация, несомненно, происходит под знаком основного вопроса: какую и для каких войн в будущем мы готовим армию?

Теперь уже, кажется, общепризнано и ни в ком не возбуждает ни удивления, ни тревоги, что мы должны воспитать нашу армию в готовности к будущим революционным войнам, оборонительным, а возможно и наступательным. Теперь, следовательно, ясно, какую и для каких войн мы готовим армию.

Практически, в виду того, что наша армия на 90% крестьянская и таковой еще надолго останется, подготовка ее для революционных войн означает подготовку крестьянина к революционной войне. Если принять во внимание, что крестьянин землю получил и от помещика ее отстоял, что, следовательно, свою революционную миссию он исполнил до конца, то огромные трудности задачи создать такую армию предстанут во всей их величественности. То, чего мы не могли сделать путем коммун, колхозов, совхозов, огромной политпросветработой, комитетами деревенской бедноты и пр.—превратить крестьянина в коммуниста (а именно это-то и требуется, иначе он на наступательную революционную войну не пойдет),—это самое требуется от нас теперь в армии.

Во время гражданской войны мы очень многих крестьян пре-

вращали в коммунистов, но иного типа: готовых обороняться против помещика. Теперь задачи гораздо выше и труднее, ибо нам в армии нужны крестьяне-коммунисты (или сочувствующие), готовые наступать ради торжества мировой революции.

Крестьянин — эмпирик и реалист. Поэтому превращение его в коммуниста, готового на наступательную революционную войну, возможно лишь при конкретной постановке всей нашей политработы в армии. Как сделать крестьянина таким коммунистом? Для этого ему надо на ряде примеров крепчайшим образом привить убеждение, что без победы революции на Западе он свой участок земли потеряет, что поэтому он кровно заинтересован в ускорении этой победы, что, таким образом, между ним и пролетариями всех стран есть интернациональная солидарность интересов, что эта солидарность интересов уже выразилась в той помощи, которую оказал зап.-европ. пролетарий во время гражданской войны и которую он оказывает теперь, во время голода, что, наконец, эта солидарность может, в интересах самого же крестьянства, потребовать наступления. Кроме того, в целях укрепления интернационализма в крестьянине-коммунисте, необходимо так же прочно привить ему убеждение в огромных преимуществах крупного производства перед мелким, наглядно показать это и на плуге-тракторе, и на фабрике или заводе. Наконец, третий кит такого воспитания крестьянина-коммуниста—это внедрение ему, на основании изучения всех революций, убеждения, что крестьянская реставрация всегда срывала плоды революционных завоеваний, губила их.

К этому необходимо прибавить еще один весьма важный элемент воспитания красноармейца, имеющий не только боевое, но и политическое значение. Превращение красноармейца в квалифицированного бойца, т.-е. привитие ему больших военных знаний, развитие в нем инициативы и самодеятельности должно привести его к твердому убеждению, что он сам, несмотря, быть-может, на превосходство в технике у противника, вдесятеро сильнее и политически крепче одиночного бойца у наших врагов.

Это сознание—незаменимый залог уверенности в своей победе и, следовательно (в условиях революционных войн), девять десятых победы. Об этих задачах не раз уже было говорено и не раз указывалось, что их может выполнить красная казарма. Но для исполнения их сделано пока еще очень мало.

Вот почему эти вопросы должны быть поставлены в повестку предстоящих окрпартконференций, должны быть внимательно обсуждены и вырешены.

И пусть товарищей не пугают огромные трудности задачи. Если царскому правительству удавалось в царской казарме воспитывать ряд поколений для того, чтобы солдаты убивали своих братьев, то неужели же мы не сумеем в красной казарме воспитать миллионы для того, чтобы защищать своих братьев?

Сумеем, не следует только медлить и затягивать дело. Время не ждет, а мы должны быть готовы как можно раньше.

О гражданской войне [1]).

(Беглые заметки).

С легкой руки Раковского, о книге которого («В стане белых»), вышедшей в Константинополе, не раз уже говорилось в нашей прессе, за границей, где приютилась «Россия № 2», выходят одна за другой книги, посвященные недавно законченной гражданской войне. Общим для всех произведений этого рода является недоумение по поводу того, как это могло случиться, что «московские палачи» разбили бесконечно благородных, безупречно честных, гениальных и небывало храбрых генералов, запоздалое раскаяние по поводу сделанных ошибок, полное неуменье разобраться и понять, в чем действительные ошибки заключались, и, наконец, плохо скрываемое сознание безвозвратной непоправимости разгрома белых армий и безнадежности новой интервенции.

Для будущего историка эти книги представят полезный материал. Но мы сейчас детальной историей гражданской войны не занимаемся. Для нас гораздо важнее сейчас учесть опыт гражданской войны в целях непосредственного его практического применения в будущих революциях и войнах. А для этого надо посмотреть, как учитывают тот же опыт наши враги. У них немало ученых и способных генералов, которым найдется что сказать. Да и времени у них теперь гораздо больше, чем у нас.

Предо мною две книги: 1) Роман Гуль. Ледяной поход (с Корниловым). Изд. С. Ефрон. Берлин. 160 стр. и 2) В. фон-Дрейер. Крестный путь во имя родины. 1921 г. 160 стр.

Роман Гуль в качестве эпиграфа к своей книге выставил изречение Дантона: «J'aime mieux être guillotiné que d'être guillotineur», что в вольном русском переводе означает: «Лучше пусть мне отрубят голову, чем я стану рубить головы другим». У Дрейера эпиграфа нет, но зато есть предисловие Куприна, пытающегося казаться веселым при отчаянном невезении. Куприн заканчивает предисловие таким пророчеством: «Окончательное низвержение большевиков вооруженной рукой не только воз-

[1]) «Красная Новь», 1921 г., № 4.

можно, но и неизбежно, но и неотвратимо». Сам же Дрейер заключает свою книгу словами «московские палачи».

Таким образом и Гуль, и Дрейер ставят и, каждый по-своему, решают вопрос о терроре: Гуль по-мелкобуржуазному умывает руки и осуждает террор и со стороны белых, и со стороны красных. Дрейер оставляет право террора только за белыми, а красным в этом праве решительно отказывает. Наша точка зрения на террор общеизвестна и отличается одинаково и от сентиментальной, оппортунистической, интеллигентски внеклассовой постановки вопроса у Гуля (постановки, которая, как увидим ниже, на-руку белым) и от откровенно-готтентотской постановки у Дрейера: ежели у меня украли жену, то это—зло, ежели я украл чужую жену, то это—добро. Мы всегда считали террор в открытой вооруженной борьбе двух классов, именуемой гражданской войной, неизбежным и с этой точки зрения «законным» явлением. Для нас вопрос не в праве на террор со стороны обоих борющихся классов, а в действительных возможностях и условиях его осуществления, определяемых реальным соотношением сил, степенью опытности в деле террора, степенью решимости на беспощадную борьбу и степенью свободы от мелкобуржуазных иллюзий, будто можно обойтись без гражданской войны, без ожесточенной вооруженной борьбы, без террора, будто можно основной вопрос о диктатуре одного из борющихся классов, раз эта борьба уже стала в порядок сегодняшнего дня истории, разрешить мирным, демократическим, парламентским путем.

Если поставить вопрос так, то, оглядываясь на историю нашей гражданской войны, мы вынуждены будем установить, что наши враги были и несравненно выше подготовлены к террору, чем мы, и обнаружили гораздо больше решимости в переходе к террору и больше свободы от мелкобуржуазных предрассудков. Вот почему мелкобуржуазно-интеллигентские сантименты в этом деле (в стиле Гуля) и проповедь их, особенно в начальный период гражданской войны, когда пролетариат только-что захватил власть, а буржуазия спешно организует контр-революционное восстание, на-руку именно буржуазии и крайне вредна пролетариату.

Вспомните-ка восстания юнкеров в Петрограде и Москве, благодушно всепрощающее отношение к ним со стороны Советской власти, давшее им возможность собраться на Дону. Это—с одной стороны.

А вот вам некоторые картинки из другого лагеря, относящиеся к той же эпохе (первой половине 1918 года):

> Пьяный лакей, собрав на вокзале народ, кричал: «Афицара, юнкаря—это самые буржуи, с кем они воюют? С нашим же братом—бедным человеком! Но придет время с ними тоже расправятся, их тоже вешать будут!».

Понятно, лакей был арестован.

> Ночь он проспал в караульном помещении. «Отпустите его, только сделайте внушение, какое следует»,—говорит утром полковник С. поручику З.

Мимо меня идет З. и лакей. З. делает мне знак войти в комнату. Вхожу. Они за мной. З. запирает дверь, вплотную подошел к лакею и неестественным, хриплым голосом, спрашивает: «Ну что же, офицеров вешать надо? Да?».—«Что вы, ваше благородие,—подобострастно засюсюкал лакей,—известно дело—спьяна сболтнул».—«Сболтнул!.. твою мать!»—кричит З., размахивается и сильно кулаком ударяет лакея в лицо раз, еще и еще... Лакей шатнулся, закрыл лицо руками, протяжно завыл. З. распахнул дверь и вышвырнул его вон». (Гуль, стр. 19—20).

Вот еще эпизод:

Из караула пришли подпор. К—ой и кап. Р. Подсели к нашему чайнику.—«Сейчас одного «товарища» ликвидировал»,—говорит К—ой.—«Как так?»—спрашивает нехотя кто-то.—«Очень просто,—быстро начал он, отпивая чай,—стою вот в леску, вижу: «товарищ» идет, крадется, оглядывается. Я за дерево,—он прямо на меня, шагов на десять подошел. Я выхожу,—винтовку наизготовку, конечно,—захохотал К—ой,—«стой!»—говорю. Остановился. Куда идешь?—Да вот домой, в Сулин, а сам побледнел. К большевикам идешь, сволочь!—шпион ты... твою мать!—К каким большевикам, что вы, домой иду,—а морда самая комиссарская.—Знаю, говорю... вашу мать! Идем, идем со мной.—Куда?—Идем, хуже будет, говорю.—Простите, говорит, за что же? Я человек посторонний, пожалейте.—А нас вы жалели, говорю... вашу мать?! Иди... Ну и «погуляли» немного. Я сюда чай пить пришел, а его к Духонину направил»... «Застрелил?»—спрашивает кто-то.—«На такую сволочь патроны тратить! Вот она, матушка, да вот он, батюшка»,—К—ой приподнял винтовку, похлопал ее по прикладу, по штыку и захохотал. (Гуль, стр. 24—25).

Но это пока только цветочки, а вот ягодки:

Из хат ведут человек 50—60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены.

Пленные.

Их обгоняет подп. Нежинцев, скачет к нам, остановился,—под ним танцует мышиного цвета кобыла.

«Желающие на расправу!»—кричит он.

Что такое?—думаю я.—Расстрел. Неужели?

Да, я понял: расстрел вот этих 50—60 человек, с опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своих офицеров.

Вдруг никто не пойдет?—пронеслось у меня.

Нет,—выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами.

Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: «пли!».. Сухой треск выстрелов,—крики, стоны...

Люди падали друг на друга, а шагов с 10-ти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили.

Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то,—это не «война»... Вот она, подлинная гражданская война... (стр. 64—65).

Таких сцен у Гуля немало. Приведем же одну, последнюю.

Мы на полотне. Кругом бестолково трещат выстрелы. Впереди взяли пленных. Подпор. К—ой стоит с винтовкой наперевес, перед ним молодой мальчишка кричит: «Пожалейте, помилуйте!»...

«А... твою мать! Куда тебе в живот, в грудь? Говори!..» бешено-зверски кричит К—ой.

«Пожалейте, дяденька!».

Ах! Ах!—слышны хриплые звуки, как дрова рубят. Ах! Ах!—и в такт с ними подп. К—ой ударяет штыком в грудь, в живот стоящего перед ним мальчишку...

Стоны... тело упало...

На путях около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущие люди...

Еще поймали... И опять просит пощады. И опять зверские крики.

«Беги... твою мать!». Он не бежит, хватается за винтовку, он знает это «беги»...

«Беги... а то!»—штык около его тела,—инстинктивно отскакивает, бежит, оглядываясь назад, и кричит диким голосом. А по нем трещат выстрелы из винтовок, мимо, мимо, мимо... Он бежит... Крик. Упал, попробовал встать, упал и пополз торопливо, торопливо, как кошка.

«Уйдет!»—кричит кто-то. Г—нь бежит к нему с насыпи. «Я раненый! раненый!»—дико кричит ползущий, а Г—нь в упор стреляет ему в голову. Из головы что-то летит высоко, высоко во все стороны.

«Смотри, самые трусы в бою, самые звери после боя»,—говорит мой товарищ. (Гуль, стр. 84—85).

Заметьте, что это только то, что видел один человек, Гуль, на небольшом участке, и попробуйте теперь суммировать все проявления белогвардейского террора. Вы получите общую картину очень большой (хотя еще не полной: мелкобуржуазная психология мешает) решимости и значительного, унаследованного от царских полицейских и тюремщиков (всякий, подвергавшийся в царских тюрьмах избиениям, подтвердит это) опыта в способах устрашения.

С благодушно всепрощающим отношением к московским и питерским юнкерам ни малейшего сходства. Твердая решимость быстро и всеми средствами покончить с врагом и подавить его. И это—в феврале—марте 1918 г.

Нас ни в какой степени не интересует вопрос, кто первый начал террор. Спор об этом, особенно охотно пережевываемый «надклассовой», «внеклассовой», «сверхклассовой» интеллигенцией, есть спор пустой и праздный, ненаучный и схоластический, а главное, практически абсолютно бесцельный. В самом деле, какой судья, стоящий вне воюющих классов, мог бы беспристрастно вырешить этот спор? И если бы даже удалось найти такого чудесного судью, согласились ли бы оба воюющие класса подчиниться его решению? С какой стати, из-за чего они бы сделали это? К чему практически привело бы такое согласие? К тому, что класс, признанный виновным, сказал бы: «Да, признаю себя виновным, я—первый, казните меня»?

Это—смехотворная, слащавая утопия, обнаруживающая теоретическую беспомощность и практическое бессилие у тех, которые ее проповедуют. А проповедуют ее безмозглые мещане от интеллигенции. Вооруженная война классов может кончиться только победой одного из них и гибелью или беспощадным подавлением другого. Мир между ними невозможен, пока один

класс не разоружит другого. А такой мир есть на деле подавление одного класса другим.

Научно-теоретическая и практически-политическая постановка вопроса о терроре в гражданской войне состоит не в сантиментальном хныканье и не в изысканиях, кто в этом виноват, а в изучении условий применения террора и наиболее целесообразного его проведения. Наша ошибка вначале заключалась в чрезмерной мягкости, нерешительности, неумелости. Именно после захвата власти пролетариат должен немедленно беспощадным террором разбить всякие попытки буржуазии (а такие попытки неминуемы) к организации контр-революционных восстаний. Превентивной, предупредительной роли террора, который во много раз затруднил бы организацию белых армий, мы совершенно не учли, проглядели ее. Помнится, даже тов. Ленин погрешил в начале 1918 г. заявлением, что «в основном гражданская война окончена», что вообще русская буржуазия бессильна организовать восстание против Советской власти. Между тем, книга Гуля, рисующая первоначальный (весна 1918 г.) период организации на Дону и на Кубани белогвардейских отрядов,— период, когда они еще не пользовались никакой поддержкой Антанты и когда им приходилось организовываться и воевать в очень трудных условиях, обнаруживает, что сил у нашей контр-революции нашлось достаточно.

Здесь с нами произошла та самая ошибка, которая в военном деле носит название «недооценки сил противника».

Книжка Гуля именно тем и интересна, что охватывает первоначальный период гражданской войны после захвата власти пролетариатом, ее зарождение. Читая ее, еще раз убеждаешься, какое огромное значение имеет предварительная, еще до захвата власти пролетариатом, подготовка кадров его будущей классовой армии и немедленная после захвата власти расправа с буржуазией, чтобы сковать ее волю к организации своих сил, чтобы обезоружить ее, нанести ей сильнейшее потрясение, надолго ошеломить и устрашить.

Гуль описывает поход Корнилова (который почти без всяких оснований назван «ледяным походом») из Ростова до Екатеринодара и от Екатеринодара до Новочеркасска.

Вы видите, как небольшой вооруженный, но плохо снабженный отряд офицеров, руководимый опытнейшими и решительными генералами, в течение трех месяцев одерживает одну за другой ряд побед над значительно превосходящим его численно противником, плохо организованным и еще хуже руководимым. Конечно, у Гуля множество преувеличений и панегирический тон по отношению к Корнилову и Деникину. Но основной факт от этого не меняется: били, били и били. И наверняка будут бить, если пролетариат заблаговременно, до захвата власти, не подготовит кадров своей будущей классовой армии и если на другой же день после захвата власти он не проявит по отношению к буржуазии беспощаднейшего террора.

* * *

Книга Дрейера как бы составляет непосредственное продолжение книги Гуля. Но Гуль, так-сказать, «авансом» дает плохую аттестацию Дрейеру. Вот как описывает Гуль возвращение в Новочеркасск:

> Бегут берега, посвистывает пароход,—подходим к Аксаю.
>
> — «Господа, немцы! Смотрите, немцы!»—кричит раненый. Все метнулись к борту. Рядом с пароходом, на его волнах, плывет-качается лодка. На веслах—в серой форме с красными околышами два немца. На руле—барышня в белом.
>
> — «Вот сволочь!»—качает головой раненый...
>
> — «Как неприятно все-таки. На Дону—немцы!»—говорит другой.
>
> — «Это что же, союзники, иль победители?»—криво усмехается старый капитан.
>
> Пароход свистит, причаливая к Аксаю. На берегу—немецкие часовые. Офицер в светло-сером, почти голубом, мундире, с моноклем в глазу, отдает им какие-то приказания. Часовые стоят, как деревянные, с откинутыми назад руками. На берегу гуляют чистенькие блестящие немцы.
>
> Рваные, грязные, вшивые, хромые, безрукие раненые выползли на берег. Смотрят на них. Немцы тоже смотрят и чему-то смеются меж собой.
>
> Пароход плывет дальше. Разговоры на палубе смолкли. Все притихли... (стр. 154).

А Дрейер начинает свою книгу так:

> «К середине 1918 г. положение на юге России было таково:
>
> Под покровом немецких штыков еще существовала Украина гетмана Скоропадского; Крым был оккупирован германскими войсками; на Дону атаман Краснов своим могучим организаторским талантом поднял тихий Дон и собрал казачью конницу; на Кубани вела беспрерывно бои с большевиками, под руководством Деникина, добровольческая армия—наследие убитого под стенами Екатеринодара Корнилова.
>
> Большая половина области Кубанской и вся Терская, а равно часть Северного Кавказа, были заняты войсками «Советской России»; южнее, за Кавказским хребтом выкристаллизовывались отпавшие от прежней империи государственные образования Грузия и Азербейджан.
>
> Добровольческая армия, созданная из горсти храбрецов, уже совершила свой эпический «ледяной поход» и, усиленная казачьими пополнениями и офицерами, стекавшимися со всех уголков беспредельной русской земли, была крепка духом, сильна презрением к красному врагу и полна веры в своих вождей и в свое правое святое дело... (стр. 1)

Как видите, между Гулем и Дрейером налицо существенное разногласие по вопросу о немцах: наивный и простодушный Гуль выкладывает все, что знает, в том числе и немцев, которых он самолично видел на Дону. Хитроумный же и скрытный Дрейер кивает на Скоропадского, а своих немцев заслоняет «могучим организаторским талантом» Краснова (на немецкий счет), того самого, ну, конечно, «безупречно честного» Краснова, который в ноябре 1917 г. под честное слово о дальнейшем неучастии в борьбе против большевиков был отпущен ими на свободу (какими мы были дурачками в 1917 г.), и который теперь пишет за границей плохие романы.

Этот эпизод заранее уже определяет ценность книги Дрейера, тем более, что главная задача Дрейера—восхваление на все лады Врангеля,—восхваление настолько неумеренное, что оно в конце-концов, превращается в акафист Врангелю. Книга явно писана по заказу друзей Врангеля. Поэтому вся история гражданской войны превращается у Дрейера в историю легендарных подвигов Врангеля и его длительной борьбы с Деникиным.

Для будущего историка гражданской войны представит интерес только первая половина книги Дрейера (до Крымской операции), содержащая новые, еще не опубликованные документы. В этот период Дрейер, видимо, непосредственно «состоял при особе Врангеля». Крымскую же кампанию Дрейер описывает со вторых рук.

В силу предвзятой цели возвеличить Врангеля и унизить Деникина объективная и научная ценность книги Дрейера умаляется до последней степени. Аттестации, которые при этом раздает Дрейер направо и налево Деникину и его ближайшим сотрудникам, учтивостью и деликатностью не отличаются. Вот образцы.

Деникин «необыкновенно самоуверенный», «безграмотный в военном отношении», забывший «все принципы стратегии».

Май-Маевский—«генерал-алкоголик», «своим примером развративший войска» (та же характеристика относится и к Шкуро), «чуть не каждый вечер в центре города, в лучшей гостинице устраивавший грандиозные попойки», на которых он до утра плясал и веселился под звуки музыки.

Мамонтов «считал себя, п о с л е п р и б ы л ь н о г о р е й д а по большевистским тылам, лучшим кавалерийским генералом».

Из документов, приводимых Дрейером, наибольший научный интерес представляют доклады генерала Чекатовского, Улагая и Науменко о состоянии белой конницы и ее разложении во время отступления. Основную причину разложения Дрейер видит в грабежах: «Корпуса Мамонтова и Шкуро,—говорит он (стр. 55),—потеряли всякую боеспособность после грабежей в рейдах и налетах».

Впрочем, по свидетельству Врангеля в его докладе Деникину (9 декабря 1919 г., № 010464), это в одинаковой мере относится и к белой пехоте. Вот что говорит Врангель по этому поводу:

> Расстройство увеличилось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» частей. Сложив с себя все заботы о довольствии, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами, используя их попечением самих полков и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.
>
> Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами—в грабеж и спекуляцию.
>
> Каждая часть спешила захватить побольше: бралось все; что не могло быть использовано на месте,—отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки... Подвижные запасы войск достигали гомерических размеров,—некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами... Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных

командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения»,—а с этим делом соприкасались все до младшего офицера и взводного раздатчика включительно,—оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство... К несчастию, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производились на глазах всей армии... (Дрейер, стр. 60).

Разлагающее действие грабежей и «самоснабжения» мы достаточно знаем и по опыту Красной армии, где, однако, принятыми, с некоторым запозданием, мерами удалось не допустить развития их до пределов, угрожающих развалом армии. В условиях гражданской войны грабежи, реквизиции, конфискации и др. виды самоснабжения приобретают самое широкое распространение в силу ряда причин: слабая дисциплинированность войск вследствие быстрого их формирования и недостаточного обучения, плохая организация снабжения, снабжение за счет трофеев, которое при неорганизованности вырождается в грабежи, и пр. Полностью избежать этих явлений, особенно на первых порах, когда армии еще только спешно сколачиваются, невозможно. Мелкобуржуазные интеллигентики могут сколько-угодно хныкать по этому поводу. От этого хныканья дело ни на иоту не изменяется. Действительные меры борьбы против грабежей заключаются не в хныканье, а прежде всего в организации правильного снабжения, в организации правильной конфискации и правильного распределения трофеев, в решительных трибунальных мерах против нарушителей правильной организации снабжения, а также, что не менее важно, в хорошем примере со стороны командного состава. Именно в организации более или менее правильного снабжения и в относительно хорошем (с точки зрения «самоснабжения») командном составе было преимущество Красной армии перед белой. Врангель правильно ухватил в своем докладе эти два основные момента.

Небезынтересно, как Врангель оценивал стратегическую обстановку в начале декабря, когда он принял командование добровольческой армией. Вот что он пишет Деникину в упомянутом уже докладе:

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми...

Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага. В то время, как продвижение кавказской армии к Саратову создало угрозу коммуникациям восточного большевистского фронта, красное командование спокойно смотрело на продвижение наших сил к Курску и Орлу и неукоснительно проводило в жизнь план сосредоточения ударной массы в районе Саратова с тем, чтобы, обрушившись на ослабленную тысячеверстным походом и выделением большого числа частей на добровольческий фронт кавказскую армию, отбросить ее к югу.

Лишь после того, как остатки кавказской армии отошли к Царицыну и, окончательно обескровленные, потеряли всякую возможность

начать новую наступательную операцию,—красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало операции против добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии резервов, и, обрушившись на нее, заставило ее катиться назад.

Несмотря на расстройство транспорта и прочие затруднения, принцип сосредоточения сил проводился красным командованием полностью... (стр. 59).

Нужно прямо сказать, что похвала Врангеля заслужена красным командованием не вполне, и вот почему: во-первых, план сосредоточения наших войск в районе Саратов—Камышин—Царицын проводился красным командованием с большим запозданием, и именно потому, что оно смотрело на продвижение Деникина к Воронежу и Харькову чрезвычайно тревожно и нервно. Во-вторых, этот план проводился недостаточно последовательно и твердо в виду разногласий внутри красного командования по поводу этого плана.

Пишущему настоящие строки в свое время пришлось настойчиво указывать на необходимость не допустить ни в каком случае сдачи Царицына путем сосредоточения к нему всех сил, освободившихся к этому времени на востфронте. Между тем, туда была брошена только одна бригада, а бывшие к этому времени свободными две дивизии и две бригады пошли на харьковское и воронежское направление, а часть даже на питерский фронт. В результате Царицын был сдан, и наши части были отброшены на север почти до Саратова, а на харьковском и воронежском направлении не удалось не только остановить, но даже замедлить наступление Деникина. Стратегия затыкания дыр и подбрасывания новых частей под ноги победоносному противнику вполне оправдала свою дурную репутацию.

Только после отката к Саратову началось усиленное пополнение наших сил в этом районе. Об этом именно периоде и говорит Врангель.

Единственным документальным следом спора о Царицыне в рядах нашего командования, насколько помнится, была телеграмма РВС востфронта, который после падения Царицына, опасаясь за свои сообщения, настаивал на быстром сосредоточении сил в районе Саратова и на подчинении этого участка южного фронта ему.

Между тем, огромное стратегическое значение Царицына было резко подчеркнуто неоднократными упорнейшими боями, как при взятии его белыми, так и при обратном овладении им. Белые генералы превосходно поняли это [1]). Неудивительно поэтому, что на следующий же день после падения Царицына туда приехал Деникин со своим штабом, в сопровождении французского атташе, а затем начальник английской миссии при Деникине, генерал Хольман, который привез Врангелю орден, «пожалованный» ему английским королем (Др., 30—31). Хоть и англичане, а значение Царицына учли гораздо лучше нашего.

---

[1]) «Главнейшим и единственным нашим операционным направлением должно быть направление на Царицын»,—писал Врангель 4/IV—19 (Др. 13).

Удержи мы в свое время Царицын (а это было возможно), Деникин не посмел бы так далеко зарваться на север и на запад, что значительно сократило бы срок нашей кампании. Именно на следующий день после взятия Царицына, сидя в вагоне на царицынском вокзале, Деникин «посмел» и дал свою знаменитую «московскую» директиву.

Вот начало этой директивы:

> Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний—Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.
>
> Имея конечной целью захват сердца России—Москвы, приказываю... (стр. 30).

Весь этот эпизод с разногласиями внутри красного командования точно так же, как и разногласия по оперативным вопросам между Врангелем и Деникиным, описываемые Дрейером, поучителен лишь в одном отношении: разногласия внутри командования вредны, а потому необходимо принимать все и всяческие меры к их устранению и недопущению.

Этот вывод очень, чрезвычайно, исключительно ненов, но реальное его значение от этого ничуть не умаляется.

*
* *

Что касается крымской операции, Дрейер дает о ней в своей книге мало нового и, главным образом, занимается цитированием брошюры С. Смоленского «Крымская катастрофа».

Прежде всего отметим, что в штабе Врангеля колебались между выбором стратегического плана перед началом нашего наступления на Перекоп и Чонгар.

Вот что Дрейер сообщает на этот счет:

> Имея довольно точные сведения о сосредоточении армии южного советского фронта, Врангелю оставалось принять свое решение. В штабе было разработано два плана: первый,—которому сочувствовал генерал-квартирмейстер,—сводился к тому, чтобы отнюдь не ввязываться в упорный бой, оставить в северной Таврии на главных операционных направлениях слабые арьергарды, главными силами отойти за сильную, укрепленную позицию на крымских перешейках; второй план заключался в том, чтобы путем маневра, действуя по внутренним операционным линиям, как это было в течение всей летней кампании, бить противника по частям и затем уже, действуя по обстановке, остаться попрежнему в сев. Таврии или запереться в Крыму. Второй план поддерживал начальник штаба Шатилов, и к нему, естественно, должен был склониться Кривошеин, озабоченный вывозом зерна из Геническа и Скадовска, без чего финансовый кризис обещал превратиться в катастрофу.
>
> Разбираясь в прошлом теперь, когда известная историческая перспектива позволяет о многом судить с большей объективностью, мы, естественно обязаны поставить упрек главнокомандующему, невольно принесшему стратегию в жертву политике.
>
> Врангель, конечно, меньше всего этого хотел, и если склонился к доводам Шатилова, то только потому, что второй план более отвечал его кипучей натуре, не боящейся риска. Врангель не утратил еще веры в свое боевое счастье, хотя уже было два предупреждения, и пошел ва-банк, чтобы сразу убить крупную карту...

В последних строках Дрейер явно запутался. «Врангель, конечно, меньше всего этого хотел». Чего «этого»? Второго плана? Значит, он был за первый план? Но, ведь, второй план «отвечал его кипучей натуре, не боящейся риска», его вере в «боевое счастье». Подите, разберитесь-ка!

Дрейер захотел одним выстрелом двух зайцев убить: изобразить Врангеля и осторожно-мудрым (первый план), и кипуче-смелым (второй план), и получилось нечто совсем несуразное, что Врангель был сразу за два плана. Вот что значит переусердствовать в хвалебном рвении!

Какое решающее значение во всей крымской кампании имели бои между 7—14 октября в районе Никополя и Каховского плацдарма,—видно из признания Дрейером четырех положений:

1) В результате боев у Никополя кубанская конница «потеряла сердце»; 2) в результате боев у Каховки пехота (2-я армия Витковского) также «потеряла сердце»; 3) и пехота и конница «потеряли веру в свое командование» и критика распоряжений начальства усилилась до «небывалой степени»; 4) Врангель потерял инициативу: «инициатива принадлежала советскому командованию».

Это—очень осторожная оценка, совпадающая с той оценкой («Начало разгрома Врангеля»), которая дана была мною, насколько помнится, 15 или 16 октября, совместно с командующим южным фронтом в телеграмме, помещенной на страницах «Правды» и «Известий». Некоторые товарищи признали тогда эту оценку неправильной и чрезвычайно оптимистической. Осуждение этой оценки выразилось в трех документах: телеграмме, в которой оценка была названа «оптимистической», статье в «Известиях», в которой этой оценке противопоставлялось утверждение, что, «по существу, разгром Врангеля еще не начинался», и в ошибочно присланной мне трибунальной повестке, из которой явствовало, что за пропуск вышеупомянутой телеграммы на страницы прессы кто-то из военной цензуры привлекался к ответственности. Последний документ показывает, какое серьезное значение было придано моей телеграмме, и какой «большущий» шум был по ее поводу.

Впоследствии в брошюре «Разгром Врангеля» оценку никопольской и каховской операций мне пришлось не ослабить, а усилить, так как менее чем через месяц после моей телеграммы Врангель был действительно разгромлен.

В настоящее время оценка никопольских боев, данная по горячим следам, получила подтверждение и в книге Дрейера, и в статье С. Варина («Военная Наука и Революция», № 1). Последний считает бой у Никополя решающим для всей кампании. Таким образом, спор о никопольской операции может считаться теперь окончательно решенным, и его можно спокойно сдать в архив. Однако, вытекающие из него некоторые выводы весьма полезно сделать и теперь, в качестве опыта, данного нам гражданской войной.

Значение спора заключается в так-называемом «моральном

элементе войны». Все крупные знатоки военного дела единогласно признают, что «уверенность в победе есть уже половина победы». Эта уверенность, проникающая всю армию сверху донизу, от командующего армией до одиночного бойца, в условиях гражданской войны создается, главным образом, усиленной политической работой и первыми успехами армии. Армия, даже недостаточно хорошо снабженная, даже в тяжелых условиях, при успехе и при умелой политработе начинает верить в себя, в свою силу и непобедимость, в слабость и разложение побитого врага. Наша гражданская война дала нам многочисленные образцы такого подъема веры в себя в самых трудных, в самых неблагоприятных условиях. Напомним только два наиболее ярких примера: наступление на восточном фронте в 1920 году и бои у Перекопа и Чонгара. (Кстати, Дрейер рассказывает, с чужих слов об огромном количестве тяжелой артиллерии, подвезенной нами к Перекопу. Ни одного тяжелого орудия у нас там не было. Не успели подвезти).

Та же гражданская война дала нам очень много примеров быстрого и частого перелома в настроении частей, очень характерного именно для гражданской войны.

Раз вера в себя у армии достигнута, необходимо всемерно укреплять и поддерживать ее, хотя бы даже при помощи некоторой доли здорового оптимизма. Если не верить в себя, т.-е. не верить в свою победу, т.-е. если не рассматривать дело несколько оптимистически, то, ведь, ни воевать, ни побеждать невозможно.

А из этого вытекает, что, во-первых, надо решительно изгонять из армии самые малейшие следы пессимизма и недоверия и, во-вторых, надо старательно избегать всего, что подрывает веру в себя, разрушает уверенность в победе, расхолаживает порыв и энтузиазм.

Все это—азбучные истины, которые, казалось бы, совсем не следует повторять в серьезном, научном журнале. Однако, раз их не соблюдают, раз их нарушают, то ничего другого не остается, как повторять их и повторять.

Посмотрите, в самом деле, что получается.

Армии южного фронта после 14 октября прониклись в высочайшей степени революционным энтузиазмом, горели волей к победе, были полны уверенностью в разгроме врага, что и доказали перекопской и чонгарской операциями. И вот в этот-то момент, как-раз накануне последнего наступления, две грозные нахлобучки: «оптимизм», «никакой победы вы не одержали» («разгром и не начинался»). Согласитесь, что такие нахлобучки, к тому же совершенно неосновательные и шедшие вразрез с действительной обстановкой, могли весьма и весьма расхолодить и даже убить всякий порыв. Ведь, будь на месте командующего южфронтом не Фрунзе, а спец, или же товарищ, не имеющий смелости на то, чтобы принять на себя полную ответственность за инициативные, смелые решения,—ведь, он после этакого «афронта» «потерял бы сердце», деморализовался бы, действия его стали бы

нерешительными, колеблющимися, с оглядкой назад, что немедленно отразилось бы на всей армии, вплоть до одиночного бойца, внесло бы деморализацию, нерешительность, неверие в победу во все ее ряды сверху донизу.

Нет, с такими вещами надо осторожнее. Нахлобучка—хорошая вещь, но только «во благовремении».

Мы все учимся военному делу, мы все работаем над изучением опыта небывалой еще в истории трехлетней гражданской войны пролетариата с буржуазией, потребовавшей развертывания миллионных армий. Поэтому каждая ошибка, особенно наша ошибка, должна быть учтена, взвешена, изучена, оценена и в конечном счете должна дать нам полезный урок на будущее.

Примечание к настоящему изданию. В последней части статьи речь идет о телеграмме тов. Ленина и статье тов. Троцкого.

Тов. Ленин прислал короткий телеграфный запрос тов. Фрунзе такого содержания: «Верны ли оптимистические сведения, сообщенные тов. Гусевым». Тов. Фрунзе ответил: «Верны. Телеграмму мы составляли с тов. Гусевым вместе».

Несравненно хуже было выступление тов. Троцкого. Ничего не проверив, не запросив реввоенсовета южного фронта, он выступил совершенно открыто в «Известиях» (17 окт. 1920 г.) со статьей: «Южный фронт и зимняя кампания». Вот, что он писал в этой статье.

«В печати появилось сообщение тов. Гусева о первых крупных успехах на врангелевском фронте. Они свидетельствуют о том, что мы можем разбить Врангеля, и притом в сравнительно короткий срок. Однако, мы еще не только не разгромили Врангеля, но, по существу, и не приступили к его разгрому... Первые наши успехи... только маленький задаток под будущую победу. Борьба на черноморском побережье займет еще длинный ряд недель».

Это писано 17 октября, а 9-го ноября, т.-е. через 3 недели, мы взяли Перекоп, а 15-го над всем Крымом развевалось советское знамя.

Значения никопольских боев тов. Троцкий совершенно не понял. Вот почему он оказался так неудачлив в своем предсказании.

К счастью, доставка газет на фронт была так плохо налажена, что статья тов. Троцкого дошла до красноармейца тогда, когда он уже отдыхал от боев под благодатным крымским небом. Дойди она во-время,—взять Перекоп было бы куда труднее.

К вопросу о реорганизации Красной армии.

Реорганизация Красной армии стоит перед нами, как практическая задача дня, осуществление которой уже началось. С 1918 года мы непрерывно строили Красную армию в огне и дыме гражданской войны, под непрекращающимся давлением жизненной необходимости отбиться от многочисленных врагов, наседавших на нас со всех сторон. Планы строительства Красной армии вырабатывались наспех, без достаточной продуманности (некогда было думать), непрерывно менялись и ломались, и ошибок, понятно, было понаделано немало [1]).

Но некоторый общий план все же у нас был и на деле осуществлялся: мы строили рабоче-крестьянскую армию для обороны против помещичье-буржуазной контр-революции.

Теперь реорганизацию Красной армии мы проводим в относительно спокойных условиях, но нельзя сказать, чтобы эта реорганизация совершалась по единому продуманному плану. Дело не в числе округов, армий, дивизий, не в их штатах. Это, конечно, существенная часть плана, но далеко не все. В первую очередь необходимо дать себе ясный отчет, какую и для каких задач армию мы готовим.

Вот на эти вопросы мы ответа не находим. А, ведь, от того или иного решения этих вопросов зависит весь организационный план (в том числе и штаты), вся система обучения и воспитания одиночного бойца и частей, программы военно-учебных заведений, практические занятия в них, постановка политработы в армии, подготовка комиссарского состава, изучение театров военных действий, наконец, даже вооружение частей и подготовка специальных войск.

---

[1]) Укажу на один характерный образец таких ошибок. В конце 1918 г. ВСГШ приступил к формированию 11 дивизий. Дело пошло довольно успешно. Но в феврале 1919 г. 25 тыс. обученных бойцов было из этих дивизий взято (без достаточной стратегической необходимости) и брошено против Краснова, в виде маршевых рот. От дивизий остались одни карты. В результате—«безрезультатная» и непомерно дорого стоившая победа над Красновым и полное отсутствие у республики резервов к началу наступления Деникина.

Есть ли единство и согласованность между всеми этими сторонами реорганизации Красной армии?

Нет. Это видно прежде всего из того, что все наши уставы, наставления, руководства и инструкции (в свое время сфабрикованные наспех) подлежат пересмотру. Это—одна из очередных задач, теснейшим образом связанных с реорганизацией Красной армии. Это видно затем из того, что программы военно-учебных заведений (особенно высших) признаются весьма неудовлетворительными и подлежащими в ближайшем будущем коренному пересмотру. Это видно и из многого, что перечислять здесь было бы излишне.

Иначе, впрочем, и не может быть: никакой согласованности, никакого единства между различными сторонами реорганизации Красной армии и не может быть, раз нет общего плана реорганизации, раз нет (раз мы не потрудились дать) ответа на основной, коренной, главный, первейший вопрос: какую и для каких задач мы армию готовим?

В 1918 г. мы начали строить рабоче-крестьянскую Красную армию в целях обороны Советской Республики от бесчисленных врагов. Общий план был совершенно ясен: мы строим р а б о ч е - к р е с т ь я н с к у ю армию. Для каких задач? Для о б о р о н ы. Для обороны притом не вообще, не от всяких возможных врагов, а для обороны от помещичье-буржуазной контр-революции. Д о победы над помещичье-буржуазной контр-революцией эта армия, несмотря на свой преобладающий крестьянский состав, была классовой армией пролетариата. П о с л е победы над помещичье-буржуазной контр-революцией эта армия частично перестала быть классовой армией пролетариата (Кронштадт, маслаковщина и др. проявления анархического контр-революционного поворота мелкой буржуазии в сторону о т диктатуры пролетариата к буржуазной диктатуре).

Отсюда и возник вопрос о реорганизации.

Какую же и для чего мы строим армию? Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними?

Угрожает нам изнутри мелкобуржуазная стихия, которая до сих пор (несмотря на ряд экономических уступок ей) выявляет себя местами (Украина, Тамбовская губ.) в виде бандитизма. Обширный, почти небывалый в истории, опыт украинского повстанчества и бандитизма подтверждает давно уже сделанный марксистской теорией (см., напр., «Нищету философии» Маркса, вышедшую в 1847 г.) вывод о том, что мелкая буржуазия сама по себе, вне руководства другим классом (буржуазия, пролетариат), неспособна организоваться в большую, сплоченную, централизованно управляемую вооруженную силу (революционную или контр-революционную). Она всегда разбивается на относительно небольшие части, нередко не связанные одна с другой никакой связью и даже враждующие между собой. Эти части опасны не как серьезная военная сила, а как анархическая сила,

нарушающая хозяйство и транспорт. Борьба против этих частей представляет очень много своеобразных тактических особенностей и требует создания особых частей, очищенных от мелкобуржуазной заразы и специализировавшихся на борьбе с бандами. Притягивание на эту борьбу других частей, как это неоднократно подтверждено опытом, приводит к отрицательным результатам: и в политическом, и в боевом отношениях они оказываются подготовленными недостаточно, а вечная погоня за бандами разлагает их и делает в конечном результате небоеспособными против «внешнего врага».

Какие враги нам могут угрожать извне? Прежде всего, остатки колчаковских, каппелевских и врангелевских войск. Однако, серьезного наступления с их стороны по ряду причин в настоящее время ожидать не приходится. Кроме того, вопрос о них «выпадает» из рассмотрения настоящей статьи, поскольку, во-первых, части Красной армии в их теперешнем виде достаточно приспособлены к войне против них, поскольку, во-вторых, их действия не будут «комбинироваться» с наступлением антантовских или, напр., японских войск.

Но тут мы подошли к третьему врагу, который может угрожать нам. Ибо для нас решающее значение будет иметь наступление империалистских войск, а не участие в этом наступлении каппелевцев и врангелевцев.

Это—враг, с которым мы еще «по-настоящему» не воевали, если не считать германского наступления 1918 г., да еще, пожалуй, войны с Польшей. Но зарекаться от войны с этим врагом не приходится...

Сейчас он воевать против нас не может,—в противном случае при бешеной ненависти империалистов всего мира к Советской России он немедленно начал бы наступление на нас. Источник этой невозможности—огромная оппозиция рабочих и даже мелкобуржуазной демократии против войны с Россией. Но кто знает, что может случиться в будущем!

Война с этим врагом будет принадлежать к типу так-называемых революционных (или классовых) войн (в отличие от войн династических, национально-освободительных, империалистских и гражданских). Этот тип войн имеет некоторые своеобразные особенности, которые приближают его к войнам гражданским. Но только приближают. Отношение между революционными и гражданскими войнами приблизительно можно было бы определить, назвав революционные войны «полугражданскими».

Представим себе войну с любой из империалистских держав. Будет ли у этой империалистской державы тот единый, непрерывный фронт, то национальное единство, тот гражданский мир между классами, какие мы видели во время империалистской войны 1914—1918 гг.? Достаточно поставить этот вопрос для того, чтобы был ясен отрицательный ответ на него.

Конечно, не будет. При условии существования III Интернационала и поразительно быстрого его роста во всех странах, при условии огромного подъема революционного движения пролета-

риата во всех странах, при условии безвыходно-затяжного промышленного кризиса, неслыханно углубляющего пропасть между классами, о гражданском мире в империалистских державах в случае войны против Советской России не может быть и речи.

Мы это видели на примере Польши, хотя и в слабом зачаточном виде: часть польского пролетариата, несомненно, была с нами и помогала Красной армии. Огромную помощь нам оказали и западно-европейские рабочие, препятствовавшие провозу оружия в Польшу. На единый фронт, на гражданский мир это не похоже.

Таким образом, по ту сторону фронта революционной войны мы будем иметь более или менее значительное (в зависимости от силы и влияния Коминтерна) число деятельных союзников и помощников. Только при этом условии вообще можно говорить о революционной войне. Без него мы, понятно, были бы непомерно слабы по сравнению с нашими врагами.

Отсутствие гражданского мира именно и приближает революционные войны к типу гражданских.

Какой же стратегии мы должны держаться в случае возникновения революционной войны? Стратегии обороны или стратегии наступления? Ответ на этот вопрос таков: вопрос прежде всего неправильно поставлен, в такой форме он не может ставиться, и ответ на него в такой форме не может быть дан, так как выбор обороны или наступления будет зависеть от будущих условий, которых мы предвидеть не можем.

Вопрос надо поставить так: есть ли у нас гарантия в том, что мы в случае революционной войны не вынуждены будем держаться наступательной стратегии (между тем как за 3 года гражданской войны мы держались исключительно оборонительной стратегии).

Понятно, таких гарантий нет. Мы можем оказаться вынужденными к наступательной стратегии, напр., для того, чтобы предупредить готовящееся против нас наступление со стороны какой-либо империалистской державы или группы их. Мы можем также втянуться в наступательную революционную войну в связи с социалистическим переворотом где-либо на Западе. Наконец, не исключен также случай, когда мы вынуждены будем начать революционную войну в целях скорейшей развязки революции на Западе, и в этом случае наша стратегия должна будет носить сугубо наступательный характер.

У нас нет ни малейшего желания после 7 лет войны, в условиях чрезвычайной хозяйственной и транспортной разрухи, вновь начинать войну. Наоборот, наша главная задача теперь—всеми мерами и средствами добиваться «мирного жития». Стране необходим длительный отдых. Но это зависит не только от нас, а и от наших врагов. Таким образом, к войне готовиться мы вынуждены, армию готовить нам надо. И весь вопрос сводится только к одному: можем ли мы «сидеть» на стратегической обороне, как это было в течение трех лет гражданской войны, или мы должны быть готовы и к наступательной стратегии?

Вся международная конъюнктура, как экономическая, так и политическая, говорит за то, что в известный момент от нас может потребоваться наступательная стратегия. А следовательно, наша армия должна быть готовой не только к обороне, но и к наступлению.

Мы поставили выше вопросы: какую и для каких задач мы готовим армию? Ответ у нас получился такой: мы готовим классовую армию пролетариата, рабоче-крестьянскую армию не только к обороне против буржуазно-помещичьей контр-революции, но и к революционным войнам (и оборонительным, и наступательным) против империалистских держав, к войнам полугражданского типа, в которых наступательная стратегия может сыграть значительную роль.

Притом наступательная стратегия совершенно особого свойства,—стратегия, в которой революционное разложение войск противника играет решающую роль. Достаточно напомнить действия английских отрядов на Мурмане и французских в районе Одессы в 1918—1919 гг.

Вывод из всего предыдущего тот, что мы должны готовить Красную армию для наступления и воспитывать ее в духе наступления, ибо нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны, и в духе наступления. Армия же, готовая к наступлению, справится и с обороной. Мы не в силах воевать и не собираемся воевать, но должны быть готовыми, а потому готовиться к наступлению, — такова противоречивая формула, к которой мы пришли.

Эта формула означает решающий поворот в строительстве Красной армии. Приходится пересмотреть все сложившиеся у нас взгляды, произвести полную переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто-оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка одиночного бойца и отдельных частей, пересмотр уставов и наставлений, политработа в армии, подготовка военкомов, специальные части, изучение и подготовка (не только техническая, но и политическая) театров военных действий, вооружение,—все это должно впредь проходить «под знаком» наступления. Иначе говоря, все эти работы в своей совокупности должны составить определенный, строго согласованный во всех частях, проникнутый единством взглядов план реорганизации Красной армии. Подготовка к революционным войнам (полугражданского типа)—вот основное содержание этого плана, наступательная стратегия—вот основное направление реорганизации Красной армии.

Только при наличии такого единого плана начавшаяся реорганизация Красной армии выйдет из состояния бесформенности, разброда, несогласованности, шатаний и отсутствия ясно сознанной цели.

Нечего и объяснять, насколько отсутствие единого плана реорганизации вредно и опасно для армии.

П р и м е ч а н и е к н а с т о я щ е м у и з д а н и ю. Настоящая статья была помещена в журнале «Военная Наука и Революция» (1921 г.) под псевдонимом «С. Соломин» и вызвала со стороны тов. Троцкого весьма сердитый ответ («Единая военная доктрина или мнимо-военное доктринерство»).

Я решил предоставить решение спорных вопросов, выдвинутых тов. Троцким, самому беспристрастному судье,—времени. Теперь этот судья по двум из трех спорных вопросов дал ясный, точный, непререкаемый ответ, и притом не в пользу тов. Троцкого.

О чем шел спор? Во-первых, по вопросу о том, есть ли у нас единый план реорганизации Красной армии. Я отвечал на этот вопрос отрицательно. Цитируя мои слова насчет «бесформенности, разброда, несогласованности, шатания и отсутствия ясно сознанной цели» в реорганизации Красной армии, тов. Троцкий отвечал: «Бесформенность, шатание и разброд—в его (Соломина) собственной голове. Объективно в нашем строительстве есть трудности и практические ошибки. Но ни разброда, ни шатания, ни несогласованности нет». Теперь, через три года после того, как написаны эти слова, ни малейших сомнений нет в том, кто был прав в этом споре—я или тов. Троцкий. К весне 1924 г. Красная армия дошла до крайне тяжелого состояния бесформенности и разброда, и потребовалась широчайшая реорганизация для того, чтобы привести ее в порядок. Ссылка на объективные условия ничего не может изменить в факте быстрого оздоровления Красной армии за последнее полугодие: объективные условия существования Красной армии за полгода не изменились настолько значительно, чтобы ими можно было объяснить столь быстрое улучшение ее состояния. Не менее, чем наполовину, это улучшение было результатом реорганизации и изменения (вопреки протестам тов. Троцкого) личного состава РВС СССР и внесения в его работу и в работу центральных учреждений военного ведомства планомерности, устойчивости и постоянства, которых в огромной степени недоставало прежнему РВС.

Вопрос о реорганизации Красной армии был основным и, если хотите, единственным вопросом, который вызвал исключительную резкость выступления тов. Троцкого. Тов. Троцкий не сумел этого скрыть в своей брошюре. Но особенно ясно это видно из следующего постановления РВС, принятого по поводу статьи Соломина:

«В номере первом журнала «Военная Наука и Революция», в статье С. Соломина «К вопросу о реорганизации Красной армии», заключается такая оценка положения Красной армии, которая, будучи в корне неправильной, способна только сеять величайший разброд мысли и расшатывать основы воспитания командного, комиссарского и красноармейского состава. Статья говорит о полном отсутствии у нас плана в деле реорганизации армии, об устарелости наших уставов, программ, наставлений, инструкций, о полном отсутствии у нас ответа на вопросы: «какую и для каких задач мы армию готовим?», из чего автор и выводит несостоятельность нашей нынешней организационно-воспитательной работы. Появление такого рода статьи было бы неуместно даже в дискуссионном отделе малоответственного провинциального издания. Между тем, статья помещена в отделе «руководящих статей», в издании, ответственным редактором которого является член РВСР. Совершенно очевидно, что, если столь неуместная по духу статья, по мнению ответственного редактора, заключала в себе какие-либо отдельные критические или практические мысли, он должен был ее, в качестве доклада, предложить вниманию РВСР. Печатать же в качестве «руководящей» статьи, которая характеризует всю работу военного ведомства, как беспринципную, безыдейную и несогласованную, значит—особенно в период острой дезорганизации—вносить величайшую смуту в умы, подрывать у рядовых военных работников веру в свое дело в нынешних труднейших условиях» и содействовать развитию дилетантского брюзжания, совершенно несовместимого с серьезной военной работой. В виду изложенного РВСР постановляет:

1. Сделать журнал «Военная Наука и Революция» органом РВСР с ответственностью председателя последнего за общее направление журнала.

2. Дать в журнале «Военная Наука и Революция» и других военных изданиях ряд статей, которые, определив здоровые пределы критике и творческой инициативе в военном деле, в то же время дали бы решительный отпор дальнейшему распространению неоформленной, беспредметной, дилетантской, не дающей никаких выводов, критике, которая способна только подкопать, расшатать уже достигнутые завоевания в деле военного строительства.

3. Настоящее постановление сообщить реввоенсоветам всех округов».

Как видите, не в единой военной доктрине и не в вопросе о наступательных войнах тут дело, а в том, что Соломин поомел сказать то, что... через три года полностью подтвердилось.

До поры, до времени я не считал нужным извлекать из архивов этот документ. Но теперь для меня стало совершенно ясным, что речь идет не о той или иной отдельной ошибке тов. Троцкого (о чем без политических оснований говорить не было бы смысла), а об определенном уклоне в военной политике, о троцкизме в военных вопросах. Теперь стало ясно, что статья «Единая военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» стоит в тесной связи с тем мелкобуржуазным уклоном в вопросах строительства вооруженных сил пролетариата, который анализирован мной в статье «Наши разногласия в военном деле».

Второй вопрос — о наступательных войнах и о подготовке к ним — также решен временем. Та мелкобуржуазная теория «малых дел», которую тов. Троцкий выдвинул, как противовес моей постановке вопроса о наступательных войнах (см. мою статью «Наши разногласия в военном деле»), явно провалилась. Окончательное решение вопроса о наступательных войнах нам могут принести только хозяйственная смычка города и деревни и дальнейший рост революционного движения в империалистских странах и в колониях. Но и теперь уже можно сказать, что постановка, которая дана этому вопросу тов. Троцким, никуда не годится. Тов. Троцкий писал: «Принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну» и ссылался на ту постановку вопроса о революционных войнах, которую он давал в 1905 г. Трудно себе представить что-либо более претенциозное, чем эта ссылка. В 1905 г. армия была в руках у царя, а у тов. Троцкого было в руке только перо литератора. В лучшем случае он мог раздобыть себе картонный меч или плохонький револьвер. А теперь царя нет, власть принадлежит пролетариату и в руках у него Красная армия. Постановка вопроса о революционных войнах теперь, как небо от земли, разнится от той постановки, которую давал тов. Троцкий в 1905 г. или Энгельс в 1852 г. Говорить *теперь*, что мы *принципиально* за наступательно-революционную войну, примерно так же во-время и впопад, как сказать, что мы теперь *принципиально* за национализацию фабрик и заводов, за монополию внешней торговли и т. д. Не о принципиальном признании наступательных войн сейчас может итти речь, а о *практических мерах* подготовки Красной армии к ним.

В каком смысле надо понимать подготовку к наступательным войнам,— я подробно разъяснил в статье «Политическая работа в Красной армии», которая появилась одновременно со статьей «Единая военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» и была напечатана в том же номере «Интернационала», что и статья тов. Троцкого.

Наконец, третий вопрос—о единой военной доктрине. Как увидит читатель, настоящая моя статья никакого отношения к вопросу о единой военной доктрине не имеет. Свое отношение к единой военной доктрине я выразил в тезисах, составленных в конце 1920 г. (см. выше), и более к этому вопросу не возвращался. В этих тезисах «единая пролетарская военная доктрина» приравнена «пролетарской научной теории войны», т.-е. пролетарской военной науке. А в настоящей статье речь идет не о военной науке.

На тезисах, несомненно, лежит отпечаток военного коммунизма. Вместе с переходом к нэп'у задача выработки пролетарской военной доктрины, несомненно, отдалилась. Весьма возможно, что основная роль в выработке ее выпадет на долю германского пролетариата.

Тов. *Троцкий* поднял по поводу единой военной доктрины невероятный шум и треск в мировом масштабе и неслыханно запутал дело, смешав вопросы о реорганизации Красной армии и о наступательных войнах с вопросом о единой военной доктрине. Распутывать эту путаницу—задача весьма неблагоприятная. К счастью, само время позаботилось об этом. И теперь распутывать осталось уже немного.

Основная задача политработы в Красной армии [1]).

До сих пор задачей Красной армии было отстоять пролетарскую диктатуру против помещичье-буржуазной контр-революции. Никаких других целей Красной армии не ставилось. Правда, в процесс гражданской войны нам пришлось во время польской кампании поставить перед Красной армией иную задачу, задачу «прощупать западно-европейскую революцию штыком» (тов. Ленин на всероссийской конференции). Для обороны против помещичье-буржуазной контр-революции прежняя Красная армия, основанная на союзе пролетариата и крестьянства в борьбе против общих врагов, была вполне пригодна, и с своей задачей она справилась: помещичье-буржуазная контр-революция была на $^9/_{10}$ разгромлена.

Но вместе с разгромом помещичье-буржуазной контр-революции, вместе с концом гражданской войны, наступил новый период русской революции, который характеризуется иным соотношением классов.

Перемена политики в области экономической не могла не отразиться на армии. Если старая рабоче-крестьянская армия была годна для задачи оборонительной, для борьбы против помещиков и буржуазии, то это происходило потому, что между пролетариатом и крестьянством существовал военный союз, без всяких формальных договоров, для обороны против общего врага. Теперь этого врага нет, союз пролетариата и крестьянства строится на новых основах, а потому перед нами возникают совершенно иные военные задачи.

Основная задача нашей партии в настоящее время—это поддержание пролетарской диктатуры всеми находящимися в нашем распоряжении силами и ускорение революции на Западе. Все другие задачи нашей партии подчинены этой основной зада-

---

1) Примечание к настоящему изданию. Статья была помещена в дискуссионном порядке под псевдонимом «С. Соломин» в «Политработнике», 1921 г., № 8—10.

че. Сообразно этому меняются и задачи армии. Поскольку речь идет о мелкобуржуазных контр-революционных выступлениях, которые мы имели весной, и которые кое-где продолжаются в виде бандитизма еще и теперь, постольку мы приступили к формированию нового рода войск, приспособленных к этой борьбе и не зараженных мелкобуржуазной стихией. Мы создаем корпус ВЧК, мы приступаем к реорганизации отрядов особого назначения, мы ставим на первую очередь вопрос относительно военно-учебных заведений, которые и во время гражданской войны являлись одной из главных наших опор, а теперь смогут, при правильной постановке политической работы в Гувуз'е, сыграть столь же важную роль для поддержания пролетарской диктатуры внутри против мелкобуржуазной контр-революции и вне против империалистических наступлений.

Что означает ускорение революции на Западе? Не станем касаться политической стороны вопроса. Она разобрана на III конгрессе Коминтерна. Нас интересует здесь только военная сторона вопроса. Конкретно это «ускорение» может выразиться в двух-трех формах. Во-первых, в том, что мы поддержим начинающуюся в одной из западных стран революцию нашей вооруженной силой; во-вторых, в том, что какая-нибудь новая социалистическая республика на Западе вынуждена будет начать войну против империалистов, и мы будем вовлечены в эту войну. Наконец, это может выразиться, и этот случай достаточно вероятен, в том, что мы вынуждены будем для ускорения революции на Западе начать наступление. А это означает, что мы не будем ограничиваться одной только обороной, ибо не исключена возможность того, что нам придется, что мы вынуждены будем наступать. Словом, вместо оборонительной гражданской войны перед нашей армией может стать задача вести наступательную революционную войну, войну социалистической страны против империалистских государств. Вот почему то, что мы обычно называем реорганизацией Красной армии, есть по существу крутой перелом, превращение армии оборонительной, армии, которая вела оборону против помещичье-буржуазной контр-революции, в армию, способную вести наступательную революционную войну.

Но без упорной, длительной работы боевого и политического воспитания, крестьянин, одетый в мундир красноармейца, этой задачи не поймет, на революционную войну не пойдет. Задача ускорения революции на Западе ему чужда и останется чуждой до тех пор, пока мы революционную войну не свяжем самым очевиднейшим образом с помещичье-буржуазной контр-революцией, с возможностью возврата помещику власти и земли. Следовательно, содержание нашей политической работы в Красной армии существенно изменяется. Основная задача всей политработы в Красной армии (а также и всей боевой подготовки)—воспитать каждого красноармейца на мысли о развитии и ускорении революции на Западе, на лозунге наступательной революционной войны. Пройдут, быть-может, годы, прежде чем мы увидим себя

вынужденными на такую войну. Сейчас мы не хотим и не можем воевать. Но готовиться к этой войне нужно теперь же. Чтобы подготовить крестьянина-красноармейца к революционной войне, чтобы доказать ему неопровержимо, что без торжества революции на Западе помещик неминуемо вернется и землю отберет, что для этого торжества необходимо ее ускорение, вплоть до наступательной революционной войны, потребуется гораздо более глубокая и серьезная, чем прежде, политработа.

Все задачи политработы в Красной армии нужно подчинить, подогнать, приспособить к этой основной задаче. А это означает, что и ротных политруков, и комиссаров, и политпросветработников надо перевоспитать в духе этой задачи, и все программы соответственным образом переделать. Словом, основная задача боевого и политического воспитания Красной армии в духе наступательной революционной войны должна стать осью всей работы, главной целью, определяющей все остальное.

И если буржуазным правительствам удавалось в течение столетий «оболванивать» муштрой, палочной дисциплиной и «словесностью» одетых в солдатские мундиры рабочих и крестьян для своих грязных, корыстных, грабительских войн, то нет сомнения, что нам удастся путем углубленной политработы подготовить крестьянина на революционную войну за торжество коммунизма.

Политпросветработа в Красной армии.

(К предстоящему всероссийскому политпросветсъезду [1]).

При подходе к вопросу о политпросветработе в Красной армии следует учитывать два наиболее существенных обстоятельства: во-первых, эта работа имеет в настоящий период более важное значение (на-ряду с хозяйственными органами), чем остальные области политпросветработы; во-вторых, политпросветработа в Красной армии протекает в условиях, относительно более благоприятных, чем работа среди остального населения.

Разберем оба эти обстоятельства.

РСФСР находится в настоящее время в состоянии неустойчивого равновесия. Высота развития революционного движения пролетариата на Западе уже достаточна (и с каждым днем становится все более достаточной) для того, чтобы не допустить удушения Советской России, но еще не достаточна для того, чтобы не допустить попыток такого удушения со стороны наших врагов.

И действительно, мы видим непрекращающуюся организацию таких попыток, а также непрекращающуюся оппозицию этим попыткам со стороны западно-европейских рабочих и крестьян. Поэтому на некоторый период мы не гарантированы от новых попыток вооруженного наступления на Советскую Россию, иначе говоря, от войн. Хотя эти попытки уже не угрожают гибелью Советской России, но они наносят ей неисчислимый вред, препятствуя переходу к планомерному возрождению хозяйства. Поэтому решительный отпор этим попыткам имеет для республики решающее значение.

На некоторый период, таким образом, перед Красной армией будут стоять важнейшие оборонительные задачи. Что будет дальше, когда революционное движение западно-европейского пролетариата подымется на такую высоту, что наши враги вынуждены будут оставить РСФСР в покое? Какие задачи станут

---

[1]) «Политработник», 1921 г., № 13.

перед Красной армией тогда? Вопрос этот спорный и подлежит дальнейшему обсуждению. Не исключена, однакоже, постановка этого вопроса в плоскости, данной тов. С. Соломиным. (См. «Политработник», № 8—10). Во всяком случае верно, что готовой к наступательной войне Красная армия должна быть.

Все это показывает, что политработа в Красной армии, в виду возможности оборонительных и наступательных войн на более или менее продолжительный период, сохраняет то же первостепенное значение, какое она имела в период гражданской войны. А отсюда вывод: необходимо решительно выступать против всяких покушений на ослабление политпросветработы в Красной армии и на отодвигание этой работы на второе или на третье место. Таких покушений немало, и идут они с разных сторон и в разной форме: изъятие политпросветработников из армии, уменьшение снабжения ее политпросветимуществом, попытки расчленения армейского политпросветаппарата и пр. Надо не только решительно выступать против таких покушений, а принять все меры к усилению ослабевшей политпросветработы в Красной армии.

Второе обстоятельство—относительно благоприятные условия политпросветработы—имеет не только непосредственное военное значение, а также и непосредственно общегосударственное значение. Особые условия политпросветработы в Красной армии сводятся к следующему:

Во-первых, подбор по возрасту и объединение в казарме. Теперь в армии остались молодые возрасты, большей частью еще не принимавшие участия в гражданской войне, но прошедшие уже политическую школу четырехлетней революции. По многим данным, молодежь очень хорошая, жаждущая знаний и просвещения, ждущая ответа на множество совершенно новых вопросов, выдвинутых революцией. Объединение в казарме этой молодежи на довольно продолжительный период дает возможность и массовой политической обработки. Наиболее показателен в этом отношении опыт наших военно-учебных заведений.

Во-вторых, планомерность и систематичность политпросветработы среди этой молодежи, чего нет и не может быть на фабрике, заводе, в деревне или в советском учреждении.

В-третьих, более постоянный состав непосредственных руководителей (на подготовку которых необходимо обратить максимум сил в первую очередь) из той же молодежи (политруки), а также освобождение их от всяких других работ (кроме работы строевой) и специализация.

В-четвертых, политпросветаппарат Красной армии является наиболее старым, налаженным, выработавшим на опыте трехлетней работы свои особые методы, приспособленные к особым условиям работы в Красной армии.

Словом, пусть это звучит парадоксально, но в настоящее время казарма, соответственным образом приспособленная, может стать (еще не стала) школой коммунизма для крестьянской молодежи. В настоящее время, ибо через 5—10 лет появит-

ся другая молодежь, прошедшая более или менее хорошую советскую школу. Но к тому времени, быть-может, и казармы уже не будет (если мы перейдем на милиционную армию).

Впрочем, гадать о будущем не стоит. А в настоящем казарма *может* приобрести общегосударственное значение школы коммунизма, выпускающей ежегодно не только грамотную и сознательную молодежь, преданную Советской власти и исчисляемую в семизначных числах, но и изрядное количество членов партии.

Основные условия (перечисленные выше) для превращения казармы в военно-политическую школу имеются на-лицо. Есть, конечно, и препятствия. Самое главное—необорудованность казармы,—более того: отвратительное состояние ее. Но при дружной работе командования, политотделов и красноармейцев это препятствие возможно преодолеть.

Затем—большие караулы, борьба с бандитизмом, плохое снабжение и пр.

Поскольку мы в связи с новым курсом хозяйственной политики *уже* стали на путь хозяйственного подъема (правда, очень медленного подъема, вершками), мы имеем основание рассчитывать, что с этими препятствиями мы не в очень далеком будущем справимся.

Вывод из всего предыдущего: сосредоточить усилия по превращению в кратчайший срок казармы в военно-политическую школу, оборудовать ее материально, собрать в нее подготовленный кадр политработников, поставить углубленное систематическое преподавание политграмоты по определенному плану, дать все необходимые для этого средства (политпросветимущество, пособия, канцелярские принадлежности).

Как ни велик масштаб этой военно-политической школы, но общей сумме политпросветработы по всей республике эта школа занимает не очень большую часть. И с этой стороны задача кажется разрешимой без особых трудностей. Однако, принимая во внимание, во-первых, нашу всеобщую нищету и политработниками, и имуществом, во-вторых, вырастающие на этой почве «уравнительно-потребительские» тенденции в политпросветработе и борьбу за каждого работника, за каждую брошюру, за каждый карандаш, приходится признать, что перед нами трудная задача. Немало еще потребуется работы, чтобы не только среди армейских политработников, но и во всем аппарате политпросветов (а также и в партийном) внедрить вышеизложенные элементарные неопровержимые положения о первостепенном значении в настоящий период политпросветработы в Красной армии, чтобы придать этим положениям прочность предрассудка.

Задача трудная, а потому надо над ней усиленно работать.

О литературно-издательском деле в Красной армии.

(Речь на всеросийском совещании редиздатов Красной армии и флота [1]).

Товарищи! Разрешите объявить съезд редиздатов открытым. Я бы хотел сделать несколько замечаний общего характера по вопросу о литературно-издательском деле в Красной армии. Это дело не является самостоятельной работой, которая была бы отрезана от всей политической работы. Я бы сказал, что это—одна из наиболее удобных форм нашей просветительной работы. Но сама по себе форма для нас в сущности не имеет значения, если в нее не будет вложено содержание, а содержание дается теми решениями, которыми определяется наша политработа в Красной армии.

Вы читали недавно отчеты съезда политпросветов и знаете, какие решения приняты относительно нашей политико-просветительной работы в Красной армии. Но мало принять хорошее решение, так как мы нередко, увлекаясь сегодняшней работой, забываем об этих решениях и о выдвинутых ими основных задачах. Мы об этом еще поговорим, именно о забвении основных задач, а сейчас я хотел бы напомнить, в чем состоят основные задачи политработы в Красной армии.

На мой взгляд можно было бы кратко формулировать это так: превращение каждого красноармейца в коммуниста. Это—самая краткая и самая содержательная формула. Конечно, нам не удастся всех красноармейцев превратить в коммунистов. Даже во время гражданской войны нам это не удавалось. Были части, где число коммунистов доходило до 50%, но средний процент коммунистов был значительно ниже. Несмотря на это, никакой другой формулировки основных задач политработы в Красной армии нет и не может быть. Только ставя задачей сделать коммунистами всех, мы будем иметь в армии большой процент коммунистов, а остальная беспартийная масса пойдет за ними.

---

[1]) «Красноармейская Печать», 1921 г., № 1—2.

Но эта формулировка очень обща. А нам надо дать ответ на вопрос: как это сделать? Как крестьянина превратить в коммуниста? На первый взгляд эта задача противоречит всему, что мы говорили по этому поводу раньше. Каких-нибудь 10—12 лет тому назад, во время революции 1905 г., мы сознательно не ставили этой задачи, мы спорили в 1903—6 г. с эсерами, которые говорили, что крестьянин может непосредственно перейти к социализму и потому выставляли лозунг: «социализация земли». Мы тогда говорили, что никакой социализации не может быть, что крестьянина, мелкого собственника, переделать в социалиста или, как теперь выражаются, в коммуниста, нет никакой возможности. У нас имеется опыт Западной Европы, где были старые социалистические партии и где с этой задачей не могли справиться; они сумели привлечь в свои ряды только ничтожный процент сельских батраков,—вот и все.

Теперь, однако, положение совершенно иное, теперь общемировая обстановка перед нами такова, что мы можем всерьез, по-деловому поставить этот вопрос о превращении крестьянина в коммуниста,—не в виде вопроса, можно или нет, а в виде вопроса, как это сделать. У нас имеется опыт гражданской войны, когда мы делали очень много коммунистов из крестьян. Перед нами имеется такой поразительный факт: мы пополняли армию коммунистами-рабочими, которых мобилизовали из городов, а когда подсчитали по окончании войны наши ячейки, то увидели, что они на две трети или на три четвертых полны крестьянами.

Что означает этот факт? Что рабочие-коммунисты, которые были брошены в армию, так или иначе исчезали из нее, отчасти вследствие смерти во время боев, вследствие ранений, болезни, в силу того, что демобилизовали кое-кого, что оседали они на местах, когда завоевывались новые пространства, и т. д. Между тем, число коммунистов в армии к концу войны было очень велико. Следовательно, мы сумели в сравнительно короткое время наколотить в Красной армии из сырого материала большое число (примерно, тыс. 200) молодых коммунистов, и если у этих коммунистов были недостатки—однобокость, они были воспитаны на одной только задаче, на задаче бороться против помещиков и капиталистов за ту землю, которую они завоевали, если они были воспитаны только на русский участок международного фронта мировой революции,—то все же, как опыт показывает, вернувшись по домам, они оказались вполне пригодными агитаторами и защитниками Советской власти. Отовсюду поступают сведения, что именно демобилизованные внесли крайнее оживление в деревню. Это — замечательный факт, показывающий, что наша политическая работа (хотя она велась иногда узко, недостаточно углубленно, наспех, в условиях боев и т. д) оставила глубокий след в красноармейцах.

Вот один из самых существенных выводов, которые мы имеем: мы сумели создать из крестьян значительное количество коммунистов, которые продолжают по инерции коммунистическую линию, при чем и беспартийные крестьяне-красноармейцы ведут

ее и, так-сказать, на половину, на $^3/_4$ тянутся за нашей партией. Это самый существенный и самый ценный вывод, который ложится в основу всей нашей дальнейшей работы, и если бы не было этого вывода, если бы мы не видели этого исторического и несомненного для нас факта, то тогда бы и самый вопрос относительно превращения крестьянина в коммуниста пришлось бы поставить под сомнение.

Таким образом, теперь идет вопрос только о том, каким образом превратить крестьянина в коммуниста. Конечно, когда мы ставим этот вопрос, при теперешней обстановке, после Кронштадта и весенних крестьянских волнений, после подъема мелкобуржуазной стихии, то ясно, что теперь эта задача гораздо труднее, чем в течение трех лет гражданской войны. Нам нужно воспитать красноармейца-крестьянина в качестве коммуниста на другие задачи, которые ему не так понятны и близки, не на задачу войны против помещика (который разбит и разгромлен), а на задачу войны на международном фронте, революционной войны для помощи развивающейся на Западе революции. Эта помощь может потребоваться от нас и в виде оборонительной, и в виде наступательной войны. Воспитать на эту задачу гораздо труднее, ибо необходимо будет разъяснить крестьянину связь его интересов с победой мировой революции. Если мировая революция не победит, то русский крестьянин завоеванные земли потеряет. Вот это нужно внушить каждому крестьянину. Это самое главное, самое основное. Необходимо втолковать крестьянину, что если он не будет помогать западно-европейским товарищам рабочим в их революции, то конец всем завоеваниям Октябрьской революции.

Западно-европейские рабочие помогали нам во время гражданской войны, помогают и теперь голодному Поволжью. На этих конкретных фактах, а не на бессодержательных фразах и восклицаниях «да здравствует» мы должны показать солидарность интересов русского крестьянина и западно-европейской революции.

Если мы это сделаем, то получим красноармейца, который действительно пойдет на Запад под стены Берлина и Парижа.

Это одна идея—идея интернационализма и международной солидарности, которая ложится в основу воспитания красноармейца, как коммуниста. А затем нам придется обратить большое внимание на мелкобуржуазную психологию крестьянина. Крестьянин является мелким собственником, он стремится, окончив службу в армии, на свой участок земли, вести свое частно-собственническое индивидуальное хозяйство. В силу этого, он является составным элементом той мелкобуржуазной стихии, которая *стихийно* возрождает капитализм. Теперь для всех ясно, что из 15 милл. мелко-собственнических крестьянских хозяйств вырастает капитализм так же стихийно, как трава на солнышке весной неудержимо «прет» из земли. Из мелкобуржуазного моря— 15 милл. мелко-собственнических индивидуальных хозяйств—вылезает кулак, капиталист. Вытравить из красноармейца приверженность к мелкой собственности, доказать, что эта мелкая соб-

ственность вырождается в капитализм, который эту собственность затем пожирает, что этот процесс происходит стихийно, что каждый крестьянин, который немножко старается улучшить свое хозяйство, тем самым возрождает капитализм и удобряет почву для кулака, и объяснить это на истории развития капитализма и на фактах сегодняшнего дня (которых набрать можно откуда угодно), показать красноармейцу осязательно, как растет кулак на его же глазах,—эта задача имеет столь же воспитательное значение, как и предыдущая задача.

Необходимо вытравить в крестьянине его мелко-собственническую идеологию и привить крупно-производственную идеологию. Только тогда он станет коммунистом. Каким образом это сделать? Путем бесед, лекций, брошюрок и т. д., а главное, путем ряда экскурсий на фабрики, на заводы, практического ознакомления с электрификацией, с тракторами, плугами и т. д. К этой задаче присоединяется еще работа изучения всех революций для того, чтобы показать, что крестьянская реставрация всегда приводила к тому, что завоевания революции гибли.

Это можно сделать на опыте французской революции и на опыте революции 48 года и на опыте революции 1905 года в России и теперь, на основании целого ряда конкретных фактов (хотя бы тот же Кронштадт). Эту мысль тоже нужно вдалбливать для того, чтобы у каждого красноармейца было вполне сознательное отношение, чтобы он понимал, что этот процесс крестьянской реставрации ведет к гибели революции, а спасение революции состоит только в восстановлении крупной промышленности и в помощи западной революции.

Наконец, последнее, без чего крестьянина нельзя превратить в коммуниста, — антирелигиозная пропаганда. До тех пор, пока крестьянин полон суеверий, он—раб религии, раб церкви, раб попа и не может быть ни коммунистом, ни защитником Советской власти и завоеваний Октябрьской революции. Можно было бы коротко сформулировать эти задачи в качестве двух основных положений: освободить красноармейца-крестьянина от власти земли и от власти неба. Освободить от власти земли—это значит уничтожить у крестьянина приверженность к мелкой собственности, сделать его интернационалистом, сделать его сторонником крупного производства, сделать его врагом крестьянской реставрации.

Освободить от власти неба—это значит вырвать его из-под власти церкви, попа, религии, бога, чорта и др. суеверий. Задача политпросветработы не только сделать армию боеспособной, но и превратить ее в школу коммунизма. Эти две задачи стоят перед нами.

Насчет боеспособности армии у нас имеется опыт гражданской войны. Мы знаем по опыту, что если в части было меньше 6 процентов коммунистов (примерно), то часть оказывалась совершенно небоеспособной. В пределах между 6 и 12 проц. она оказывалась более или менее боеспособной, но не вполне устойчивой и только тогда, когда процент превышал 12, мы видели,

что части становятся вполне боеспособными и устойчивыми, и т. д. Отсюда вывод совершенно определенный: нужно довести число коммунистов в армии до 12 процентов. Я бы сказал больше, до 20 проц., ибо революционная война труднее, чем гражданская. Между ними есть элементы сходства: в обоих случаях противник подвергается внутреннему разложению, действию внутренней классовой борьбы, а иногда и войны. В обоих случаях по ту сторону фронта у нас союзники. Вот почему, хотя наши враги и обладают более сильной техникой, чем мы, они нам не страшны. Но все же для революционных войн нужно иметь в армии, по крайней мере, 15% коммунистов.

Вот та цифра, тот лозунг, который нужно написать каждому политико-просветительному работнику на стенах клубов, школ, казарм и т. д. Не менее 15 процентов! При мобилизации (в случае войны) мы такого процента среди старших возрастов не получим. Не надо забывать, что все рабочее население, весь рабочий класс у нас не превышает 10 процентов того крестьянского моря, которое нас окружает, и, как мы знаем по опыту 4-х лет революции, нельзя сказать, чтобы тыловые источники пополняли нашу армию коммунистами из крестьян. Конечно, мы будем проводить крестьянина в нашу партию не только через Красную армию, но и обычными, так-сказать, путями, через гражданские наши организации, через общепартийные организации, но лучший-то элемент находится в армии (молодые возрасты). А во-вторых, в армии имеется специальный политический аппарат, который исключительно занимается воспитанием красноармейцев и воспитанием крестьянина,—аппарат, который имеет опыт и обеспечен гораздо лучше, чем другие аппараты. Возьмите тот факт, что недавно состоялось постановление, чтобы губполитпросветы перевести на местное содержание. Но никому в голову не придет сказать, чтобы перевели наши пуокры и подивы на местные средства, чтобы лишить политический аппарат Красной армии государственных средств. Никому в голову это не придет,—все прекрасно знают и понимают политическое значение работы в Красной армии.

Вот почему, если нам придется мобилизовать старшие возрасты крестьян, нам надо иметь резерв коммунистов в действующих частях. А для этого нужно, чтобы там было 15—20 процентов. Таковы практические выкладки в арифметических цифрах задачи, и эта задача является одновременно не только в интересах армии, но и всей страны, ибо, как я уже говорил, даже тот красноармеец, беспартийный, который пришел в деревню с опытом гражданской войны и получил очень узкое политическое воспитание, урывками, без системы, вносит огромную освежающую струю в деревню. А если мы будем ежегодно выпускать из Красной армии в деревню от полмиллиона до миллиона молодых красноармейцев, которые пройдут двухлетнюю систематическую школу по плану, под руководством опытных учителей, в условиях сравнительно спокойных, когда им не придется прерывать свою политическую подготовку на недели и месяцы,

как это было до сих пор, то, конечно, это будет такой кадр молодых коммунистов, сторонников Советской власти и сочувствующих ей, который буквально в течение 5—10 лет целиком переродит нашу деревню. Таковы перспективы и задачи, стоящие перед нами.

Мы только теперь начинаем укладываться в нашей работе в правильные рамки. Это чувствуется во всем и в частности в нашей редакционно-издательской работе. Но все же окончательно мы пока не уложились, есть дефекты и ошибки молодости, мы хватаемся за множество дел, забывая иногда о главном. Если просмотреть то, что издано за последние 10 месяцев, то мы увидим, во-первых, чрезвычайное повышение количества изданий, чрезвычайно быстрое разбухание издательской работы, нечто в роде издательской горячки, очень много лишнего, очень много ненужного, неуменье поставить работу экономно, не разбрасывая средства на второстепенное. Мы также увидим (и это самое существенное, что я хочу подчеркнуть), что не вполне ясно, для кого ведется эта работа. Забывают, что все наши работы и издания направлены только на одну определенную задачу—политическое воспитание красноармейца. А между тем, очень много потратили бумаги не на красноармейскую брошюру, а на издания (очень хорошие издания), которые могли бы конкурировать с изданиями Пура и с изданиями высшего военного редакционного совета. В результате получилось, что все захотели в этой области работы быть главкомами и быть начпурами, не ниже ни в коем случае.

Я вспоминаю из одного французского рассказа следующее изречение: «каждый рабочий хочет быть буржуем, каждый буржуй хочет быть дворянином». Вот так примерно, согласно этой эпиграмме, у нас сложились на некоторое время все наши редакционно-издательские работы. Изданий для политрука и для красноармейца было очень мало и тратили бумагу не на газеты, а на издания, которые может быть были и хороши, но не для красноармейца и не для политрука. Но невозможно всем быть главкомами и писать только о высших военных науках. Кому-то нужно быть и начдивами, и комбригами и пр. Надо писать для ротных командиров и для ротных политруков. Среди горы изданий я нашел только один номер журнала «Политрук», да и то первый номер. Я бы хотел обратить внимание, что основная задача в том, чтобы дать красноармейцу вполне доступную ему газету и книжку, дать политруку систематически продуманное руководство и дать учебники для курсов.

Нужно распределить всю издательскую работу по этажам,— скажем: Пур издает центральный орган для пуокров и подивов, который учитывает работу всех округов, а округа—для политруков и красноармейцев. Для этого нужно, чтобы округа писали в пуровском органе. А между тем, с мест едва ли ли прислали 1—2 статьи. Когда мы читаем издания Киевского округа, Приволжского округа, то видим, что там помещаются статьи не хуже, чем в органе Пура, но для кого они написаны? Кто будет их

читать? Никто, кроме работников своего же округа. Быть-может, статья прекрасная, но она никуда не дойдет, она пишется для себя, и вместо того, чтобы дать ее в центральный орган, она занимает в журнале округа место, предназначенное для политрука. Такой статье место в «Политработнике». Я бы сказал, что у нас вместо одного центрального органа издается 12, по числу округов. То же самое в области военно-научной: каждый округ стремится издавать центральный военный журнал, а о ротном командире, взводном командире забывают. Я подчеркиваю эту задачу, как самую существенную и важную, и вновь повторяю формулу: газета, брошюра—для красноармейца, систематическое руководство—для политруков, учебники—для наших курсов.

Вот та конкретная задача, которую мы не должны забывать. При этом я бы хотел обратить ваше внимание особенно на красноармейскую газету. Это есть тот наиболее живой орган, посредством которого политработники сносятся ежедневно с красноармейцами. Нужно сказать, что тот опыт, который имеется в этом отношении, показывает, что мы еще не умеем поставить красноармейскую газету, несмотря на трехгодичный опыт. Именно этот опыт и показывает, что одно из двух: либо она совершенно оторвана от красноармейца, либо если пытается связаться с ним, то впадает в совершенно неправильный тон, становится крайне узкой и напоминает те рабочие газеты, которые издавались когда-то в период 1898—1900 гг. одной группой русских социал-демократов, которых называли экономистами. Экономисты говорили, и в известном смысле правильно, что нужно политическую работу среди рабочих начинать с их повседневных интересов. Но они не договаривали до конца. Мы им отвечали: да, нужно, чтобы политическое воспитание рабочего начиналось с повседневных интересов, с сокращения рабочего дня, с условий платы и т. д. Но она на этом не должна останавливаться, а сразу же должна ставить эти вопросы в связь со всей суммой вопросов политической борьбы и борьбы с самодержавием. Вы же ограничиваетесь только повседневными интересами, ваша газета полна только сообщениями о расценке работы, относительно тарифа, о борьбе за пятачок и пр., и этим вы закрываете кругозор рабочего от других идей и держите его исключительно в сфере повседневных интересов.

Вот нечто подобное происходит и с красноармейскими газетами: они или отрываются от красноармейца, и это грубая ошибка, или принижаются до его низкого уровня. Возьмите, напр., вопрос о винтовке: надо поставить вопрос не только о винтовке, но и относительно мировой революции, для которой эта винтовка нужна. Если этого не сделать, то получится крайнее сужение вопроса. Но ошибка будет говорить только о революции и забывать о винтовке. Получится бессодержательная фраза, а не работа.

В основу нашей политработы надо брать повседневные интересы красноармейца, те письма, которые они получают с родины,

но только для того, чтобы, пользуясь каждым мелким случаем, ставить, связывать его с основными задачами политпросветработы в армии—воспитания в духе интернационализма, искоренения мелко-собственнической и мелко-производственной идеологии, превращения крестьянина в сторонника электрификации, освобождения его от всех религиозных предрассудков,—словом, превращения в коммуниста, готового на революционные войны.

Если вы будете иметь в виду эту задачу, то и газета станет тем органом, который будет воспитывать красноармейца для будущих великих задач, которые стоят перед Советской Россией и Красной армией.

Политическая работа в Красной армии [1].

Россия—одна из самых отсталых в экономическом и культурном отношении стран Европы. Вековая темнота, в которой держали страну русские цари, огромный процент неграмотных и малограмотных, миллион религиозных суеверий (вера в богов и чертей разных пород и видов), первобытная дикость в ряде хозяйственных процессов при обработке земли,—словом, многообразные, разносторонние проявления «идиотизма деревенской жизни», о котором писал Маркс,—вот с каким наследием явилась на порог мировой революции стомиллионная крестьянская масса.

Восемь месяцев протерпела эта масса режим горохового шута и жалкого фигляра Февральской революции Керенского, почти не трогая помещичьих земель, и протерпела бы, может-быть, еще восемь, если бы питерский пролетариат не вышиб из рук русского Бонапарта картонный меч. Сколько нужно было вековой забитости и темноты, чтобы после революции 1905 года, после империалистской войны, после Февральской революции не решиться посягнуть на помещичью землю и ждать ее от учредилки, которая неизвестно когда будет созвана. Только тогда, когда пролетариат преподнес всему русскому крестьянству декрет о социализации земли, крестьянин осмелел и пошел выкуривать помещика из его гнезда.

Но изживанию темноты, невежества и дикости это мало помогло. В течение трех долгих лет тот же помещик, опираясь на то же крестьянство, вел войну за возврат власти, земли и заводов. И крестьянин временами крепко поддерживал его, мечась, как угорелый, между двумя диктатурами: пролетарской и генеральско-помещичьей. Помещик и генерал на все лады надували крестьянина только потому, что он был неслыханно темен и забит и готов был помогать своим же собственным непримиримым врагам.

Для того, чтобы отбиться от помещика, генерала и фабриканта, пролетариату пришлось организовать свою классовую

---

[1]) «Политработник», № 15, 1921 г.

армию,—армию, которая служила бы его классовым интересам, защищала бы рабоче-крестьянское государство и подкрепляла бы пролетарскую диктатуру. Задача была чрезвычайно, исключительна трудна, ибо армию приходилось строить из того же самого темного, невежественного, забитого крестьянства, которое не понимало даже того, что помещик неминуемо захочет вернуть себе отнятую у него после Октябрьской революции и розданную крестьянам землю. Эту простую и, казалось бы, совсем понятную мысль приходилось вдалбливать месяцами, и все же крестьяне не верили нам до тех пор, пока помещик не приходил и действительно не отбирал землю назад. А до этого крестьянин итти в Красную армию не хотел, воевать отказывался, укрывался в лесах, образуя там обширные «зеленые» банды дезертиров, помогал помещику, когда наступали мы, помогал нам, когда наступал помещик, — словом, основательно «пакостил» и той, и другой стороне. Только испытав на себе зверский режим Колчаков и Деникиных, крестьянин окончательно понял правоту нашей проповеди против помещичье-генеральской контр-революции и пошел не только в ряды Красной армии, но, через нее, и в ряды нашей партии. На восточном фронте это случилось в 1919 г., на южном—в 1920 г.

Таким образом, в течение трехлетнего периода гражданской войны основным ее лозунгом была защита завоеванной власти, земель и фабрик от покушений помещичье-генеральской и буржуазной контр-революции. В конечном счете, развив огромный аппарат политической работы в 6-миллионной Красной армии, мы сумели прочно вдолбить в крестьянские головы опасность возвращения помещичье-буржуазной власти. Это было не так-то легко: надо было, ведь, спорить против меньшевиков и эсеров, которые все время сбивали с толку крестьян и рабочих и слащаво-лицемерными речами о демократической власти (в то время, как бешеная борьба шла между пролетарской и помещичье-генеральской диктатурой, а сторонники чистой демократии обретались где-то на задворках истории и путались в ногах у сражающихся классов), и злобно-ненавистнической, клеветнической и лживой критикой Советской власти,—критикой, которая отдельные случаи злоупотреблений изображала как систему Советской власти. Надо было также разъяснять, какую роль играют французские, английские и японские империалисты в поддержке русской белогвардейщины. Надо было давать ответ на ряд вопросов внутренней и внешней экономической и политической жизни, а также освещать длинный ряд вопросов, связанных с строительством Красной армии, ее боевой работой и ее бытом и укладом. Всякий вопрос,—скажем для примера, вопрос о бережном обращении с патронами,—приобретал значение политического вопроса и непосредственно связывался с помещичье-генеральской диктатурой.

Диктатура пролетариата против помещичье-генеральской диктатуры,—этот основной лозунг подчинял себе всю политическую работу в Красной армии (основное содержание которой двумя строками выше перечислено) перед наиболее темной, безграмот-

ной, забитой, невежественной аудиторией. Это была огромная задача,—шестимиллионную массу обучить основам политики.

Плохо ли, хорошо ли, но задача была выполнена. И наилучший показатель этой работы—это двести тысяч крестьян (красноармейцев)-коммунистов, которые за три года гражданской войны влились в нашу партию непосредственно через красноармейские ячейки. Эти 200.000 крестьян-коммунистов означали, что за ними стояло еще два миллиона сознательно сочувствующих нашей партии и понимающих ее заслуги перед пролетариатом и крестьянством. А за этими двумя миллионами стоял следующий четырехмиллионный слой, не столь уже сознательный, не столь твердый и устойчивый, но все же кое-чему успевший у нас научиться, кое в чем успевший разобраться. Сколько именно (в цифрах) крестьянин-массовик получил от нашей партии во время трехлетнего пребывания в Красной армии,—сказать невозможно. Во всяком случае, повидимому, немало. Один интересный факт подтверждает это косвенным образом. После демобилизации всех старших возрастов получились из ряда губерний одинаковые сведения о подъеме советской работы в волостных исполкомах и о том, что этот подъем вызван возвращением демобилизованных. Значит, в армии кое-чему хорошему научились, значит, армия была для них большой политической школой.

Вместе с концом гражданской войны обнаружилось, однако, что работа политического воспитания красноармейца и превращения крестьянина в коммуниста была выполнена узко и однобоко, да иначе и не могла быть выполнена. Из всей нашей пропаганды крестьянин-красноармеец прочно воспринимал лишь то, что соответствовало его классовой мелкобуржуазной природе, все остальное отскакивало от него, как ненужная шелуха. Он очень хорошо понял, что надо раз навсегда покончить с помещичье-генеральской контрреволюцией для того, чтобы она не отобрала у него земли и воли; что для этого нужна армия, что большевики-коммунисты из всех партий сделают это дело наилучшим образом. Что касается мировой революции, новых империалистских войн, крушения капитализма и вопросов нашего хозяйственного социалистического строительства, то «на душу» это ему «не ложилось». Был только один период, когда он приобщился к вопросам мировой политики, это—во время русско-польской войны. Но в глазах крестьянина-коммуниста, одетого в красноармейское обмундирование, русско-польская война была не революционной, а национальной войной. Воевала не социалистическая Россия против империалистской Польши, а русский народ против поляков. Подъем русского шовинизма в Красной армии во время русско-польской войны не подлежит теперь ни малейшему сомнению, это была неизбежная дань крестьянскому ее составу.

Коммунист-красноармеец из крестьян оказался узким и однобоким как-раз в меру мелкобуржуазного демократизма. С окончанием гражданской войны крестьянская революция была исчерпана до конца: крестьянин получил землю и обеспечил ее на ближайшее будущее от помещика и генерала. Стало-быть, оставалось

только одно: немедленно приняться за свое запущенное хозяйство. Мелкий собственник вылезал наружу, «власть земли» и власть частной собственности цепко забирали его в свои лапы и направляли против РКП, поскольку она по инерции еще продолжала по окончании гражданской войны политику «военного коммунизма». На этой почве возникает Кронштадт и ряд однородных более мелких явлений в Красной армии; на этой почве вырастает тамбовское восстание и расширяется бандитизм на Украине, исторически имевший иные корни. Весьма характерным и для Кронштадта и для Тамбова является то, что в этих мелкобуржуазно-анархистских контр-революционных движениях приняли участие наиболее развитые и подвижные элементы мелкой буржуазии, бывшие в предыдущий период гражданской войны на передовых революционных позициях. О революционной роли Кронштадта в 1917—19 гг. достаточно известно; менее известно, что именно Тамбовская губерния была в период керенщины первой губернией, где крестьяне поднялись против помещика.

Вместе с кронштадтско-тамбовским поворотом крестьянской стихии повернула и часть коммунистов-крестьян, что сказалось, понятно, и в красноармейских ячейках. Часть ушла из партии, часть хотя и осталась формально в ее рамках, но на деле была против нее (крестьянская или «мужицкая» оппозиция в некоторых дивизиях Киевского округа), наконец, от некоторой части партия сама вынуждена была освободиться во время чистки (точных данных на этот счет еще нет). Таким образом, за последний год и во всей партии, и в красноармейских ячейках происходила большая перегруппировка сил, перестройка рядов для выполнения новой исторической задачи.

Поскольку эта задача в основном сводится к тому, чтобы наша пролетарская диктатура установила нормы сожительства с нашим внутренним капитализмом (кулачество в деревне, мелкая и средняя промышленность) и с внешним (концессии), в целях быстрейшего восстановления нашей государственной крупной промышленности, постольку для методов вооруженной борьбы, а следовательно, для Красной армии как-будто нет места. Но, не говоря уже о том, что наши империалистические «контрагенты» одной рукой подписывают с нами торговый договор, а другой суют Иудушкам Савинкову и Петлюре сребренники для организации бандитских нападений на нас, нам не приходится забывать, что «мирное» сожительство с капиталистическим окружением, которое (сожительство, а не окружение) на деле есть беспощадная экономическая и дипломатическая борьба, выльется в будущем в новую вооруженную борьбу. Когда и при каких условиях это будет,—мы не знаем и предсказывать не беремся. Для нас несомненно только одно, что, как бы ни пошло дальнейшее развитие, революционные войны между Советской Россией и империалистскими странами неизбежны. А потому надо на этот случай иметь Красную армию.

Но Красная армия для революционных войн (оборонительных и наступательных)—это нечто совсем иное, чем Красная армия

для обороны от помещичье-генеральской контр-революции. В обоих случаях преобладающий состав крестьянский, но если даже для гражданской войны против помещика и генерала, для обороны крестьянской земли потребовалась огромная политическая работа, чтобы сделать эту Красную армию боеспособной (что стало возможным в значительной степени лишь после того, как крестьянство испытало на своей спине колчаковскую и деникинскую диктатуру), то спрашивается, во сколько раз бо́льшая политическая работа потребуется, чтобы подготовить ту же крестьянскую красноармейскую массу для оборонительной революционной войны, т.-е. для обороны таких завоеваний (национализации крупной промышленности), в которых крестьянство непосредственно не заинтересовано, и особенно для наступательной революционной войны, т.-е. для поддержки чужих (напр., германского или итальянского пролетариата) завоеваний, что от нас потребоваться может. Ведь, это означало бы превращение значительной части красноармейцев-крестьян не в однобоких «коммунистов гражданской войны», а в самых доподлинных коммунистов-интернационалистов. Задача—огромного масштаба и огромных трудностей.

Но именно так ставятся и иначе не могут ставиться в настоящее время задачи политической работы в Красной армии. Раз войны неизбежны, раз эти войны будут революционными, то надо армию готовить именно к этим войнам, т.-е. надо во всю работу по боевой и политической подготовке армии внести одно и то же направление, одну и ту же общую задачу, господствующую над всеми остальными задачами, как частными, в качестве лозунга или знамени всех работ по реорганизации и по подготовке армии.

Необходимость этого все более сознается среди командного и политического состава Красной армии, но выводы, которые делают некоторые товарищи из этой необходимости, иногда принимают уродливый характер «красного империализма». На этой почве вырастает учение об исключительно наступательной стратегии, о необходимости со стороны Красной армии штыком прокладывать дорогу мировой революции, о перманентных революционных войнах,—словом, ряд крайностей, появление которых объясняется, быть-может, недостаточным вниманием партии и страны к вопросам боевой и политической подготовки Красной армии. Что действительно внимания уделяется недостаточно,—это констатировано неоднократно на страницах нашей прессы.

А между тем, задача такова, что над ней весьма и весьма стоит подумать и поработать. Ведь, речь идет о длительной (годами) подготовке Красной армии к революционным войнам, т.-е. о превращении значительного кадра крестьян в коммунистов-интернационалистов, а остальной массы (по крайней мере, всех молодых возрастов)—в сочувствующих или не противящихся идее наступательной революционной войны. (Оборонительная революционная война гораздо легче может быть воспринята крестьянством). Такая огромная задача может быть выполнена только при участии всей партии и при содействии профсоюзов, союзов молодежи, женотделов и пр.

Вспомните, как готовил германский империализм в течение десятилетий свою армию на наступательную (империалистскую) войну, и вы поймете, в чем дело, о чем идет речь, какая огромная работа должна быть выполнена партией, советским аппаратом, пролетариатом, всей страной.

Но как сделать крестьянина коммунистом, готовым на революционную наступательную войну? Это как-будто противоречит всем основам марксизма и, прежде всего, учению о классовой борьбе. Не утопия ли это?

На этот счет нужно дать прямой ответ: если не утопия осуществление социализма в России, хотя бы и через новую экономическую политику, т.-е. путем частичного отступления и перемены методов завоевания социализма, то не утопия и превращение крестьянина в коммуниста. А пока-что, кажется, никто, кроме меньшевиков, не называл нашу новую хозяйственную политику утопичной.

При существовании пролетарской диктатуры в России, в условиях развивающейся революции на Западе, хоть и очень медленно поднимающейся с одной ступени на другую, при условии овладения школой, прессой, театром со стороны рабочего государства ничего неисполнимого нет в том, чтобы в казарме за два года из крестьянской молодежи «выдубить» изрядный процент крепких коммунистов-интернационалистов. Если царская казарма, царская школа, царская пресса умела из крестьян, одетых в шинели и гимнастерки, делать солдат, расстреливавших своих братьев и отцов, то почему бы нам не суметь из тех же крестьян создать армию, которая помогла бы мировой революции?

Ничего фантастического в этом нет. Опыт показывает, что наилучшая часть крестьянской молодежи, через Красную армию вошедшая в ряды нашей партии, осталась в ней навсегда в качестве превосходных стойких коммунистов. Особенно это относится к красным курсантам,—факт чрезвычайно показательный. Поэтому и в дальнейшем мы можем быть уверены, что с этим справимся. Задача стала гораздо труднее, но из этого следует только то, что на нее должны быть обращены и силы партии, и силы всех государственных органов.

Понятно, работа по боевой и политической подготовке к оборонительным и наступательным революционным войнам в наиболее сконцентрированном виде будет проводиться в казарме. Многие подготовительные шаги в этом направлении уже сделаны. Дело задерживается отчасти из-за нашей бедности, отчасти из-за того, что в партии еще не дали себе отчета в огромном воспитательном значении красной казармы.

Конкретно, красная казарма может выпускать ежегодно сотни тысяч молодых крестьян, прошедших двухлетнюю военно-политическую школу, которая должна им дать в военном отношении уровень знаний не ниже низшего командного чина, а в политическом—сделать их сознательными гражданами Советской Республики, знакомыми с очень многими вещами, и в частности с основами коммунизма. Особые условия казарменной жизни,

откуда, заметьте, муштра изгнана, благоприятствует выполнению этой задачи: отрыв от «идиотизма деревенской жизни», концентрация однородных возрастов, регулярные занятия по разработанной программе, специальный политический аппарат, уже опытный в этом деле (правда, основательно пощипанный и ограбленный после окончания гражданской войны путем демобилизации множества политработников),—все это дает основание надеяться, что мы действительно сумеем за два года превращать крестьянского парня в квалифицированного бойца рабоче-крестьянской Красной армии, готового на революционную войну.

Не вдаваясь в детали боевой подготовки Красной армии к революционным войнам (эта задача выходит из пределов настоящей статьи), я хотел бы обратить внимание на обычно повторяемое возражение против возможности такой подготовки: это—ссылка на колоссальное развитие боевой техники у наших врагов при нашей чрезвычайной отсталости в этом и невозможности догнать их благодаря разрухе нашей промышленности. Если рассматривать дело с точки зрения военно-технической, то наши оппоненты правы: не догоним и очень долго еще будем слабее. Но вопрос на $^9/_{10}$ военно-политический, а не военно-технический. Почему эта могущественная боевая техника не раздавила и не сокрушила нас до сих пор? Да потому, что самые лучшие и усовершенствованные машины управляются человеком. А раз так, то шансы начинают выравниваться, ибо в условиях революционной войны у нас по ту сторону фронта будет иметься достаточное количество союзников, чтобы «ослабить» действие могучей техники. Но равных шансов нам недостаточно, раз мы можем добиться преимущества. Если у наших противников преимущества в технике, то у нас преимущество в «личном» составе. Мы можем (а наши враги этого не могут) создать обширный кадр квалифицированных бойцов (полуофицеров), из которых каждый будет стоить, по своим знаниям, предприимчивости, находчивости, инициативности, смелости, а главное—уверенности в победе (а уверенность в победе есть уже три четверти победы), десятка рядовых бойцов у наших врагов.

Опыт бригад и дивизий, сформированных из красных курсантов во время гражданской войны, чрезвычайно показателен в этом отношении. Желающие ознакомиться с этим опытом найдут соответствующие данные в других статьях и книгах, здесь же необходимо подчеркнуть, на основе этого же опыта, что боевая и политическая подготовка одиночного бойца, поскольку в боевой у нас на $^3/_4$ преобладает так-называемый «моральный элемент войны», неразрывно связаны между собою.

Как же превратить крестьянина-красноармейца в коммуниста? Каково должно быть, другими словами, содержание политико-просветительной работы в Красной армии?

Я бы наметил четыре основных положения для политработы в Красной армии: 1) воспитание в духе интернационализма; 2) воспитание в духе преодоления деревенской ограниченности и мелкобуржуазной узости; 3) борьба с реставрационными тен-

денциями крестьянства; 4) антирелигиозная пропаганда. Разберем каждое положение в отдельности.

Воспитание в духе интернационализма означает, понятно, прежде всего основательное ознакомление красноармейца с азбукой коммунизма. Без этого обойтись нельзя, но центр тяжести не в этом абстрактном интернационализме, а в повседневном практическом втягивании красноармейца в интересы мировой революции, притом обязательно на почве непосредственных крестьянских интересов. Иначе вся работа будет впустую. Как мне неоднократно приходилось уже говорить, надо связать судьбу участка крестьянской земли в Уфимской губернии с судьбами мировой революции и неопровержимо доказать, что только победа мировой революции закрепит за крестьянином прочно право на пользование этим участком. В противном случае он потеряет свой участок. Как видите, между участком крестьянской земли в Уфимской губ. и мировой революцией—«дистанция огромного размера», на которой может уложиться почти вся программа РКП. Но эту дистанцию надо заполнить конкретным материалом. Сейчас у нас такой конкретный материал уже есть: это та помощь, которую западноевропейский пролетариат оказал нам во время гражданской войны и оказывает теперь во время голода. Отсюда уже один только шаг до идеи взаимопомощи, до мысли об обязанностях русского крестьянства по отношению к мировой революции, дальнейшее развитие которой будет постоянно давать новые материалы в подкрепление этой идеи. Последнее зависит от самого западноевропейского пролетариата, который должен в целях обеспечения себе своевременной помощи, теснейшим образом связаться с русским крестьянством.

Хотя развитие у крестьянина-красноармейца интернационализма уже разбивает рамки деревенской ограниченности, но все же эту сторону воспитания красноармейца-крестьянина надо выделить особо и особо подчеркнуть. Россия—страна, в которой есть 15 миллионов мелких частно-собственнических индивидуальных крестьянских хозяйств, при чем в связи с новой экономической политикой частно-собственническое хозяйствование в крестьянстве укрепляется. Этот частно-собственнический дух, притягающий крестьянина к земле, закрепощающий его в отсталых способах производства и ставящий в рамки «идиотизма деревенской жизни», резко противоречит интернационализму. Необходимо из крестьянина-красноармейца «выкурить» мелко-производственную идеологию путем привития ему крупно-производственной идеологии. Задача также не из легких. Практически это означает непрерывное, систематическое, опытное, показательное разъяснение красноармейцу колоссальных преимуществ современной крупной промышленности перед отсталой мелкой. Подчеркиваю: систематически, изо-дня в день, брошюрой, лекцией, литературой, кино, а главное — систематическими экскурсиями на фабрики и заводы, на электростанции и на опытные поля, в хозяйства, где работают электроплуги и тракторы,

и т. п., и т. д., надо в два года перевернуть всю психологию крестьянина и переделать его из сторонника мелкого хозяйства в горячего адепта крупного производства в промышленности и земледелии. При капитализме условия существования фабрично-заводского рабочего были и в экономическом, и в культурном отношении настолько выше, что крестьянская молодежь бежала из деревни в город, где и оседала прочно. Теперь голод погнал рабочего из города в деревню. Но как только голод (продовольственный, топливный, сырьевой) удастся преодолеть, так вновь создадутся условия для исхода крестьян в город. Подчеркивая теперь же огромные преимущества крупного производства и городской культуры над мелким производством и деревенской отсталостью, мы подготовим почву для будущей тяги в города, а также и для лучшего усвоения крестьянином коммунизма.

Интернационализм без ясного понимания превосходства крупного производства над мелким не может быть прочной базой для коммунизма. Вот почему на эту сторону воспитания красноармейца надо обратить особенное внимание.

Как особая часть задачи преодоления «идиотизма деревенской жизни» (в том числе и политического идиотизма) стоит борьба с реставрационными тенденциями крестьянства. Быть-может, эта формула выбрана неудачно, потому что борьба с реставрационными тенденциями крестьянства, вырастающими стихийно из единоличного частно-собственнического хозяйствования, составляет задачу целой эпохи, всей той эпохи, в течение которой, после завоевания пролетариатом власти, еще существуют классы, пока, следовательно, продолжается классовая борьба, в том числе борьба между реставрирующим капитализм крестьянством и строящим социализм пролетариатом. Сейчас, в связи с новой экономической политикой, эта борьба приняла новую форму, и, как неизбежный результат, в не очень далеком будущем рисуется новый экономический и политический подъем деревенского кулачества под лозунгом меньшевиков и эсеров: «назад к капитализму». Это движение будет базироваться на деревне, где никакого социализма нет, а есть 15 миллионов мелких частно-собственнических хозяйств, из которых стихийно вырастает капитализм, вырастает влияние эсеров и меньшевиков, вырастает реставрация капитализма. Мы можем противопоставить этому стихийному процессу восстановления капитализма еще более быстрый рост крупной государственной промышленности, да борьбу с меньшевиками и эсерами за влияние на крестьянство (для чего, понятно, прежде всего нам надо прочно закрепить наше влияние на рабочих, завоевав профсоюзы). На примере других революций мы должны показать крестьянину-красноармейцу, что крестьянская реставрация всегда вела к гибели завоеваний революции, что эсеры и меньшевики именно к этой гибели крестьянина тянут, что частно-собственническое хозяйствование неминуемо ведет к восстановлению и развитию капитализма, который пожирает мелкое хозяйство, разоряя миллионы крестьян, что, наконец, наиболее безболезненный переход мелкого хозяйства в крупное возможен только при социализме.

Наконец, нельзя вырвать крестьянина из-под власти идиотизма деревенской жизни без освобождения его от религиозных предрассудков.

Два года политической работы в казарме (и три—четыре года на командных курсах) могут дать деревне таких красноармейцев, которые, будучи высококвалифицированными одиночными бойцами, сумеют «обрезать» деревенского эсера и меньшевика, успешно бороться с попом, дать широкой крестьянской массе правильное представление о соотношении между их мелкими хозяйствами и крупной государственной промышленностью и, наконец, в случае революционной войны увлечь за собой миллионы крестьян. Ибо таких крестьян мы можем ежегодно выпускать из красной казармы сотни тысяч. Через три года мы можем иметь приблизительно одного такого агитатора на 80—90 человек населения,—это в лучшем случае, а в худшем—одного на 200—300 чел., что весьма и весьма недурно.

Политпросветработа в Красной армии теперь ставится совсем иначе, чем в эпоху гражданской войны. Раньше задачи интернациональные, естественно, отодвигались на второй план, а на первый выдвигались задачи внутреннего характера, диктовавшиеся борьбой с «внутренним врагом». Правда, этот внутренний враг опирался на международную империалистскую буржуазию, а пролетарская диктатура в России находила поддержку у международного пролетариата. Таким образом и в эпоху гражданской войны было немало интернациональных мотивов. Но непосредственная борьба (если не считать русско-польской войны) шла на внутреннем фронте, или, выражаясь точнее, на русском участке международного фронта революции. Поэтому мотивы внутренние превалировали над международными.

Теперь интернационалистские мотивы в политработе внутри Красной армии получают преобладающее значение, ибо армия готовится к революционным войнам, которые в современной обстановке не могут не иметь международного характера. Поэтому политработа в Красной армии приобретает в настоящее время непосредственно международное значение и ставит не только перед РКП, но перед всеми партиями, входящими в III Коминтерн, практические задачи большой важности.

Пора над этими задачами подумать. Иначе мы рискуем, что к началу новых революционных войн и битв Красная армия окажется совершенно неподготовленной.

Эта подготовка требует очень длительной и очень планомерной, упорной, изо-дня в день, настойчивой, неослабной работы.

Если не начнем теперь же, то потом будет поздно.

Доклад на всероссийском совещании начпуокров и начпоармов.

(16—18 декабря 1921 г.).

Товарищи, мне очень немного придется говорить по докладу Пура, в виду того, что доклад напечатан в «Политработнике», который роздан делегатам, затем отчет о состоянии работы в округах и о политсостоянии Красной армии напечатан в «Политвестнике». Повторять здесь то, что уже напечатано, ни малейшего резона нет. Мы имеем вообще мало времени в распоряжении, и надо его экономить. В виду этого мне придется в моем отчете остановиться не столько на прошлом, сколько на будущем и отметить те основные задачи, которые перед нами продолжают стоять в настоящее время в нашей работе. Прежде всего нужно констатировать, что организационный период в работе Пура пуокров в настоящее время можно считать законченным. Мы в течение 3-х с половиной лет гражданской войны организовывали политотделы, вводили различные положения, оформляли организации, реорганизовывали и т. д., но все же, когда окончилась гражданская война, у нас оказалась бесформенная груда всяких материалов и положений, всяких проектов и т. д. Законченной схемы организации в политических органах не было. Мы работали так, как пришлось работать всему советскому аппарату, наспех сколоченному в условиях гражданской войны. С окончанием гражданской войны, казалось бы, мы получили, наконец, благоприятные условия для того, чтобы перейти к более планомерной работе и, прежде всего, отделаться от постоянной реорганизации. Но опыт показал, что в течение долгого периода нам это не удавалось вследствие демобилизации армии и ее реорганизации. При этом нужно сказать, что реорганизация армии, благодаря независящим от военного ведомства условиям, проводилась неравномерно, а скачками. Так, например, вопрос о численности армии перерешался центром несколько раз: давалось задание сократить армию до такой-то численности и считалось, что на этом дело заканчивается, что после этого мы будем иметь постоянную опре-

деленную численность в армии и постоянные штаты и сможем приступить к работе по обучению и воспитанию, но не успевали мы еще провести первое задание, как уже нас настигало второе предложение—еще более сократить армию и числ одивизий, и т. д. В силу этого получился ряд ступеней в сокращении численности армии и реорганизации ее, что привело к величайшему беспорядку в нашей работе и, прежде всего, к неразберихе в наших штатах. Штаты переделывались чуть ли не каждый месяц. Наш реорганизационный период слишком затянулся. Уже более года, как мы закончили войну, а между тем, мы только теперь сможем сказать, что отделались, наконец, от вечных надоевших нам вопросов относительно штатов и организационных форм и т. д. Впрочем, и теперь еще имеются покушения на новые реорганизации. Мы должны на них ответить так: быть-может, наш аппарат не вполне совершенен, но сейчас не время заниматься этим, довольно мы потратили сил на организацию и реорганизацию. Теперь нужно тратить силы на работу, а не на формы ее. Если можно считать, что организационный период в нашей работе почти полностью закончен, то в отношении укрепления партийного аппарата в армии мы не можем этого сказать. Здесь работа не сделана даже наполовину, а в отношении создания молодого, свежего кадра политруков дело сделано, быть-может, только наполовину. Насчет партийного аппарата надо сказать, что для этого были особые причины: я имею в виду, прежде всего, ту чистку, которая в Красной армии была произведена очень основательно. Эта чистка, несомненно, задержала укрепление партийного аппарата и расшатала его на время. Политическое значение ее очень велико, и оно благоприятно скажется в ближайшее время на всей партийной организации и на каждой ячейке. Несомненно, оздоровления партии мы этим достигнем. Но сейчас-то, непосредственно после окончания чистки, мы чувствуем на себе дезорганизующее ее влияние. Она вывела очень много бывших наших товарищей из наших рядов, ухудшила и расстроила аппарат, и т. д. Приходится теперь заниматься вопросами переброски сил, учета оставшихся сил, перераспределения их. Здесь, как видим, имеется еще некоторое основание для того, чтобы найти оправдание, что мы этой работы не выполнили в достаточной мере. Но что касается вопроса о выработке кадров новых политруков, то мы не сумели сосредоточить достаточно внимания на этом деле. Можно было сделать гораздо больше. Когда кричат о некомплекте политруков через восемь месяцев после того, как состоялось первое совещание, где говорилось с полнейшей определенностью, что это—основная, первоочередная задача, что на ней нужно сосредоточить все силы, и что лучше сократить работу среди широких масс, но сосредоточить силы на выработке политруков, и когда мы видим, что через восемь месяцев эта задача все-таки не выполнена, то очевидно, что тут мы недостаточно сделали. Я знаю, что были созданы курсы, но они были созданы недостаточно быстро, была задержка со стороны центра по части штатов, положений и т. д. Эти задержки зависели не столько от Пура, сколько от бюрократического центрального

аппарата. Но все же я думаю, что, не считаясь с формальной стороной дела, нужно было в этих целях в ячейках развить работу. Напомню, что такие задания были, указывалось на необходимость превратить ячейки в курсы и каждого члена партии пропустить через эти краткосрочные курсы. И это было бы наилучшей подготовкой к тому, чтобы часть членов ячейки подготовить к роли политруков. Как бы то ни было, приходится констатировать, что мы с задачей выработки новых политруков не справились. А между тем, на-ряду с увеличением числа членов партии это, ведь, самая главная основная задача, ведь, политрук и есть тот работник, который ведет непосредственную работу среди красноармейцев, а весь остальной аппарат, все политотделы, подивы, пуокры, пуры и т. д.—все это обслуживает политрука и руководит им. Политрук, ячейка, масса—вот три объекта политического воздействия всего этого огромного аппарата. Одновременно с этими явлениями, которые мешали добиться планомерности политической работы в Красной армии, мы имели перед собой еще и другие препятствия. Тут прежде всего нужно подчеркнуть с полнейшей точностью и ясностью, не закрывая глаза ни на что, что пожелания X съезда РКП, ряд резолюций, приходивших из округов от различных совещаний, конференций и т. д., а также постановления первого совещания начпуокров о прекращении демобилизации коммунистов из армии, выполнены не были, наоборот, мы имели дальнейшую демобилизацию, правда, не в столь сильном темпе, как раньше. Я не ошибусь, если скажу, что за это время было демобилизовано ЦК не менее одной тысячи ответственных работников. Это то, что нам официально известно. Я считаю, что столько же было демобилизовано постановлениями местных бюро ЦК и, кроме того, вероятно, столько же уплыло всякими незаконными способами. Таким образом, нам приходится признать тот факт, что мы не сумели удержать в армии лучшие ее силы. Из этого факта нужно сделать соответственные выводы: если не будет каких-нибудь внешних причин, то на пополнение армии необходимым числом коммунистов извне нам рассчитывать нечего. Нам удалось добиться постановления пленума ЦК нашей партии (месяца полтора назад), которое категорически предлагает полностью прекратить демобилизацию и произвести учет коммунистов, которые были демобилизованы, с тем, чтобы потом сделать обмен на тех, которые должны быть демобилизованы в силу болезни, усталости, возраста и т. д. Но пока это будет, пройдет немало времени. Таким образом, мы имеем перед собой несомненнейший факт, что партия не хотела, а вернее, и не могла приостановить дальнейшую демобилизацию коммунистов Красной армии. Не могла потому, что нужны были работники везде и работников забирали. Вы знаете, что теперь повсюду в ударных пунктах сидят эти работники (Донбасс, Главтоп). Таким образом, мы должны констатировать, что в ближайшем будущем, если не будет особых причин, мы от партии ожидать пополнения наших рядов в большом масштабе не можем. Теперь, после чистки, нам придется обращаться к той же партии с просьбой

о том, чтобы нам дали работников, иначе работа пойдет назад. Но все же это только маленькая дача, которая нас только несколько устроит, поэтому, очевидно, что нам нужно рассчитывать, главным образом, на свои собственные силы, если, понятно, не будет каких-нибудь особых обстоятельств, напр., войны. А войны мы, можем сказать, ожидаем весной. Намерения Польши и Пилсудского достаточно общеизвестны, намерения Франции также ясны. Правда, сегодня в газетах как-будто звучат новые нотки, англичане всерьез заговорили о признании Советской России, но пока это только первая ласточка, которая не делает весны, а потому нам нужно быть готовыми к войне. Возможно что весною наши добрые соседи втянут нас в войну. Тогда партия попытается дать в армию значительное количество коммунистов. Но если мы подсчитаем то, что было у нас во время гражданской войны, и то, что есть теперь, то увидим, что за эти годы значительное число коммунистов было выбито из наших рядов, сражаясь на фронтах, и среди них наиболее самоотверженные, наиболее храбрые и смелые. Затем значительное количество превратилось в инвалидов и теперь в армию не пойдет. Затем в связи с наступлением нового периода в нашей политике, с поворотом ее, наблюдается утечка из партии значительного числа членов по двум направлениям: с одной стороны, утечка худших элементов, наиболее зараженных мелкобуржуазностью, которые уходят на свои хозяйства, обзаводятся собственностью и пускают корни в землю. Затем утечка элементов, которых нельзя назвать ни худшими, ни лучшими, но которые заражены мелкобуржуазностью; они нашли свое яркое выражение в течении Панюшкина, и хотя они называют себя левым течением, но в действительности ничего левого не имеют, а представляют обратную сторону той же самой мелко-собственнической монеты. Затем последнее, что мы имеем перед собой,—это чистка, которая освободила партию от пары сотен тысяч, если не больше, негодных членов. Часть их, быть-может, выброшена по ошибке, но едва ли этот процент особенно велик. Если мы будем считать даже 10 процентоов тех, которые будут возвращены в партию, то все же перед нами явление массового характера: наша партия ослабила себя вполне сознательно. И вот, когда мы поставим вопрос относительно мобилизации, то увидим, что сейчас у партии слишком мало сил для того, чтобы провести это в том масштабе, в каком это проводилось во время гражданской войны. Надо заметить, что все эти силы, которые теперь находятся на хозяйственном фронте, не могут быть так легко оторваны с мест, как во время гражданской войны. Партия не сможет в случае войны с Польшей или Румынией так схватить и перебросить коммуниста, как она делала в период гражданской войны. С большой осмотрительностью и осторожностью по определенному плану, который надо выработать на основании учета, будет сниматься из каждого предприятия известный процент коммунистов для того, чтобы производство шло, не ослабляясь, или ослаблялось очень немного и незаметно. Вот почему перед нами стоит задача снабжать себя

коммунистами из рядов самой Красной армии. Для выполнения этого имеется достаточно реальных данных. Более подробно я говорил об этом в моей статье в «Политработнике» (15) и останавливаться на этом не буду. Я хочу только подчеркнуть, что эта задача стоит перед нами, и как более трудная, и как более легкая. Более легкая потому, что мы имеем теперь дело с молодежью, которую приходится воспитывать в более удобных по сравнению с гражданской войной условиях. Трудность же заключается в том, что теперь привлечь молодого крестьянина в ряды партии гораздо труднее, чем в период гражданской войны: тогда был явный враг—помещик, который собирался отнять землю, а теперь враг далеко, не так очевиден, намерения его не ясны. Мы накопили в рядах армии до 300.000 коммунистов, а мобилизовали гораздо меньше, да считайте еще потери. Откуда же взялись эти коммунисты? Очевидно, из армии. И если мы могли в гражданскую войну навербовать так много коммунистов, то, несомненно, можно это сделать не без успеха и теперь. И тут выдвигается огромное значение казармы, как военно-политической школы, готовящей сознательных бойцов, которые могли бы пойти не только на оборонительную, но и в наступательную революционную войну, понимая значение победы западной революции для судьбы крестьянина и его земли. Казарма должна выпускать такую молодежь, которая, вернувшись в деревню, была бы там лучшим проводником Советской власти и коммунизма. Подводя итог 1-й части моего доклада, я формулирую коротко основные задачи, которые стоят перед нами и которые остались от прошлого периода, в промежуток времени между первым совещанием и вторым: это укрепление партийного аппарата, выработка большого числа коммунистов внутри армии, выработка достаточного кадра политруков и образование внутри самой армии постоянного кадра политического состава.

Как обеспечить Красную армию коммунистами [1].

Учет коммунистов в Красной армии во время гражданской войны был поставлен плохо, и только теперь он начинает налаживаться по-настоящему. Однако, некоторые ценные выводы по интересующему нас вопросу гражданская война все же дала. Ее первый вывод: минимальный процент коммунистов в воинской части, ниже которого часть становилась совершенно небоеспособной, это—6%. Части, имевшие от 6 до 12% коммунистов, были только более или менее стойкими, и лишь части, в которых число коммунистов было выше 12% (кое-где доходило до 50%), были вполне стойкими и боеспособными.

Другой ценный вывод из опыта—следующий. За время гражданской войны неоднократно производились мобилизации коммунистов на фронт. О числе мобилизованных никаких цифр у меня нет, и неизвестно даже, можно ли их найти. Но несомненно то, что подавляющее большинство (вероятно, до 90%) мобилизуемых коммунистов состояло из рабочих. С другой стороны, несомненно также и то, что под конец войны подавляющее большинство коммунистов в красноармейских ячейках состояло из крестьян, при чем число членов РКП в Красной армии доходило чуть не до 50% всех членов партии. А это значит, что убыль среди мобилизованных коммунистов-рабочих (вследствие смерти, ранений, болезней, демобилизаций и пр.) усиленно пополнялась в последние 1½ года войны из красноармейцев, т.-е. за счет Красной армии.

Эти два вывода и могут лечь в основу решения вопроса об обеспечении Красной армии коммунистами в случае войны.

Как бы ни был быстр рост числа членов РКП в ближайшие годы, нет ни малейшего сомнения, что 12% коммунистов среди всего населения и даже среди молодых возрастов, которые будут на войну мобилизованы в первую очередь, у нас ни в коем случае не будет. Поэтому при мобилизации этих возрастов у нас

[1]) «Вестник агитации и пропаганды», 1921 г.

и получится весьма разжиженный состав коммунистов в армии, примерно 3—4% в среднем.

Между тем, если нам навяжут в будущем войну, то для будущих войн, которые будут носить революционный характер и будут требовать от наших частей большой стойкости, большой инициативы и большой смелости, процент коммунистов должен быть выше 12%. На войну против помещиков и генералов можно было повести крестьянина и при 12% коммунистов, ну, а на революционную войну за неясные и чуждые крестьянину интересы мировой революции с 12% коммунистов его не поведешь. Да еще против гораздо лучше вооруженной армии. Будем считать минимальным процентом 15. Это значит, что в случае развертывания армии, скажем, до 3—4 миллионов потребуются не менее 450—600 тысяч коммунистов. А затем нужны будут еще регулярные и сверхурочные пополнения. Таким образом, даже при быстром росте нашей партии в ближайшие годы мы рискуем тем, что нам придется в случае мобилизации бросить в ряды армии 50—60% всех членов партии, что за вычетом тех, приблизительно, 15—20%, которые теперь в ней имеются, потребует «ограбления» партии на 40—45%.

Несомненно, что такой огромный процент своих сил партия без чрезвычайного и, быть-может, трудно поправимого ущерба в армию отдать не сможет. 20—25%, от одной пятой до четверти всех находящихся вне армии членов РКП,—вот максимум, на который можно рассчитывать, да и то с трудом.

Откуда же взять остальные «проценты»? Опыт гражданской войны дал уже нам ответ на этот вопрос: надо найти их внутри самой армии, надо «сделать» их в армии, в казарме.

Разберем, насколько осуществима эта задача. Опять-таки тот же опыт гражданской войны указывает, что задача эта осуществима. Во время войны мы «фабриковали» в массовых размерах коммунистов из крестьян,—коммунистов, правда, невысокого качества. Одно у них во всяком случае было: против помещика и генерала они хорошо сражались.

Теперь для революционной войны, понятно, задача массовой фабрикации коммунистов гораздо труднее, сложнее, но все же осуществима. За последнее время мне не раз приходилось и писать, и говорить на тему о том, как сделать крестьянина коммунистом, способным на революционную (оборонительную и наступательную) войну. Поэтому ограничимся здесь повторением лишь основных положений.

Для превращения крестьянина в коммуниста требуется, на мой взгляд, четыре основных условия.

Во-первых, воспитание крестьянина в духе интернационализма, в понимании прямой связи между судьбою его участка земли и судьбою мировой революции, в усвоении им на практике помощи со стороны западно-европейских рабочих во время гражданской войны и теперь (помощь голодным и борьба против новой интервенции), идей международной солидарности трудящихся классов в их общей борьбе против эксплоататорских классов.

Во-вторых, вытравление из крестьянина мелкохозяйственной психологии путем практического, наглядного (экскурсиями на заводы, в совхозы и пр.), а также и лекционного убеждения его в огромных преимуществах крупной промышленности над мелкой. Надо, коротко говоря, «раскрестьянить» крестьянина и «орабочить» его таким путем.

В-третьих, усиленное внушение крестьянину на опыте всех революций опасностей, которые несет завоеваниям революции крестьянская реставрация.

Наконец, в-четвертых, антирелигиозная пропаганда, которая вместе с привитием крестьянину крупно-производственной психологии должна освободить его от «идиотизма деревенской жизни».

Эти четыре условия, как-будто вполне достаточны, чтобы подготовить крестьянина-коммуниста к революционной войне.

В казарме, где будет собираться крестьянская молодежь, в течение двух лет оторванная от деревни, есть возможность, при существующем уже в армии политическом аппарате, широко поставить и широко выполнить задачу превращения крестьянина в коммуниста. Во всяком случае в настоящее время ее легче всего выполнить именно в казарме над восприимчивой крестьянской молодежью. Процентов до 20 «фабрикацию» коммунистов догнать можно, остальные 80 можно сделать в большей или меньшей степени «сочувствующими». Лет через 5—6 такой работы мы имели бы таким образом, даже в случае войны, армию, которая сама себя обеспечивает рядовыми коммунистами (5—6 младших возрастов, имеющих 15—20% коммунистов).

В виду всего изложенного, весьма практичным представляется некоторое усиление теперь же хорошими работниками политаппарата Красной армии, который был чрезмерно ослаблен во время демобилизации, с тем, чтобы он теперь же мог приступить «к массовой фабрикации» коммунистов и тем в близком будущем облегчил бы партии ее трудности в случае новой войны.

А затем, понятно, нужно быстрые и решительные меры к тому, чтобы улучшить положение красноармейцев и превратить казарму из сырой, холодной, темной, грязной руины в вполне оборудованную и благоустроенную военно-политическую школу. Иначе мы воспитаем в армии не коммунистов, а мелкобуржуазных анархических контр-революционеров.

Без серьезной и деловой помощи со стороны местных парторганизаций и советских органов эту задачу превращения казармы в военно-политическую школу и улучшения положения красноармейца выполнить невозможно.

А когда будут выполнены эти три дела—оборудование казармы, превращение ее в военно-политическую школу, улучшение положения красноармейцев в этой улучшенной казарме и усиление политаппарата Красной армии,—тогда армия начнет сама снабжать себя коммунистами.

На пятый год [1]).

Нередко приходится слышать, что красноармейская газета должна быть близка к красноармейцу. Это, конечно, верно, как верна всякая тавтология, т.-е. повторение в сказуемом того, что уже сказано в подлежащем. Красноармейская газета и есть газета, близкая к красноармейцу. И, наоборот, та газета, которая далека от красноармейца или даже совсем от него оторвана, не есть красноармейская газета.

Как ни верна эта истина, однако, она совершенно недостаточна, чтобы, во-первых, действительно превратить красноармейскую газету в такую, которая близка ему и понятна, а во-вторых, чтобы стремлением приблизить газету к красноармейцу не заслонить основной задачи всякой политпросветработы, а следовательно, и красноармейской газеты: не принижаться до уровня бессознательного красноармейца, а наоборот, подымать его до своего уровня.

Надо заметить, что между этими двумя задачами есть действительное противоречие. В стремлении приблизиться к красноармейцу можно дойти до забвения основных задач политпросветработы и вместо того, чтобы из красноармейца выкуривать, вытравливать мелкобуржуазный дух (главнейший враг) и делать его коммунистом,—вместо этого самому заразиться мелкобуржуазными взглядами. Примеры бывали и есть: уклонение от коммунизма и впадение в эсеровщину у нас, в классической стране мелкой буржуазии, не редкость.

И наоборот. В стремлении поднять красноармейца до своего уровня можно от него оторваться, забыв, что ему не так-то легко отрешиться от впитанных с молоком матери мелкобуржуазных предрассудков.

Разрешение этого противоречия, которое дает себя чувствовать на каждом шагу в политпросветработе, заключается в том, чтобы быть всегда на один шаг впереди красноармейца. Не более, но и не менее. Тогда не будет ни принижения, ни отрыва.

---

[1]) «Красноармейская Печать», 1922 г., № 3—4.

Это легко сказать, но нелегко сделать.

На трудной практике нужно нащупать конкретные формы применения этого хорошего правила для всех видов политпросветработы, в частности для красноармейской газеты.

Наши красноармейские газеты страдают скорее отрывом от красноармейца, чем чрезмерной близостью к нему. Они на два, на три и более шагов впереди красноармейца. Съезд редиздатов указал некоторые конкретные и реальные пути для сближения между газетой и красноармейцем. Это—печатание писем красноармейца, ответов на них, статей по поводу затрогиваемых в них важных и серьезных вопросов красноармейской жизни. Практика, вероятно, укажет еще другие способы установления тесной связи между газетой и красноармейцем.

Поэтому, пока нашим красноармейским газетам не угрожает серьезной опасности позабыть о главной своей задаче (превращение красноармейца-крестьянина в коммуниста) и превратиться в узкокрасноармейскую газету. Однако, на отдельных газетах следы этой опасности уже можно наблюдать.

В этом отношении характерны, напр., статьи о сельском хозяйстве в некоторых газетах. Эти статьи целиком приемлемы для кулака. Это, понятно, в духе новой экономической политики, ибо в деле возрождения нашего хозяйства мы временно идем в союзе с кулаком. Но вот именно указания на временность этого союза и нет. В чем могло бы выразиться это указание? В резком и усиленном подчеркивании преимуществ крупного производства в промышленности и в сельском хозяйстве, в выяснении значения электрификации, национализированной промышленности и пр. А иначе получается, что наши газеты сосредоточивают внимание красноармейца как-раз на том, от чего его надо освободить, «закрестьянивают» его вместо того, чтобы «раскрестьянивать».

О фактах красноармейской жизни нужно так писать, чтобы красноармейская газета читалась с интересом и рабочим, и крестьянином (а не только красноармейцем), чтобы учиться коммунизму по этой газете мог всякий (как, скажем, мы учились марксизму и по первобытной истории, и на статьях Плеханова об искусстве XVIII века, и на вопросе о русской народнической беллетристике и т. д.).

Ни в коем случае нельзя ударяться в узкий военный профессионализм. Красноармейская газета — это орган пропаганды коммунизма, а не мелко-собственнических, мелко-производственных вожделений красноармейца-крестьянина, против которых надо бороться. И это также не надо забывать.

Главный грех наших красноармейских газет все же заключается в абстрактности и особенно в эклектичности их коммунистической пропаганды.

Абстрактность пропаганды выражается более всего в том, что она не связывает фактов красноармейской жизни с основными вопросами нашей внутренней и международной политической и экономической жизни. Наши газеты гораздо больше говорят о Ллойд-Джордже, о Бриане и о Пилсудском для того, чтобы

доказать, что против нас готовится новая интервенция, чем, скажем о выпущенной савинковцами прокламации, которая была разбросана в данной дивизии. А нужно наоборот. Необходимо выхватывать из того, что красноармеец видит и переживает непосредственно, ряд фактов (они ему понятны), пристегивать к ним факты международного масштаба и на этом строить основные выводы по тому или иному вопросу.

Что касается эклектичности коммунистической пропаганды наших красноармейских газет, то она проявляется в стремлении охватить все и все осветить с коммунистической точки зрения. Это—серьезная ошибка. Нельзя объять необъятное. А коммунизм необъятен, ибо он охватывает все отрасли общественного бытия и общественного сознания. Газета превращается в коммунистическую энциклопедию. Тут вопросы и политики, и экономики, и сельского хозяйства, и техники, и истории, и литературы, и искусства, и пр., и пр. Нельзя так разбрасываться, нельзя сразу обременять красноармейца грудой новых и чуждых ему мыслей. Надо сосредоточиться над главным для данного периода, надо непрерывно «бить в одну точку», отбрасывая все неважное, все, что может потерпеть, подождать, что еще успеется.

Что сейчас самое главное, самое важное в политпросветработе в Красной армии? Об этом говорено уже не раз: это превращение красноармейца-крестьянина в коммуниста. Если принять в основу этой работы то, что я предлагаю (воспитание в духе интернационализма, освобождение красноармейца от мелкопроизводственных привычек и привитие ему крупно-производственных симпатий, воспитание его в антиреставрационных идеях и антирелигиозную пропаганду), то на этих положениях и нужно сконцентрировать всю газету. Это значит, что каждый факт красноармейской жизни нужно подводить под одно из этих положений. Если, предположим, красноармеец получил письмо, в котором отец сообщает ему, что им нанят постоянный рабочий, то вот случай поставить вопрос о возрождении капитализма в деревне, о стихийности этого процесса, о неминуемых последствиях его, в виде расслоения деревни и пролетаризации большинства крестьян, о мучительности этого процесса, о возможности через крупное национализированное производство притти к коммунизму, при чем частная собственность крестьянина безболезненно отомрет и т. д., и пр. Усиленно подчеркнуть, что за крестьянином сейчас выбор: пойти либо за капиталистом, либа за пролетариатом. Первый путь кажется легче, проще, понятнее, второй — представляется неясным, непонятным, а пожалуй, даже неосуществимым. Но это только так кажется, а на деле это не так.

Понятно все это не сразу, не в одной статье, постепенно.

И так изо дня в день, подбирая факты, долбить, долбить и долбить все одно и то же, одни и те же основные мысли, постоянно держа курс на них, на них сосредоточивая внимание, добиваясь того, чтобы они были восприняты с прочностью предрассудка.

Только при твердом курсе на основные идеи, проводимые нами по всей нашей политпросветработе в Красной армии, можно избегнуть эклектизма, разбрасывания, загромождения ненужными подробностями и уклона в сторону.

В газете нужна постоянная устойчивая ось. Только тогда она будет иметь направление. В противном случае будет она плавать «без руля и без ветрил», т.-е. без всякого направления.

Сконцентрированность и конкретность коммунистической пропаганды, ее близость одновременно и к коммунизму, и к красноармейцу,—вот что, мне кажется, поможет нашим красноармейским газетам избежать ошибок и стать на твердый путь.

Военная смычка с крестьянством.

(К 5-ти летнему юбилею Пура [1]).

Наибольшие трудности политическая работа Красной армии поставила перед нами не во время гражданской войны, а после ее окончания.

Во время гражданской войны содержание политической работы в Красной армии укладывалось в очень простую, краткую формулу: рабоче-крестьянский революционный союз обороняется против буржуазно-помещичьего контр-революционного наступления. Рабочий класс отстаивает захваченную им власть, а также национализированные средства производства, а крестьянство—полученную им землю и свободу.

Вот и все. Для постановки политработы в РККА требовался только аппарат широкого распространения и внедрения этой формулы в головы миллионов красноармейцев. Как ни проста, как ни ясна, как ни близка была этим миллионам задача отстоять свои революционные завоевания от наступающей контрреволюции, но для усвоения ее, как показал ход гражданской войны, рабочие и крестьяне нуждались в большом и разнообразном политическом опыте,—болезненном историческом опыте на своей собственной шкуре. Именно этим тяжелым и трудным путем массы, по преимуществу, усваивают уроки политической грамоты.

Что окончание гражданской войны коренным образом изменило содержание нашей политической работы в РККА (а отчасти и методы ее),—это обстоятельство было понято нами значительно позже.

И по ряду причин. Прежде всего потому, что мы долго не знали (и не могли знать), кончилась ли гражданская война, и не начнется ли она вновь в прежних формах и размерах. Ведь, только недавно, в связи с керзоновским ультиматумом, возможно было ожидать новой интервенции и связанной с нею гражданской войны. Ведь, только теперь, после признания СССР де-юре, мы можем

[1]) Помещено в сокращенном виде в «Известиях» 18 апреля 1924 г

считать, что, во-первых, на ближайший период СССР от интервенции обеспечена и, во-вторых, если нам в будущем навяжут войну, то очень много шансов за то, что она не будет сопровождаться гражданской войной в прежних ее, «помещичье-генеральских» формах.

Затем, демобилизационный и реорганизационный период после окончания войны, сложный процесс перехода с военного на мирное положение занял у нас непомерно много времени и отвлек все наши силы на политическую работу, посвященную не вопросам о будущих войнах, их характере и целях, а текущей серой действительности. Мы беседовали с красноармейцем о его демобилизации, о его работе в деревне, о голоде, о налогах, о мелких непорядках в его селе, о нехватке обмундирования, о неустроенности казармы и т. п. А о наших врагах говорили лишь тогда, когда те начинали «шебаршить». Да и независимо от содержания политработы неустановившиеся организационные формы РККА не давали возможности поставить ее на плановые рельсы.

Все попытки установить по окончании гражданской войны новое содержание политработы в РККА и придать ей планомерность, делавшиеся до сих пор, оказывались, в силу этих причин, преждевременными и неудачными. Напомню о наиболее крупной такой попытке, в период между весной 1921 г. и весной 1922 г. За это время состоялось совещание начпуокров, которое наметило в основных чертах содержание политработы в РККА—«орабочение» красноармейца - крестьянина путем воспитания его в интернациональном крупно-производственном и антирелигиозном духе,—а также совещание военных делегатов XI партсъезда, которое сосредоточило свое внимание на методах политработы в РККА. С тех пор, насколько мне известно, крупных попыток изменить принятые тогда решения не было, но не было также и крупных попыток провести их в жизнь. Годика два с лишним мы тут потеряли даром. И теперь мы стоим все в той же позиции, перед той же мудренейшей задачей. Каким образом вовлечь мелко-собственнического крестьянина в войну за коммунизм?

За коммунизм! Ибо всякая война СССР есть война за коммунизм, за пролетарскую диктатуру, за Советскую власть. Контрреволюционный помещик, насильственно отнимающий у крестьянина землю и запарывающий его раскаленными шомполами до смерти за то, что тот посмел взбунтоваться и посягнуть на священную помещичью собственность, исчезает не только из поля зрения крестьянина, но постепенно и с арены истории. Только обомшелые дикие помещики-крепостники еще лопочут что-то бессвязное о таком пути возвращения в старые дворянские гнезда. Милюковские же помещики ищут теперь гораздо более осторожного, более скрытого, более современного, нэповского, а потому более верного способа возвращения своей собственности (в виде выкупных платежей) и нового закабаления мужика.

Выходит, что крестьянин не только субъективно, но и объективно проделал свою крестьянскую революцию и отвоевал свою гражданскую войну, и что ему больше воевать как-будто бы не

к чему и не зачем. Ни на какой ляд ему война теперь не нужна. А перед пролетариатом как-раз, наоборот, стоит ряд революционных боев и войн как оборонительных, так, возможно, и наступательных за торжество коммунизма.

Как же, спрашивается, вовлечь крестьянина в войну за коммунизм? Как установить «военную смычку» между пролетариатом и крестьянством?

Вот основной вопрос всей политработы в РККА. Без правильного его разрешения невозможно правильно поставить дело политического воспитания красноармейца.

Вопрос, как видите, не из легких. Вопрос очень трудный. Но решается он не сам по себе (в этом случае он был бы просто неразрешим), а в зависимости от хозяйственной смычки между социалистическим производством города и мелко-собственническим производством в деревне. Осуществить коммунизм в крестьянской стране — исключительно трудная, но не невозможная задача. Как это сделать,—указал нам тов. Ленин (см. его брошюру «О кооперации»).

Все наши хозяйственные, политические и всякие иные трудности проистекают именно из этого противоречия: коммунизм в мелко-собственнической (крестьянской) стране.

Возьмите, например, вопрос о пролетарской военной науке в той постановке, которую ему дал Энгельс в своей работе 1852 г. От решения задачи преодолеть и превзойти буржуазную военную науку мы еще далеки. Для этого необходимо, чтобы наш социалистический способ производства превзошел, обогнал капиталистический. А эта последняя задача колоссально трудна. Однако, колоссальные трудности не ведут нас к пассивному признанию их, к робкому преклонению перед ними, а, наоборот, толкают нас на смелую и упорную работу для преодоления их.

Такое же отношение у нас должно быть и к вопросу о выработке пролетарской военной науки, т.-е. новых, более свободных форм движения (маневра) и новых, более высоких методов и способов ведения войны, которые зависят от двух основных причин: уровня развития производительных сил и количества и качества населения. В конечном счете решение этой задачи, выработки пролетарской военной науки, придет вместе с решением основной экономической проблемы. Когда мы добьемся коммунизма в крестьянской стране, тогда мы получим и фундамент для пролетарской военной науки в применении к крестьянской, по своему составу, армии. Не надо только успокаиваться на этом выводе, не надо складывать руки на пустой груди и говорить, как это делают некоторые товарищи: успеем, подождем, потерпим, не будем забегать вперед, сначала поставим себе задачу догнать буржуазную военную науку, ибо и здесь мы, в силу нашей некультурности, чрезвычайно отстали, а там посмотрим.

Что буржуазную военную науку мы должны догнать,—это святая истина. Перепрыгнуть эту ступень развития наших военных сил мы не можем. Но что мы до этой ступени дойдем совсем иным путем, чем это было в буржуазных странах,—это святая

истина. Как наш государственный капитализм принципиально отличается от буржуазного государственного капитализма (а государственный капитализм у нас есть та неизбежная «капиталистическая» ступень, которую мы должны пройти, чтобы добраться до коммунизма), так и наша «буржуазная» военная наука будет отличаться (и отличается уже и теперь, в силу крестьянского состава нашей армии, отсталости нашего производства, слабого развития дорожной сети, а также факта существования пролетарской диктатуры) от «буржуазной» военной науки буржуазии. И это отличие надо нащупывать теперь же, надо его ясно формулировать, чтобы вполне сознательно и планомерно претворять его в конкретные уставные формулы.

Между развитием нашей военной науки и политработой в РККА существует тесная связь и параллелизм, поскольку и та, и другая покоятся на одном и том же экономическом фундаменте. Только установление хозяйственной смычки с крестьянином даст базис для военной смычки, а следовательно, и для политработы в РККА, направленной на политическую подготовку ее к предстоящим революционным войнам за коммунизм. Пока этого базиса нет,—а он будет возникать постепенно,—не может быть и крупных успехов в этой области. Но было бы неслыханным доктринерством предлагать теперь обождать с такой политподготовкой, пока хозяйственный базис под военную смычку с крестьянством не будет подведен полностью. Политическая пропаганда опережает достижение экономических и политических целей. В противном случае она превратилась бы в политический хвостизм.

Пути нашего хозяйственного и политического развития очень сложны и запутаны. Весной 1921 года, мы, под гениальным руководством Ленина, впервые в истории революционных боев и гражданских войн сумели провести самую трудную, до сих пор никогда не удававшуюся операцию — стратегическое отступление в порядке от военного коммунизма к нэп'у. Кронштадтский термидор не удался. Но объективно заложенные в нашей классовой структуре, в 140-миллионном мелко-собственническом крестьянстве, управляемом несколькими миллионами пролетариев, термидорские, бонапартистские, реставрационные тенденции не исчезли и не могут исчезнуть. Тысячами мелких и мельчайших струек они просачиваются и в нашу партию, и в наши гос. и хоз. органы, и в нашу армию. И время-от-времени нам приходится приниматься за отвоевание назад захваченных мелкобуржуазным влиянием участков. В нашей партии мы это проделываем уже второй раз посредством чистки (и будем, вероятно, проделывать еще не раз). Такую же работу чистки мы должны проводить и в наших гос. и хоз. органах. В отношении к Красной армии, если не считать партийную чистку, эта работа выражается в том, что мы не допускаем в ее ряды кулацких элементов (а ежели таковые случайно в нее проникают, то изгоняем), а также в том, что мы избавляемся от тех старых спецовских элементов, которые тянут назад, к старым, опрокинутым

историей методам строительства вооруженных сил. Дальше этого нам в Красной армии итти некуда, несмотря на то, что именно она наиболее уязвимое с этой стороны место, ибо на $^{9}/_{10}$ это—крестьянская армия (а в партии у нас крестьян вместе с «прочими» было до ленинского призыва только 60 процентов).

Поэтому, пока хозяйственная смычка не переродит крестьянства (происходящая теперь в деревне диференциация обнаружит свои политические результаты еще не так скоро) и не сделает его верным сторонником коммунизма, что и явится прочнейшей базой военной смычки, чистка РККА от всяких термидорских и реставрационных тенденций среди красноармейцев будет заключаться в политработе. Задача этой политработы—подготовка почвы для военной смычки, т.-е. прежде всего расчистка этой почвы от реставрационных плевел.

Мы подошли к концу демобилизованного и реорганизованного периода жизни РККА только в последнюю пару месяцев. И только теперь вопрос о политработе в РККА ставится в новых условиях,—условиях подготовки к революционным войнам за коммунизм,—впервые во всем его историческом масштабе. Это не значит, что прежние формулы (превращение казармы в школу коммунизма, воспитание красноармейца в интернациональном, крупнопроизводственном и антирелигиозном духе) неверны. Но они подлежат и расширению, и углублению, и осложнению, и конкретизации, и, прежде всего, проверке опытом. Задача эта чрезвычайно, исключительно трудна. Но ее не обойдешь, не минуешь, от нее не увернешься и не отвертишься.

А потом надо ставить ее целиком и прямиком и смело приступать к ее решению.

Наши разногласия в военном деле.

Вопросы строительства Красной армии вновь ставятся в порядок дня.

Двухлетний опыт проведения милиционной системы, переход к регулярному комплектованию с двухлетним сроком службы, начатая весной этого года широкая реорганизация Красной армии,—все это знаменует начало нового этапа в развитии вооруженных сил Союза ССР.

Но гораздо глубже и значительнее те изменения в составе Красной армии, которые отражают происшедшие за три года нэп'а изменения классов, их общественных отношений, их настроений и идеологии. С роспуском прошлых годов и с призывом контингента 1902 года Красная армия окрестьянилась.

Но и крестьянин, пришедший теперь в Красную армию, не тот, что прежде: трехлетней школы гражданской войны он не прошел, а прошел трехлетнюю школу нэп'а.

Нэп—двухсторонний процесс, одновременное противоречивое развитие социализма в городе, капитализма в деревне. Хозяйственные успехи городского социализма больше, чем рост деревенского капитализма. Но идеологические успехи кулака среди крестьян больше, чем успехи пролетария. Союз рабочих и крестьян в эпоху гражданской войны вовсе не означал усвоения крестьянством пролетарской идеологии. Кронштадтское восстание и повальное бегство из партии красноармейцев-крестьян в 1921 году показали, что союз рабочих и крестьян в гражданской войне скреплялся общностью врагов, а не общностью идеологии. Идеология у крестьянина оставалась старая, направленная в сторону кулака, который персонально выражает капиталистическую тенденцию развития крестьянского частно-собственнического хозяйства. Вот почему идеологические успехи кулака превышают, обгоняют его хозяйственные успехи. Идеологическое влияние кулака в крестьянстве больше, чем это ему «полагается» по его экономической силе.

И контингент 1902 года, пришедший в этом году в Красную армию, не мог не отразить сдвигов и изменений, происшедших не

только в крестьянском хозяйстве, но и в крестьянской идеологии.

Красная армия периода гражданской войны перестала существовать. На ее месте возникает Красная армия периода нэп'а. Такие глубокие изменения требуют пересмотра оставшегося нам от периода гражданской войны наследия. Вопросы, не имевшие в этот период политического значения, теперь таковое приобретают. Вопросы, бывшие третьестепенными, получают теперь первостепенное значение. Старые вопросы приходится по-новому ставить и по-новому решать.

Пересмотр наследия прошлого совпадает с попыткой учета опыта гражданской войны в целях дать пролетариату тех стран, где диктатура буржуазии еще не свергнута, возможность использовать его. Таким образом, с разных сторон и с неодинаковыми задачами начинается «переоценка ценностей».

1. МАРКСИЗМ И ВОЕННАЯ НАУКА.

(Политика и техника).

Вопрос об отношении марксизма к военной науке, к военному искусству, к военному делу, к военной истории возник вскоре после окончания гражданской войны. У красных командиров, переживших огромный опыт трехлетней гражданской войны, появилась сильнейшая потребность теоретически осмыслить этот опыт, не укладывавшийся в рамки той военной науки, которая была унаследована от царизма. С величайшей энергией они набросились на изучение марксизма и диалектики. В этом, несомненно здоровом течении были с их стороны некоторые перегибы: новички в марксизме, они еще нетвердо ходили на «марксистских ногах» и делали ошибки в применении марксистского метода к военным вопросам.

Увлечение марксизмом вызвало в военных кругах обратную реакцию против марксизма, началась борьба по вопросу о применимости марксизма к военной науке и к военному делу, при чем в общем сложилось такое деление: за марксизм—молодежь из краскомов, против марксизма—старые военспецы.

Против применения марксизма к военному делу выступил и т. Троцкий. (Подробно об этом рассказал т. Тухачевский на стр. «Красной Звезды», № 185, от 17 сентября 1924 г.).

На совещании военных делегатов XI съезда РКП, которое происходило 1-го апреля 1922 года, тов. Троцкий вопрос о марксизме ставил так: «Разве уставы наши создавались марксистскими методами? В первый раз об этом слышу. Уставы резюмируют военный опыт. Но как же их свести воедино марксистским методом? Это—метод исторической, общественной науки... Военной «науки» нет и не было. Есть целый ряд наук, на которые опирается военное дело. Война не есть наука,—война есть практическое искусство, уменье. Война есть «ремесло» для тех, которые правильно изучают военное дело. Превратиться в науку война

не может по самой своей природе, как не может стать наукой архитектура, коммерция, ветеринарное дело и пр. То, что называют теорией войны или военной наукой, не есть совокупность законов, объясняющих объективные явления, а есть совокупность практических приемов, способов приспособления, сноровок, отвечающих определенной задаче—разбить врага... Каким образом можно приемы военного ремесла строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник [1]). Историю войны, как и историю архитектуры, можно написать с марксистской точки зрения, ибо история есть наука. Но иное дело так-называемая теория войны, т.-е. практическое руководство. При помощи марксистского метода можно облегчить себе в высокой мере общественно-политическую и международную ориентировку... Но при помощи марксизма нельзя построить полевой устав».

Вопрос поставлен тов. Троцким с полной ясностью и определенностью. Марксизм—для политики («для общественно-политической и международной ориентировки»), но не для военного дела, не для военного опыта, не для полевого устава. Военной науки нет, а потому к «теории войны, т.-е. практическому руководству» марксизм отношения не имеет. К истории же войн доступ марксизму не воспрещается.

Между марксизмом и военной наукой, военным искусством, военным делом, военным опытом у тов. Троцкого—глубокая метафизическая пропасть. Что война, как общественное явление, как часть или сторона общественной жизни, марксизму «подведомственна»,—об этом тов. Троцкий как бы совершенно забывает. К прошлому «военному опыту» (история войн) он марксизм еще допустить готов, но к современному—ни в коем случае.

Тов. Троцкий неоднократно возвращался к вопросу об отношении марксизма к военному делу. Так, в предисловии к сборнику статей Энгельса о войне 1870—1871 гг. он писал:

«Беспощадно изгоняя из своего анализа всякие абстракции, рассматривая войну, как материальную цепь операций, анализируя каждую операцию с точки зрения наличных сил, средств и их применения, великий революционер поступает, как... военный специалист, т.-е. как человек, который, уже в силу своего призвания или своей профессии, исходит из внутренних факторов военного дела. Недаром же статьи Энгельса приписывали тогдашним военным знаменитостям, вследствие чего и за самим Энгельсом укрепилось в близком кругу прозвище «генерала». Да, он подходил к военным вопросам, как «генерал», может-быть, и со значительными пробелами в отдельных военных областях, и без необходимого военного стажа, но зато наделенный такою головою, какую можно найти на плечах не у всякого генерала».

Энгельс подходил к военному делу, как военный специалист,—подчеркивает тов. Троцкий.—Военный же специалист исхо-

---

[1]) Может ли марксизм научить плести лапти?—спрашивает тов. Троцкий на заседании ВНО 8-го мая 1922 г.

дит из «внутренних факторов военного дела». Марксизму там нечего делать.

«Но где же, в таком случае, марксизм? — ставит вопрос и сам тов. Троцкий.—Можно сказать, что в этом-то он как-раз—до известной степени—и состоит».

В чем это «в этом»? В отсутствии марксизма? Марксизм состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма?

«Одна из основных философских марксистских предпосылок,—продолжает тов. Троцкий,—гласит, что истина всегда конкретна. Это значит, что нельзя военное дело и его вопросы растворять в социальных и политических категориях. Военное дело есть военное дело, и марксист, который хочет о нем судить, должен помнить, что и военная истина конкретна. Вот этому и учит книга Энгельса в первую голову. Но не только этому».

Что военная истина конкретна,—это бесспорно. Но, ведь, и политическая истина конкретна. А между тем, несмотря на то, что политическая истина конкретна, или, вернее, именно потому, что политическая истина конкретна, марксизм к ней и применим. Никто не скажет, что вследствие конкретности политической истины марксизм по отношению к ней состоит «до известной степени» в отсутствии марксизма. Конкретность военной истины никак не может служить препятствием для применения к ней марксизма.

«Если нельзя,—продолжает тов. Троцкий,—военные вопросы растворять в общих политических вопросах, то столь же недопустимо отрывать первые от вторых».

Дважды тов. Троцкий повторяет, что «нельзя военное дело и его вопросы» (второй раз сказано «военные вопросы») «растворять в социальных и политических категориях» (второй раз сказано: «в общих политических вопросах»). О каких «военных вопросах» или «вопросах военного дела» идет речь у тов. Троцкого? О военно-социальных или военно-технических? Повидимому, о военно-технических. Ибо странно, очень странно звучало бы утверждение, что военно-социальные вопросы, которые потому и называются социальными, что составляют часть социальных вопросов, нельзя «растворять в социальных и политических категориях».

Итак, военно-технические вопросы нельзя растворять в общих политических вопросах. Но «столь же недопустимо,—по мнению тов. Троцкого,—отрывать первые (военно-технические) от вторых (общих политических)».

«Война,—продолжает тов. Троцкий,—как мы выше уже напоминали, есть продолжение политики особыми средствами. Эту глубоко-диалектическую мысль формулировал «спец» Клаузевиц. Война есть продолжение политики: кто хочет понять «продолжение», тот должен уяснить себе, что ему предшествует. Но продолжение «другими средствами»: значит, недостаточно быть ориентированным в политике, чтобы тем самым уже правильно оценивать «другие средства войны».

Это только переложение другими словами тезиса о том, что марксизм не может научить плести лапти.

«Величайшее, ни с чем несравнимое преимущество Энгельса,—

продолжает тов. Троцкий,—состояло в том, что, понимая глубоко самостоятельный характер военного дела (курсив мой)—с его внутренними техникой, структурой, методами, традициями и предрассудками,—он был в то же время величайшим знатоком той политики, которой военное дело, в последнем счете, подчинено».

Между марксизмом и военным делом у тов. Троцкого та же метафизическая пропасть, что и раньше. Для изучения военного дела не надо быть марксистом, для этого достаточно быть военным специалистом. Военное дело есть военное дело, военное дело имеет «глубоко самостоятельный характер», и т. д.

Но на этот раз тов. Троцкий чувствует, что тут что-то не ладно, и потому торопится перебросить диалектический мостик через метафизическую пропасть. Недопустимо,—заявляет он,—отрывать военные (т.-е., как мы видели уже, военно-технические) вопросы от политических, ибо война, ведь, есть продолжение политики.

Конечно, недопустимо. Но на голой декларации о недопустимости отрыва далеко не уедешь. Одной фразой о недопустимости отрыва из противоречия, в которое попал тов. Троцкий, не выпутаешься. У тов. Троцкого с одной стороны—«глубоко-самостоятельный характер военного дела» (очевидно, военно-технического дела, ибо о глубоко самостоятельном и независимом от марксизма характере военно-социального «дела» не может быть и речи), а с другой—«недопустимо отрывать» военно-технические вопросы от общих политических.

Как же выпутаться из этого противоречия? Да очень просто: отказаться от метафизического деления «вопросов» на две самостоятельные части,—политические вопросы и военные. Тов. Троцкий повторяет формулу Клаузевица: «война есть продолжение политики», но диалектического значения ее не усваивает. Если война есть продолжение политики, но другими средствами, то, значит, война есть политика, но проводимая другими средствами, «военное дело» есть продолжение «политического дела». Поэтому, с точки зрения марксистской диалектики, нет и не может быть раз навсегда данного, навеки застывшего, строго разграниченного деления «вопросов» на две группы,—политических и военных: каждый военный вопрос (в том числе и военно-технический) может, при известных условиях, стать политическим, и, наоборот, каждый политический вопрос может, при известных условиях, потребовать своего решения военными методами. Только при таком диалектическом подходе к делу устраняется противоречие между положением, что война есть продолжение политики, и принятым на практике и для практики условным подразделением вопросов на политические и военные.

В ноябре 1924 г. («Правда», № 250) тов. Троцкий снова возвращается к этому же вопросу, об отношении марксизма к военному делу, в предисловии ко 2-й части III тома «Как вооружалась революция». Вот что он пишет на этот раз:

«Наше время характеризуется прежде всего неустойчивостью социальных отношений, резкими политическими поворотами и по-

трясениями. Военное дело сочетается с политикой теснее и непосредственнее всего через гражданскую войну, которая нашей эпохой во всех странах мира поставлена в порядок дня. Серьезный военачальник нашего времени не может не быть политиком. Военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в этом смысле—самостоятельность; более того: оно чрезвычайно усложняется в связи с ростом многообразия и силы действия орудий современной военной техники и, следовательно, требует повышенного чисто-военного знания и умения. А в то же время в войнах будущего военное дело будет более тесно и непосредственно, чем когда бы то ни было, сочетаться с революционной (или контр-революционной), политикой (восстания, фашизм и пр., и пр.). Поэтому в воспитании нашего красного военачальника развитие способности к синтетической оценке сотрудничества и взаимодействия всех родов современного оружия должно итти рука-об-руку с усвоением правильной общественно-политической ориентировки, которая дается методом марксизма и проникает собой все предпосылки чисто-военного знания».

Все то же: с одной стороны, «военное искусство сохраняет всю свою специфичность и—в этом смысле (очевидно, в специфически-военном, техническом. С. Г.)—самостоятельность», а с другой — «общественно-политическая ориентировка, которая дается марксизмом».

Не помогает делу и диалектический мостик, в виде брошенной в конце предисловия фразы о том, что «общественно-политическая ориентировка», «которая дается методом марксизма», «проникает собой предпосылки чисто-военного знания». Это—одна из тех благоприличных и пустопорожних фраз, которые обычно выставляются в конце письма: остаюсь с совершенным уважением и почтением.

Остаюсь с совершенным уважением и почтением к марксизму,—вот единственный смысл этой фразы о «предпосылках чисто-военной науки». В противном случае, если она и этого смысла лишена, то она вообще никакого смысла не имеет. В самом деле, что такое чисто-военное знание? Скажем, фортификация, артиллерия—чисто-военные знания или нет? Что же, их «предпосылки»—математика, баллистика, механика, сопротивление материалов—проникнуты основанной на марксизме общественно-политической ориентировкой? Вздор. Или, может-быть, речь идет о тактике? Предположим. Но и в этом случае получается не лучше. Каковы «предпосылки» тактики? Вот, что говорит на этот счет Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Вся организация и боевой метод (тактика. С. Г.) армии оказываются зависящими от материальных, т.-е. экономических условий, от человеческого материала и от оружия, следовательно, от качества и количества населения и от техники». «Предпосылки» тактики—качество и количество населения и техника. Теперь подумайте, что получается из формулы тов. Троцкого: основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой количество и качество населения и технику.

Хотел тов. Троцкий сказать что-то марксистское, а получилось у него, что основанная на марксизме общественно-политическая ориентировка проникает собой предпосылки... плетения лаптей. Безвыходная путаница.

Война ведется людьми, война составляет часть общественных явлений, часть жизни классового общества. Война ведется армиями, представляющими «военный слепок» с существующего строя общества. Уже этого достаточно, чтобы видеть, какое широчайшее применение имеет марксизм к вопросам войны. Нет ни единого вопроса, касающегося научной оценки социальной стороны войны, к которому марксизм не приходил бы с таким же правом, как к любому вопросу жизни общества. Марксизм дает ключ к пониманию общественной жизни, а следовательно, и той части жизни общества, которая называется войной.

«Но не об этом идет речь у тов. Троцкого,—раздаются нетерпеливые голоса.—Этой роли марксизма тов. Троцкий не отрицает. Он говорит об отношении марксизма к чисто-военным вопросам, к военной технике».

Возможно, что применения марксизма к военно-социальным вопросам тов. Троцкий и не отрицает, хотя, странным образом, об этой важнейшей задаче совершенно умалчивает.

Что же касается чисто-военных вопросов,—можно ли при помощи марксизма составить ветеринарный учебник, может ли марксизм научить плести лапти и можно ли при помощи марксизма построить полевой устав,—то самая постановка таких вопросов показывает, что автор их безнадежно запутался в тех самых силках софистики, схоластики, доктринерства и метафизики, которые сам же поставил против других.

При известных условиях каждый технический вопрос может стать предметом теоретической и политической оценки с точки зрения марксизма и классовых интересов пролетариата. Это бывает тогда, когда тот или иной «чисто»-технический вопрос становится предметом теоретических и политических споров, теоретической и политической борьбы, борьбы партий, групп, фракций и т. п.

Попытаемся на нескольких примерах выяснить это.

Года три назад в «Военном Вестнике» велась длинная и бесплодная дискуссия о стрелковых доктринах. Спорящие разбились на две главные группы: «индивидуалисты» — сторонники индивидуального обучения с целью выработки из красноармейцев максимального числа превосходных стрелков, «артистов-стрелков», способных к индивидуальной стрельбе, и «коллективисты», высказывавшиеся против индивидуальной обработки стрелка и за обучение приемам коллективной стрельбы под руководством артистического огневого руководителя из комсостава. Обе стороны приводили солидные технические аргументы, но у обеих сторон была общая социальная предпосылка о каком-то абстрактном солдате, живущем вне времени и пространства. («Коллективисты» пытались подвести под свою доктрину «социальную» базу посредством ссылки на то, что коллективизм-де сродни

коммунизму и прочее, но такой «социальный» подход ничего, кроме смеха, вызвать не может).

Обе стороны, и «индивидуалисты», и «коллективисты», делают одну и ту же идеалистическую ошибку, апеллируя к абстрактному солдату,—ошибку, которая осуждает все их дальнейшие споры на бесплодие. Это—очень часто встречающаяся в военном деле ошибка.

Тов. Троцкий также не чужд этой идеалистической ошибке. В брошюре «Единая военная доктрина и мнимо-военное доктринерство» (стр. 8—9) тов. Троцкий, правильно возражая против утверждения, что законы войны вечны, писал: «Субъектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах, всех времен и народов были некоторые общие относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, форма государственной власти)».

Это — типичнейшая электическая теория, соединение марксизма с вульгарной, не раз уже марксизмом разоблаченной, идеалистической теорией, объясняющей общественные явления анатомическими и психическими чертами человека. К тому же и эклектика-то эта весьма трусливого свойства: «относительно устойчивые черты», которые оказываются общими для всех войн всех времен и народов, именно и суть абсолютные черты, которые тов. Троцким трусливо названы относительными. Эти относительно (т.-е. абсолютно) устойчивые черты выводятся тов. Троцким из «известных (т.-е. неизвестных марксизму неизвестных) устойчивых (очевидно, относительно, т.-е. для всех времен и для всех народов, т.-е. абсолютно) анатомических и психических черт и вытекающих из них приемов и навыков». На основе относительно-абсолютных черт, общих войнам всех времен и всех народов, у тов. Троцкого «развивается историческое военное искусство». Вечные законы войны, изгнанные тов. Троцким через марксистскую дверь, благополучно возвращаются через идеалистическое окно. После всего этого для марксизма тут уже не остается места. И дальнейшая марксистская привеска относительно общественных условий, определяющих изменение методов и приемов военного искусства, играет роль лишь трусливого фигового листка, который должен прикрыть наготу всего этого идеалистического рассуждения.

Вернемся к стрелковым доктринам.

Этот технический спор не может быть разрешен без ответа на вопрос, куда, в каком направлении развиваются вооруженные силы СССР, а так как армия есть военный слепок с существующего строя, то, следовательно, на вопрос, куда, в каком направлении этот строй развивается. И здесь без марксизма не обойтись.

В каком же направлении развиваются вооруженные силы СССР?

Мы наметили путь развития наших вооруженных сил к милиционной системе. Каковы будут последствия милиционной системы, когда она разовьется настолько широко, что количество начнет переходить в качество? На этот счет у нас тоже есть определенный взгляд, не только теоретически обоснованный Энгельсом (солдат, который «умеет сам себе помочь», самодеятельный боец), но и практически проверенный, правда, на очень скудном опыте гражданской войны, показавшей нам первые зачаточные элементы самодеятельности красногвардейца и красноармейца, отмеченные даже нашими врагами. Если развитие наших вооруженных сил действительно пойдет таким путем—к самодеятельному солдату, то, ясно, что в споре между «индивидуалистами» и «коллективистами» по вопросу о стрелковых доктринах мы выскажемся за первых, так как развитие самодеятельности будущего бойца пролетарской армии даст возможность и сделает необходимым выработку из него артиста-стрелка.

Но все это—музыка будущего. А для настоящего периода развития наших вооруженных сил этот вопрос должен быть разрешен в пользу «коллективистов», ибо квалифицированный боец, умеющий сам себе помочь, еще не народился, а имеется налицо боец неквалифицированный, который без начальства ничего почти не умеет делать, не умеет в бою правильно выбирать стрелковые цели, устанавливать прицел и т. д., а потому постоянно нуждается в указке. При этом, понятно, сам указчик, огневой руководитель, должен быть мастером своего дела.

Вот пример того, как марксизм должен подходить к разрешению технического вопроса.

Возьмем другой пример. Сейчас в большой моде так-наз. «групповая» тактика. Отделения разбиваются на мелкие группы (8—12 человек), каждая группа имеет легкое ружье-пулемет и получает значительную свободу действий. От группы требуется большая самодеятельность. Не представляет ли такая тактическая самодеятельность группы известную политическую опасность, особенно когда война будет вестись против революционной социалистической страны? Не будут ли группы, пользуясь своей независимостью, перебегать на сторону революционных войск? И не придется ли в таком случае от групповой тактики отказаться или изменить ее?

Не есть ли это политическая оценка тактического (т.-е .военно-технического) вопроса?

Еще пример из того самого тома, который, по мнению тов. Троцкого, Энгельс писал в военспецовском мундире.

Энгельс разбирает прусскую систему отбывания воинской повинности.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов,—вот каким образом,—пишет Энгельс,—Наполеон любил объяснять выигранные и проигранные битвы. Пруссия поступила по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами»,

Когда в 1807 году Наполеон запретил ей иметь армию числом более 40.000 человек, она стала демобилизовать своих рекрутов после шестимесячного обучения и производить свежий набор, и в 1813 г. она была в состоянии дать полевую армию в 250.000 человек, в то время, как все ее население достигало четырех с половиной миллионов. Впоследствии этот же принцип краткосрочной действительной службы и долговременного пребывания в запасе был разработан полнее и, помимо этого, приведен в гармонию с необходимостью иметь абсолютную монархию. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы обучить военному делу, но и для того, чтобы приучить к безусловному повиновению. Вот в чем слабое место прусской системы. Она должна примирить две различных и, в конце-концов, несовместимых цели. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждый физически здоровый человек был солдатом, на то, чтобы иметь постоянную армию, единственная цель которой стать школой, в которой граждане обучаются употреблению оружия, школой, являющейся ядром, вокруг которого они сосредоточиваются во время атаки извне. Эта система кажется чисто-оборонительной. Но, с другой стороны, та же армия представляет собой вооруженную опору, главную поддержку квази-абсолютного правительства; для этой цели школа военного искусства для граждан должна быть изменена в школу абсолютного подчинения начальникам, в школу роялистских чувств. Этого можно достичь только посредством длительной службы. Вот тут несовместимость становится очевидной. Оборонительная иностранная политика требует обучения большого числа людей в течение небольшого периода времени, так, чтобы иметь большое число солдат в запасе на случай нападения извне; внутренняя же политика требует обучения ограниченного числа людей в течение более длительного периода времени, так, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Квази-абсолютная монархия избрала промежуточный путь. Она оставляла людей целые три года на действительной службе и ограничивала число рекрутов согласно своим финансовым средствам. На самом деле не существовало всеобщей воинской повинности, она была заменена принудительным набором, единственным отличием которого от набора других стран является его большая суровость. Он стоит больше денег, требует большее число людей и оставляет их в запасе армии на более долгий срок, чем это делают в других государствах. И в то же время то, что первоначально было народом, вооруженным для самозащиты, превращается теперь в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правительства».

Как видите, Энгельс здесь вопрос «технический» (о сроках службы) по-марксистски связывает с внутренней и внешней политикой.

Можно подойти к этому вопросу и технически (что Энгельс дальше и делает): обсудить преимущества длинных и коротких сроков службы и пребывания в резерве для боевой подготовки

солдата, разобрать методы обучения при длинных и коротких сроках службы, и т. д. Но все это допустимо лишь на основе предварительной политической оценки. Марксизм иначе не может действовать, он в первую очередь должен рассмотреть вопрос со стороны политической, ибо «война есть продолжение политики».

Могут сказать, что при технической оценке и разработке вопроса марксизм неуместен. Ну, конечно, неуместен. Ветеринарии и плетению лаптей марксизм обучать не может. Но из этого вовсе не вытекает, что можно все вопросы разделить на две категории, как это делает тов. Троцкий: одни—по марксистскому «ведомству», другие—по военному. Наоборот, один и тот же вопрос оценивается и с марксистской (теоретической), и с политической (практической), и с военспецовской (технической) стороны. При этом на практике сплошь и рядом происходит смешение этих оценок, а частенько случается, что техническая оценка (спецовская) становится в противоречие с политической (классовой).

Связь между политикой и техникой, влияние техники на политику и политику на технику—это марксистская азбука. «Введение огнестрельного оружия, —говорит Энгельс в «Анти-Дюринге»,—повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господствующих и угнетенных классов». Техника изменила политику.

Но и обратно, политика «изменяет» технику. Империалистская политика создала свое специфическое военное орудие против колоний в виде бронированных крейсеров и сверхдредноутов, а теперь спешно строит воздушные дредноуты. Сверхдредноут и цеппелин (техника) так же отражают определенные общественные отношения (отношения между угнетающими и угнетенными нациями), как тяжелые рыцарские латы—средневековый строй.

Возьмем еще один, последний пример из Энгельса.

Вот, что писал Энгельс по поводу русской армии в 1852 г.:

«Русские по самой природе их армии приспособлены к военной системе, которая близко подходит к современной. Их армия состоит, главным образом, из массивной полуварварской, тяжелой на подъем пехоты и многочисленной легкой, также полуварварской, нерегулярной кавалерии. Русские в решительных случаях в больших сражениях никогда не применяли другой тактики, кроме массовой. Суворов понимал это еще при штурме Измаила и Очакова. Подвижность не является характерным признаком русской армии, но отсутствие ее возмещается обилием нерегулярной кавалерии, которая окружает армию со всех сторон и маскирует ее движения. Именно эта тяжелая массивность русской армии делает ее великолепно приспособленной к тому, чтобы быть ядром и спинным хребтом коалиционной армии, которая всегда отличается большей неповоротливостью, чем национальные армии. Эту роль русские великолепно выполняли в 1813—1814 гг., и в кампании указанных лет не было ни одного плана сражения, в котором бы на долю глубоких и густых русских колонн не

отводилось решающего значения». (Перспективы войны Франции против Священного Союза»).

Итак, тактику русской армии Энгельс объяснял полуварварским характером русской пехоты и русской кавалерии, который, в свою очередь, зависел от крепостного строя и от крепостной крестьянской общины. Выходит, что марксизм, который дает ключ к пониманию общественных явлений, дает вместе с тем ключ и к пониманию тактики (т.-е. полевого устава). И не только к пониманию прошлых уставов, как, повидимому, склонен думать тов. Троцкий, считающий, что историю военного искусства (т.-е. историю стратегических и тактических приемов ведения войны) можно написать при помощи марксизма, но и к современным уставам.

Вот если бы, пользуясь методом Энгельса, рассмотреть изменения, происшедшие в русском крестьянстве после освобождения от крепостничества, и влияние этих изменений на тактику русской армии, если бы изучить влияние тех изменений, которые сейчас происходят в крестьянстве, на тактику пехоты и кавалерии (одновременно, понятно, принимая во внимание изменения, происшедшие в вооружении армии), то такое изучение, при котором без марксизма шагу нельзя было бы сделать, могло бы дать указания, куда развивается наша тактика и в какую сторону нам следует уставы менять. (Добавим, что в данный переходный период жизни Красной армии эта задача представляет чрезвычайные, почти непреодолимые трудности. Позже, когда на почве хозяйственной смычки вырастет смычка военная, задача будет гораздо проще).

Не напрасно ли тов. Троцкий похвалялся, что он впервые слышит о том, что уставы можно составлять при помощи марксистских методов? Посмотрим, удастся ли ему обойтись без марксистских методов при составлении устава гражданской войны?

Иногда тов. Троцкий бродит вокруг правильной марксистской постановки вопроса, но ухватить ее по своей метафизической природе никак не может. Так, в брошюре «Вопросы гражданской войны» он пишет: «Нельзя мерить политику военным аршином, но и военное дело нельзя мерить одним лишь политическим аршином». Как известно, когда двое говорят одно и то же, то это не одно и то же. Посмотрите, как расшифровывает эту полумарксистскую формулу тов. Троцкий, иллюстрируя ее примером времени. «В подготовительный (к вооруженному восстанию) период,—пишет он,—мы измеряем время политическим аршином, т.-е. годами, месяцами, неделями. В период вооруженного восстания мы измеряем время часами и днями».

Пример не соответствует общей формуле. Из примера вытекает такая формула: для политики один аршин времени, для восстания—другой. То же отделение политики и военного дела, что и раньше. От такой сбивчивой формулы до марксистского аршина еще очень далеко.

Вопрос об отношении между наукой и искусством поставлен тов. Троцким также метафизически.

Возьмите пример с архитектурой, на который пытается опереться тов. Троцкий. Постройка сводов и мостов в течение многих столетий была искусством, т.-е. производилась по выведенным из опыта приблизительным правилам, при чем мастера, искусники, которые эти правила подметили, и сами не могли определить, почему свод должен иметь такую-то кривизну, а не иную. Так продолжалось до появления высшей математики, которая дала точные формулы кривых сводов и мостов и сделала возможным, в связи с развитием механики, производить математически точный расчет давления на единицу площади. С этого момента постройка мостов и сводов чрезвычайно упростилась, перестала быть искусством, стала наукой. Современный инженер берет справочную книжку Хютте и находит в ней все научные формулы, необходимые для его расчетов. Более того: развитие математики дало возможность вычислять такие кривые, которые прежним искусникам были совершенно недоступны. Таким образом создана была база для нового искусства.

Возьмем еще пример, более близкий к военному делу,—стрелковое искусство. До изобретения прицельной рамки, которое стало возможным лишь благодаря развитию баллистики, изучившей полет пули, стрелковое искусство было труднее, чем теперь. Прицельная рамка дает возможность механически устанавливать прицел на различные расстояния, вследствие чего искусство стрельбы упростилось, стрельба механизировалась, стала более «научной». Но осталось еще достаточное количество элементов, которые не могут быть полностью учтены наукой и требуют от стрелка известных навыков, т.-е. известного искусства.

Между наукой и искусством нет той метафизической границы, которую пытается установить тов. Троцкий. Наука развивается за счет искусства, искусство основывается на завоеваниях науки и этот процесс бесконечен.

Не наука, а искусство,—так может говорить только метафизик. Наука есть «продолжение» искусства, в свою очередь, искусство становится «продолжением» науки. Всякое искусство более или менее «научно», всякая наука не настолько «научна», чтобы обойтись без дополнения искусством. То, что в «рассмотрении» является законом, в действии становится правилом. Что в науке закон, то в искусстве—правило.

Разрыв между наукой и искусством—это разрыв между прошлым и настоящим, между теорией и практикой. Такой разрыв противен духу марксизма.

Вопрос об отношении между марксизмом и военной наукой не был бы исчерпан, если бы мы не разобрали позиции тов. Троцкого по этому вопросу, на которой он стоял в 1919 г.

В журнале «Военное Дело» (23 февраля 1919 г.) была помещена речь тов. Троцкого на совещании редакторов и сотрудников военных изданий по вопросу о том, какой журнал нужен Красной армии. Речь эта—лучшее из всего, что входит в четыре вышедших книги «Как вооружалась революция». Она представляет блестящую «распеканцию», направленную против «господ педан-

тов от военной псевдонауки». (По части «распеканций» тов. Троцкий—непревзойденный мастер). Начинается она таким заявлением: «К военной науке, поскольку она заслуживает этого имени, т.-е. поскольку она обобщает накопленный военный опыт, я отношусь с достаточным уважением». (Отметим в скобках, что это было до упразднения тов. Троцким военной науки, и что до этого злосчастного для военной науки дня тов. Троцкий неоднократно выражал свое уважение к ней). «Нужно только, — продолжает тов. Троцкий, — чтобы это была действительная военная наука, и чтобы журнал, претендующий на наименование военно-научного, действительно выполнял свою задачу, т.-е. проверял старые выводы военной науки на нынешнем опыте, в нынешней социальной среде и исторической обстановке. В «Военном Деле» этого нет, или почти нет. Господа писатели пытаются говорить вневременным языком и излагать какие-то вневременные истины». Тов. Троцкий громит затем старых спецов за их отрыв от жизни Красной армии и настаивает на необходимости внутренней, идейной органической связи журнала с армией. «Возьмем вопрос о социальном составе нашей армии,—продолжает он.—Мы ее строим на классовой основе. Этот вопрос подвергнут ли был обследованию с точки зрения военного дела? Ни разу. Или, может-быть, этот вопрос с военной точки зрения безразличен? Но глядите: на Украине Скоропадский сделал другую попытку построения армии на классовом принципе. Он мобилизовал хлеборобов, имеющих не менее 25 десятин земли. Мы имели, наконец, попытку учредиловцев построить «народную» армию на внеклассовой основе. Эти попытки рассыпались прахом. Стало-быть, мы живем в эпоху, когда классовый принцип построения армии навязывается сам собой. *Какой отсюда вывод для военного дела, для формирования, для воспитания, для тактики? Какие практические боевые последствия?»* (курсив мой. С. Г.).

Здесь тов. Троцкий сумел подойти к вопросу, как марксист, сумел увязать политику и технику (классовый принцип построения армии с тактикой), сумел один и тот же вопрос поставить и как политический, и как технический.

Жаль только, что по-марксистски тов. Троцкий говорит очень редко и случайно, а в подавляющем большинстве случаев ограничивается *повторением* марксистских и большевистских формул, без проникновения в их действительный смысл и без учета всех выводов, из этих формул вытекающих. Тов. Троцкий «подгоняет» эти формулы под троцкизм. Вот почему у него получается «троцкизированный» марксизм и ленинизм.

И жаль, что тов. Троцкий в апреле 1922 г., когда он говорил с коммунистами, сжег все, чему поклонялся в феврале 1919 г., когда вел беседу со спецами.

Метафизический отрыв марксизма от военного дела, политики от военной техники—не новость в нашей партии.

В 1905 году мы спорили с меньшевиками о вооруженном восстании, к которому у них не было ни малейшего аппетита. Не

имея мужества открыто выступить против лозунга вооруженного восстания (уж больно не по-марксистски вышло бы, а марксистскую совесть они тогда еще не совсем потеряли), они на деле применяли всевозможные способы для того, чтобы не допустить пропаганды и агитации за этот лозунг. Вскоре после 9-го января 1905 г. они на требование со стороны питерских рабочих оружия ответили им: не оружием вам надо вооружаться, а страстным стремлением к самовооружению. «Разрыв» между политикой и военным делом (вооруженным восстанием) у них получился полный: не понимали того, что вооруженное восстание есть продолжение политики, но только другими средствами и что никаким иным путем, без этих средств (без техники, к которой они относились с великолепным презрением) политика победить не может.

Спорили мы по вопросу о политике и технике и с отзовистами в 1908—1909 гг. Отзовисты совершенно не поняли, что революционной ситуации в 1909 г. уже не было и продолжали на мелкобуржуазный лад возиться с вопросами вооруженного восстания в расчете на то, что вот вспыхнет вновь восстание, и они выскочат из подполья в готовом для вооруженных действий виде.

У меньшевиков пропадала одна половина формулы (была политика, не было восстания), у отзовистов — другая (было восстание, не было политики). С этой стороны отзовизм был меньшевизмом наизнанку. Оба течения имели общую подоплеку: неумение увязать политику с техникой, разрыв между политикой и техникой.

Левые коммунисты возродили меньшевистское презрение к технике. «Зачем нам регулярная армия?—говорили они.—Регулярная армия и революционная война—понятия, исключающие одно другое». Отказ от такого могучего технического средства, как регулярная армия, был равносилен полному отказу от техники. И тут перед нами тот же разрыв между политикой (революционная война) и техникой (регулярная армия).

Но имеет ли какое-нибудь политическое значение этот вопрос теперь? Надо ли его теперь обсуждать?

Мы уже сказали, что тов. Троцкий применения марксизма в области военно-социальных вопросов, может-быть, и не отрицает, но об этой важнейшей задаче систематически умалчивает. Несколько раз он говорил и писал об отношении между марксизмом и военным делом и ни разу не удосужился поставить вопрос об облегчении марксизму доступа в область военно-социальных вопросов. Именно об этом надо было прежде всего подумать и позаботиться. Марксистов среди наших знатоков военного дела очень мало. Наши военно-учебные заведения, наши военные журналы полны старыми спецами, которые, если даже они не враждебны марксизму, если они даже настроены к нему дружелюбно [1]), то неспособны понять его и про-

---

[1]) Один из таких друзей марксизма договорился до слияния марксизма с «марсизмом» (от слова Марс—бог войны).

должают излагать те антимарксистские взгляды, которые стали их второй натурой. Загляните в любую книжку военного журнала, — и вы там обязательно наткнетесь на антимарксистские взгляды. То вам по вопросу о принципах организации армии преподнесут тектологию Богданова, то по вопросу о методах военной науки нагородят идеалистическую ахинею, то начнут разводить буржуазно-либеральные теории о «народном» характере армии. Вам будут доказывать, что война вечна, была, есть и будет, вас начнут уверять, что законы психологии толпы вечны и одинаковы для всех времен и общественных строев, и на основании этих вечных законов в пару часов сфабрикуют науку, именуемую военной психологией. А какая безграничная идеалистическая путаница господствует в истории военного искусства в связи с попытками вывести все методы и способы войны из свойств человека, человека вообще, вне времени, вне пространства, вне общества, вне классов! Веками накопившийся хлам софистики, схоластики, доктринерства, метафизики, идеализма, всегда пускавщийся в ход против марксизма, нашел себе приют в наших военных журналах. И марксизму тут предстоит еще огромная работа.

На эту важнейшую задачу тов. Троцкий внимания не обращает, он сосредоточил все свои силы на том, чтобы марксизм «не пущать» к ветеринарии и к лаптям. Он хвалит Энгельса за то, что тот свои военные статьи писал, якобы, сложив марксизм в ящик письменного стола и облачившись в генеральский мундир, но молчит о тех статьях Энгельса (хотя бы в том же томе), в которых Энгельс дает блестящие образцы применения марксизма к военно-техническим вопросам.

Посмотрите, как ставят вопрос о марксизме спецы (редакционная статья в журн. «Военное Обозрение», декабрь 1921 г., Ленинград):

«Не стремиться насильственно (!) создать систематизацию особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма,—таков основной тезис редакции. Умные речи приятно и слышать. «Военное искусство,—продолжает редакция,—едино, интернационально (вот мы как! Мы тоже за интернационализм!), как арифметика, и давным-давно систематизировано... Далеко не все стороны военного дела, особенно в своей прикладной технической части, приличествует (ну, еще бы!) обволакивать идеями марксизма. Эти последние, по существу, должны быть руководителями, главным образом, в области высшей военной политики и стратегии, не спускаясь ниже, в военную технику (неприлично марксизму заниматься «низкими» делами)... На одной стороне (на стороне Красной армии) — прочная государственная организация, на другой (у белых)—беспочвенная и шаткая импровизация; следовательно, на одной стороне—государственное начало, на другой—бунт... Гражданская война, уподобляемая подавлению бунта, и не могла дать много». Умри, Денис,— лучшего ты не напишешь.

Поистине этот документ должен был бы стать манифестом всех противников применения марксизма к военному делу.

За борьбой между старыми спецами и краскомами по вопросу о марксизме [1]) скрываются определенные политические, т.-е. классовые тенденции. В этом для марксиста-ленинца ни на минуту не может быть сомнения.

Но этим далеко не исчерпывается политическая сторона вопроса. При тех изменениях в составе Красной армии, о которых мы уже говорили, политическое значение делаемой тов. Троцким теоретической ошибки [2]) возрастает в огромной степени. Невозможно вести правильную военную политику и производить правильную политическую оценку организационных и технических вопросов без правильной теории, т.-е. без марксизма.

Неверная теория—фундамент неверной практики. Кто отрывает марксизм от военного дела в теории, тот будет отрывать его и на практике,—и в вопросах политического воспитания красноармейца, и в вопросах организации армии.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

(Коммунизм и политическая пропаганда).

На совещании военных делегатов XI съезда РКП (б.) были приняты по докладу тов. Рабичева «тезисы о военной пропаганде». Тезисы эти были сформулированы тов. Троцким на основе происходившей на совещании дискуссии и, в частности, на основе предложений тов. Рабичева («Политработник», 1922 г., № 4—5). Таким образом, у нас есть все основания считать, что эти тезисы совпадают со взглядами тов. Троцкого, что подтверждается многочисленными его выступлениями как до, так и после появления тезисов.

По поводу этих тезисов необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что вот уже более 3-х лет, как они являются отправным

---

[1]) Борьба между старыми спецами и краскомами ведется не только в теоретической области. В докладе, адресованном ЦК РКП, бюро комячеек Военной Академии писало о «насаждении спецов и лжеспецов» (которые пошли в армию по окончании гражданской войны), о «мощи спецовской касты», об «усилении идеологического влияния спецов», о «монополизации военного знания в руках спецов». Немало интересного по вопросу о борьбе между старыми спецами и краскомами можно найти на страницах «Красной Звезды».

[2]) В качестве эпиграфа к брошюре «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» тов. Троцкий избрал изречение Клаузевица: «В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе к почве опыта». Вот уж действительно совет во-время и впопад. Клаузевиц писал после длинного ряда наполеоновских войн, когда буржуазная военная наука уже приняла законченные формы. Клаузевиц был самый теоретический из военных теоретиков,—недаром его прозвали «военным философом». Ему-то легко было говорить: «Довольно теоретизировать», когда сам-то он натеоретизировался досыта, доотвалу. А у нас, где уж там о цветах и листьях теории говорить, когда мы еле несколько собственных зерен теории собрали.

пунктом всей политработы в Красной армии: о них написано много статей, их часто цитируют, на них ссылаются, их подтверждают (в частности 3-е всесоюзное совещание военных политработников вновь подтвердило их). Таким образом, перед нами основной документ, определявший еще совсем недавно направление политработы в Красной армии. Вот почему необходим его тщательный анализ.

Начинаются тезисы с определения того, что такое военная пропаганда.

«Задача военной пропаганды,— говорится в тезисах,— пробудить в молодом красноармейце интерес к военному делу и стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть». Мы предпочли бы другое более краткое и более точное определение: «Задача военной пропаганды в Красной армии—распространение среди красноармейцев военных знаний». Но по существу дела разницы здесь нет.

«Для этого,—говорится в тезисах непосредственно вслед за определением военной пропаганды,—нужно, чтобы он (красноармеец), прежде всего, знал, почему и зачем его мобилизовали. Объяснять это надо, исходя не из теории борьбы классов, а из конкретной политической обстановки сегодняшнего дня: кто нам угрожает, откуда и почему».

Странная постановка вопроса! Как можно противопоставлять теорию классовой борьбы конкретной политической обстановке сегодняшнего дня (исходя не из теории борьбы классов, а...). Как может политработник (коммунист-марксист, знающий теорию классовой борьбы) не «исходить» из теории борьбы классов при объяснении конкретной политической обстановки, безразлично сегодняшнего или завтрашнего дня или «дня», который был год—два—пять—десять лет назад? Из чего другого, как не из теории классовой борьбы может «исходить» коммунист в объяснении политических явлений и событий? Разве можно объяснить молодому красноармейцу, почему и зачем его мобилизовали, какие враги нам угрожают, откуда и почему, не говоря ему о польских п а н а х, о французских к а п и т а л и с т а х, о румынских б о я р а х, об их ненависти к р а б о ч е-к р е с т ь я н с к о м у СССР, об их стремлении восстановить власть русских п о м е щ и к о в и б у р ж у е в и т. д.? Да тут что ни слово, то класс, классовая борьба, теория и практика классовой борьбы.

Из чего же иного исходить? Не говорить ли красноармейцу, что «поляк», «румын», «француз» хотят против нас воевать? Есть и такое объяснение, но с коммунизмом оно ничего общего не имеет. Может-быть, такое объяснение пробудило бы у красноармейца-крестьянина, не избавившегося еще от привитого крестьянину при царизме национализма и шовинизма, больший интерес к военному делу и большее стремление стать хорошим бойцом не за страх, а за совесть. (Это вероятно, это возможно). Но мы, коммунисты, марксисты, ленинцы, большевики так вопроса ставить не можем. Никаких иных войн, кроме к л а с с о в ы х, русский пролетариат не вел и не будет вести. Теория классовой

борьбы дает ключ к объяснению войн и династических, и торговых, и национальных, и империалистических, в конечном счете, через промежуточные факторы, сводя все войны к классовому строению общества. В классовых же войнах никаких таких промежуточных факторов между теорией классовой борьбы и одним из видов классовой борьбы (классовыми войнами) нет. Поэтому при объяснении классовых войн без теории классовой борьбы шагу не ступишь.

Может-быть, это оговорка, описка? Может-быть, хотели попросту сказать, что не следует начинать политработу с теоретических лекций по марксизму и в частности по теории классовой борьбы? Тогда так именно и следовало сказать, а не путать, не мудрствовать, не углублять.

Но, если даже это—оговорка (намек на это имеется в п. 4 тезисов), то во всяком случае для марксиста-ленинца такая оговорка абсолютно недопустима. Это—во-первых. А во-вторых, оговорка эта не случайная. В п. 4 тезисов, который мы только-что упоминали, говорится: «Красноармеец — не слушатель курсов о классовой борьбе (бедный Христофор Колумб, у тебя отбивают хлеб), а молодой гражданин, который собирается воевать». (За кого воевать? За какой класс? За какие политические цели? И можно ли противопоставлять политические цели войны теории классовой борьбы?). Опять странное противопоставление теории классовой борьбы, но уже не «текущему моменту», а боевой подготовке красноармейца, противопоставление политической пропаганды военной пропаганде. Это противопоставление уже не случайное. Это, можно сказать, лейтмотив всей «музыки», носящей название «тезисов о военной пропаганде». В п. 6 тезисов это противопоставление политики технике (политической пропаганды военно-технической) повторено в новой форме. Там говорится: «не разбрасываться политически и теоретически, не зарываться, не залетать ввысь, а (опять!) готовить сплоченное, сознательное (? позднее будет видно, почему здесь стоит вопросительный знак) отделение, взвод, роту, батальон, полк». Хотят как-будто сказать политработнику: говори ясно и просто, бери материал из того, что поближе красноармейцу, но сами-то эту мысль просто выразить никак не могут. Хотят одного, а получается нечто совсем, совсем иное. Получается противопоставление политики технике, для нас не неожиданное после ознакомления с неудачным плаванием тов. Троцкого по морям теории.

Злоключения политической пропаганды (политработы) на этом далеко еще не кончаются. В п. 7 она оказывается противопоставленной уже не только военной пропаганде, но и культурно-просветительной работе. Так как этот пункт—центральный пункт всех тезисов, то приводим его полностью.

«Главный недочет нашей пропаганды состоит в том, что мы видим в красноармейце только объект для пропаганды, забывая о том, что молодой крестьянин и рабочий месяцами и годами живет в своей части, в казарме, которая охватила его со всех

сторон. Такой подход есть остаток прошлого, когда нам приходилось вести свою революционную работу во вражеской казарме или на капиталистической фабрике. Тогда вся задача сводилась к тому, чтобы дать рабочему или солдату революционное обобщение, т.-е. ответы на те основные вопросы, которые замалчивались и подавлялись обществом и государством. Мы все еще не научились понимать, что теперь мы должны дать красноармейцу ответ и на другие его потребности и запросы, если не хотим, чтобы он искал ответа у наших врагов. У красноармейца есть потребность пошутить и посмеяться, поиграть фантазией, поупражнять дух соревнования, получить эстетические впечатления, хотя бы и самые простые. Он не просто объект для пропаганды, а живое молодое существо с разнообразными, хотя и простейшими, духовными потребностями. Мы очень разбрасываемся политически и теоретически и в то же время игнорируем красноармейца психологически».

Опять та же история: «Мы очень разбрасываемся политически и теоретически и (это «и» стоит хорошего «а») в то же время игнорируем красноармейца психологически», т.-е. не даем ему в достаточной мере культурно-просветительных развлечений. Куда ни кинь, все клин. Несчастная политработа! Как бедная родственница, она всюду мешает, ей нигде нет места.

Пункт 9 тезисов является новым этапом на многострадальном пути политработы в Красной армии: «Политработа в Красной армии,—гласит этот пункт,—вырастает из военной пропаганды». Чем дальше в лес, тем больше... путаницы. И тем хуже становится положение политработы. Из бедной родственницы она в п. 9 уже превратилась в батрачку, находящуюся на услужении у военной пропаганды. Субординация и дисциплина в армии тяжелые, и потому мы нисколько не удивимся, что, после соответствующей военной обработки, политработа в п. 17 уже держит себя тише воды, ниже травы. «Военная пропаганда,—вещает этот пункт — ведет к слиянию чисто-политической работы с чисто-военной».

После всего, что мы видели и слышали на протяжении тезисов, мы без труда догадаемся, что такое слияние равносильно поглощению почти без остатка [1]). Политработа оттеснена на задний план и подчинена задачам военной пропаганды и культурно-просветительной работы.

Что именно таков смысл этих тезисов, что именно в эту сторону они гнули, видно из тех откликов, которые они нашли в военно-политической печати и на совещаниях военных полит-

[1]) Авторы тезисов хотят сказать, что слияние военной и политической пропаганды произойдет путем слияния командира и комиссара. Но им этого недостаточно. Надо же «углубить» вопрос и «подпустить» обобщение. А от такого углубления и обобщения у них получаются теории, которые фатально противоречат марксизму. В этом фатализме нет ничего удивительного: он заложен, он предопределен отрывом военной науки от марксизма, военной техники от политики.

работников. Идеи, положенные в их основу, носились в воздухе еще до совещания военных делегатов.

В течение 1921 г. армия демобилизовывалась, сокращалась, перестраивалась и в силу этого находилась в неустановившемся, беспорядочном состоянии. При этом обнаружились бесчисленные, мелкие и мельчайшие дефекты, которые, казалось, нетрудно было устранить и которые поэтому были особенно досадными. Пока воевали, этих прорех не замечали, думали и заботились о главном, о победе. А когда война кончилась, да огляделись и увидали, сколько всяких неустройств кругом, то встосковались по порядку и бросились чинить в первую очередь наиболее досадные и раздражающие, мелкие прорехи. «Внимание мелочам»,—таков был лозунг дня. Этими мелочами так увлеклись, что возникла своеобразная «теория малых дел», заслонившая большие дела и нашедшая свое отражение в «тезисах о военной пропаганде».

Основателем этого течения с полным правом может считаться тов. Троцкий. Летом 1921 г. он выбросил лозунг: «смазывай сапоги» и этим заложил первый камень под тезисы и содержащуюся в них теорию.

Лозунг «смазывай сапоги» был, как и полагается, «углублен» и «обобщен» в приказе № 254 (5 авг. 1921 г.), где насчет смазки сапог говорилось так: «Политическое воспитание красноармейца должно начинаться с правильной смазки сапог и заканчиваться самым высоким вопросом Коммунистического Интернационала».

Вы видите, что в приказе № 254 уже содержится зародыш основной формулы будущих тезисов: «Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

20-го октября 1921 г. на съезде политпросветов тов. Троцкий провозглашает, что «устав есть важнейшая часть политико-просветительной работы» (политическая пропаганда вырастает из военной пропаганды).

Тов. Лузгин, по многим данным, еще до появления тезисов, но уже в 1922 г., пишет в журнале «Революция и Война»: «У нас существует весьма сильная тенденция считать политпросветработу в Красной армии *самодовлеющей* (курсив тов. Лузгина), а отнюдь не *подчиненной*» (курсив мой. *С. Г.*)

«Политика» (т.-е. участие Красной армии в политической жизни, обрывающееся в случае войны),—продолжает тов. Лузгин,—*подчинена* войне. Следует пересмотреть всю политпросветработу с точки зрения ее *военного* эффекта, иными словами, сделать ее более близкой к задачам военного воспитания—*подчинить* (курсив мой. *С. Г.*) ее этим задачам на практике... элемент политического *служит* целям военного». И, наконец, «тройственность воспитательной работы в рядах армии (политическая, просветительная и военная), превратившись предварительно в двойственность (политпросветительная и военная), приходит таким образом к столь давно требуемому жизнью единству» (читай: «поглощению политработы военной пропагандой»).

На XI съезде РКП тов. Троцкий в своем докладе заявляет: «Надо в казарме исходит из того, что крестьянин стал солдатом».

А при царе в казарме не исходили из того, что крестьянин стал солдатом? А во Франции, Италии, Германии из этого не исходят? «Зачем? Почему? — спрашивал тов. Троцкий. — Это — основной факт, это—новая эпоха в его жизни, и с этого надо начать, а не с того, чтобы стремиться 19—20-летнего крестьянина превратить в идеального коммуниста (? У нас был только один идеальный коммунист—Ленин. С. Г.) по отвлеченной идеальной программе». «Отвлеченная идеальная программа», «идеальный коммунист», «из 19—20-летнего крестьянина»,—все та же музыка на мотив: «не теория классовой борьбы, а...». (Кстати, как нам быть с Комсомолом, где сейчас собраны сотни тысяч еще более молодых крестьян? Там-то разрешается молодого крестьянина обучать коммунизму?).

Тов. Рафес жаловался на совещании военных делегатов XI съезда РКП (апрель 1922 г.) на то, что «пытаются красноармейца превратить в объект, в который будут вдалбливать систематизированную теорию классовой борьбы, коммунистическую словесность» [1]), а в сентябре того же года на всероссийском совещании по агитработе в Красной армии и флоте предрекал, что «вся политработа будет военной пропагандой» («военная пропаганда ведет к слиянию чисто-политической работы с чисто-военной»).

В результате всего этого похода на «коммунистическую словесность», вопрос о целях и задачах политработы в армии неслыханно запутался и увяз в схоластической трясине.

Лучше всех, ярче всех, короче всех выразил эту схоластическую неразбериху тот же тов. Рафес. «Кого должны мы воспитывать,—в отчаянии спрашивал он на всероссийском совещании по агитработе в Красной армии и флоте,—в о и н а или г р а ж д а н и н а, в о и н а - г р а ж д а н и н а или г р а ж д а н и н а - в о и н а?».

С тех пор, как тов. Рафес поставил этот мудреный, «заковыристый» вопрос, т.-е. с сентября 1922 г., т.-е. вот уже более двух лет, военные политработники так и не могут от него отвязаться.

---

[1]) Это очень нехорошо, что «вдалбливают», но по случаю плохих м е т о д о в направлять удары на с о д е р ж а н и е политработы нельзя. Лучше вдалбливать коммунистическую словесность, чем некоммунистическую. Кстати, по поводу таких же жалоб насчет политпропаганды в парт'ячейках тов. Ланда дал следующую отповедь, распространявшую свою силу и на политработу среди беспартийных («Политработник», 1922 г., № 3):

«В Красной армии широкие беспартийные массы интересуются всей окружающей жизнью, всеми вопросами текущей экономики и политики. Разумеется, не схоластикой, теоретическим умствованием и чтением «Азбуки коммунизма» «обязательно под-ряд», главу за главой должна заниматься ячейка (я был свидетелем, как некоторые политруки голосом отпевающего дьячка читали коммунистическое «евангелие»). Принципы конкретности и самодеятельности должны гармонически сочетаться с необходимостью ознакомления всей массы членов ячейки с основами марксизма. Методом от конкретного к теоретическому мы эту задачу решим. У каждого члена ячейки будет и повседневная ориентировка, и теоретическое понимание, а главное, уменье дать ответ той массе, которая обслуживается данной ячейкой».

топчутся на месте вокруг него и диспутируют его на разные лады.

Вопрос о политработе, об отношении между политчасом и политпросветчасом [1]) стал предметом дискуссии в начале 1924 г. в разных округах. Спор шел по вопросу о том, нужно ли сливать политчас и политпросветчас. Несколько голосов раздавалось за слияние, т.-е. растворение политработы в культпросветработе. Впрочем, и те, кто высказывался против слияния, приводили такие аргументы, которые показывали, что разница между политчасом и политпросветчасом на практике совершенно стирается, понятно, в ущерб политвоспитанию.

Так, совещание политпросветработников артиллерии 15 дивизии заявило, что «как политчас, так и политпросветчас, как политрук, так и школьный работник, делают одно дело, дело повышения культурного, а следовательно, и политического уровня красноармейцев» («Красная Рота» 1924 г., № 35). Это «следовательно» поистине великолепно. Точно подъем культурного уровня не может быть базой и кулацкой, и пролетарской политики.

Тов. Пермский («Пути политчаса», «Красная Рота» 1924 г., № 36) подтверждает факт растворения политработы в культпросветработе: «Политпросветработа, — говорит он,—превращается, несмотря на энергичное противодействие всех политработников, в аполитическое культурничанье» (урок, основанный на политическом материале—это еще не значит: урок с соответствующими политическими выводами).

Это очень хорошо сказано: весь вопрос именно в том, каковы «политические выводы» из «политического материала». Из одного и того же «политического материала» можно сделать выводы коммунистические и некоммунистические. (Меньшевики из Маркса делали контр-революционные выводы). Можно вести один и тот же политпросветчас (и политчас) так, что он будет итти на пользу пролетариату, а можно (пользуясь тем же политпросветительным материалом) и так, что это будет на пользу кулаку.

Можно было бы значительно увеличить число таких выдержек, но и этих достаточно, чтобы видеть, что перед нами оформленное течение, поставившее себе задачей «подчинение», «подгонку» политработы (т.-е. политической пропаганды и агитации) в Красной армии задачам военной подготовки и культурного просвещения красноармейца. Течение это правильно прозвали «военнизаторско-культурническим».

Началось это течение под лозунгом «мажь сапоги», высшего развития достигло и стабилизировалось под лозунгом: «не теория классовой борьбы, а...». «Смазка сапог выше теории классовой борьбы», «сапоги выше Маркса»—такова краткая, «конкретная» формула этого течения. «Сапоги выше Маркса», т.-е. военно-куль-

---

[1]) Для непосвященных поясним, что на «политчасе» преподают политграмоту, а на «политпросветчасе»—чтение, письмо, арифметику, географию и естественные науки. Прибавка к этому «просветчасу» слова «полит» обозначает только то, что для обучения грамоте, арифметике и пр. берут «политический» материал (биографию Ленина, отрывки из его сочинений и пр.).

турная подготовка красноармейца выше политической, военная пропаганда выше политической пропаганды. «Сапоги выше Маркса», т.-е. из военной пропаганды вырастает политическая пропаганда.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды». Это—самая общая формула новой теории политработы в армии, попытка философского обобщения «смазки сапог» [1]), попытка углубления понятия политической пропаганды в армии.

Вот уж поистине «кажинный раз на эфтом самом месте». 20 лет назад тов. Мартынов попытался углубить Плеханова по вопросу о пропаганде и агитации и за это пострадал от Ленина («Что делать?»), а теперь находятся охотники повторить еще раз такую же безнадежную попытку углубления понятия политпропаганды по отношению к армии.

«Политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды».

Теоретически эта формула никуда не годится, не марксистская она, а антимарксистская. Не политика есть продолжение войны, а, наоборот, война есть продолжение политики. Не война ставит политические (классовые) цели политике, а политика—войне. Не политическая пропаганда «вырастает» из военной пропаганды, а, наоборот, военная пропаганда «вырастает» из политической пропаганды. Военная пропаганда в Красной армии принципиального отличия от военной пропаганды в буржуазных армиях не имеет. Она преследует те же цели распространения военных знаний. А политическая пропаганда в Красной армии коренным образом отличается от политической пропаганды в буржуазных армиях: политическая пропаганда в Красной армии ставит в качестве основной политической цели защиту пролетарской диктатуры, а в буржуазных армиях—защиту буржуазной диктатуры. Если бы политическая пропаганда вырастала из военной пропаганды, то непонятно, как из нее могли бы вырасти две принципиально противоположные политические цели. Не задачи и цели военной пропаганды подчиняют себе задачи и цели политической пропаганды, а наоборот. Армия служит политике, а не политика армии. Не политработа для красноармейца, а красноармеец для политработы. Не воспитание хорошего бойца «вообще», а воспитание хорошего бойца, служащего пролетарской диктатуре.

Со стороны теоретической и политической формула: «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды» представляет полное извращение марксизма.

Подойдем к этой формуле со стороны практической. Возьмем хотя бы ту же самую смазку сапог, которая является одним из элементов военной пропаганды. Сапоги, несомненно, смазывать следует. Молодой красноармеец это знает, ибо при всей нашей бедности он до своего призыва в армию хоть две пары сапог изно-

---

[1]) Тов. Троцкий—большой любитель «обобщать». Поэтому с ним частенько случается, что он «переобобщает».

сил и дегтем или «шмальцем» их усердно смазывал (а может-быть, даже гуталином). Когда он приходит в армию, ему дают казенные сапоги (большею частью, пребезобразно сшитые). Раз казенное добро,—значит, жалеть его нечего. Эта традиция крепко сидит в голове русского крестьянина. Чего там жалеть, да еще смазывать? Казенные! Как же подойти к красноармейцу с точки зрения военной пропаганды, чтобы доказать, что сапоги нужно смазывать? Уверять его, что ежели смазывать, то сапоги дольше проносятся? Да он и сам это хорошо знает по опыту.

Нужен другой подход. Нужно объяснить ему, почему *эти* казенные сапоги «принципиально» отличаются от казенных сапог, которые давал царь. Казна казне рознь. Раньше была казна царская, а теперь казна рабоче-крестьянская. Царскую казну нечего было жалеть, а рабоче-крестьянскую беречь надо всячески. Армия содержится на налоги, которые взимаются с крестьян. Чем дольше сапог прослужит, благодаря смазке, тем дешевле будет стоить армия, тем меньше казна будет взимать налогов, тем лучше будет житься крестьянину, и т. д. Вот тогда красноармеец, может-быть, и не только может-быть, а если толково и просто объяснить, то и наверняка необходимость смазки поймет, сапоги мазать станет.

Чтобы обосновать смазку сапог, нам пришлось, таким образом, нашему красноармейцу «дать кусочек политической пропаганды» (как говорили в старину бундовцы), в частности поговорить о классах и о классовой борьбе.

Выходит так, что мы начали со смазки сапог (*военная* пропаганда), а добрались до классовой борьбы (*политическая* пропаганда). Уж и впрямь не «вырастает» ли политическая пропаганда в армии из военной пропаганды? Конечно, «вырастает», если *методом* пропаганды подменить *содержание* и *задачи* пропаганды. Именно такой подмен авторы тезисов и совершают, забывая, что политическая пропаганда, ее цели и задачи, ее содержание не только в армии, но и в селе, и в парламенте, и в совдепе, и на митинге, и в школе и в церкви «вырастают» *из классовых интересов господствующего класса*.

Начинать политпропаганду в армии можно и с сапога, и с налета польской банды на близлежащее местечко, и с письма из дома, содержащего жалобу на продналог, и с годовщины Октябрьской революции и т. д. Политпропаганда в армии может «вырастать» из разных корней. Лучше начинать не с военных, а с крестьянских вопросов—в целях «раскрестьянивания» (не сочиняя, однако, по случаю *такого* подхода теорию, что политическая пропаганда вырастает из крестьянской пропаганды). «Профессиональное» сужение политической пропаганды (начинай с *военной* пропаганды),как две капли воды, похоже на сужение политической пропаганды «экономистами». «Экономисты» тоже предлагали «начинать» политпропаганду исключительно с экономической пропаганды, с условий труда рабочего, с его профессионально-цеховых интересов; а получалась у них теория, что

политпропаганда в рабочем классе «вырастает» из экономической пропаганды. А от этой формулы они быстро докатились до подчинения «политики» «экономике». (См. об этом «Что делать?» Ленина). Формула тезисов «политработа в Красной армии вырастает из военной пропаганды»—только «военный слепок» с формулы «экономистов». И подобно формуле «экономистов», она ведет к профессиональному сужению политработы в Красной армии, к ее подчинению «профессиональным интересам» красноармейца, т.-е. его боевой и культурной подготовке, а не классовым интересам господствующего класса, пролетариата [1]). Подменили задачи политработы методом (как, откуда начинать), а получился отрыв политработы в Красной армии от интересов пролетарской диктатуры.

Мы подошли к политической, к классовой оценке «военнизаторско-культурнического» течения, тезисы которого мы изучаем. Мы подошли к вопросу, кому, какому классу это «военнизаторско-культурническое» течение выгодно, какому невыгодно [2]).

Посмотрим, как на этот счет обстоит дело в тезисах, что говорят они об этой стороне вопроса. Вот основной тезис (4-й), который затрогивает классовые отношения внутри армии.

«Лишенный классового критерия, красноармеец-крестьянин склонен подходить к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием. Необходимо на это опереться, чтобы продвинуть его далее. Необходимо давать ему изо дня в день свежий фактический, конкретно изложенный материал, характеризующий козни, происки и замыслы наших врагов. Относиться самому к этим фактам не как к простым и случайным иллюстрациям на тему о борьбе классов, а как к важным явлениям сегодняшнего дня, от которых зависит, быть или не быть войне. Ибо красноармеец—не слушатель курсов о классовой борьбе, а молодой гражданин, который готовится воевать. Так, сознательно переживая один факт за другим, проникаясь враждой и ненавистью к нашим военным врагам, которые всегда в то же время и наши классовые враги, красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки перейдет к оценке классовой».

Здесь, как и всюду в тезисах, политические задачи пропаганды спутаны с методом. Сначала идет классовая оценка красноармейца-крестьянина, затем скачок к методу («Необходимо давать ему изо дня в день» и т. д.), а затем опять скачок к политике. («Красноармеец постепенно от бесформенной нравственной оценки»

---

[1]) Для такого принижения политработы в Красной армии характерным является то обстоятельство, что в первом издании написанной тов. Троцким «Красной памятки для воинов рабоче-крестьянской Красной армии и флота об основных вопросах военного дела» нет ни звука о политработе и о политорганах, а для просвещения, развлечений и игр местечко нашлось.

[2]) Опыт полугодичной работы с призывом родившихся в 1902 г. подтверждает, что культурное развитие красноармейца быстро обгоняет его политическое развитие. Между первым и вторым образуются «ножницы». Значительная часть красноармейцев,—пишут из одного округа,—получили знания, но их убеждения и мировоззрение не изменились в результате политработы.

и т. д.). Отметим только эту путаницу [1]) и перейдем к анализу политического содержания этого тезиса.

«Лишенный классового критерия, красноармеец-крестьянин подходит к оценке вопросов с бесформенным нравственным критерием». Вопрос о красноармейце-крестьянине и его «критерии»— коренной вопрос всей политработы в Красной армии. Верно ли, что красноармеец-крестьянин лишен классового критерия и довольствуется каким-то бесформенным, внеклассовым, надклассовым, межклассовым критерием?

Что красноармеец-крестьянин принадлежит к классу мелкой буржуазии и потому осужден на колебания между пролетарием и кулаком,—общеизвестно. Что именно сейчас красноармеец-крестьянин колеблется между возродившимся и народившимся в годы нэп'а кулачеством и пролетариатом,—об этом можно ежедневно читать в наших газетах. Но всего этого еще совершенно недостаточно, чтобы считать, что у красноармейца-крестьянина еще нет или уже нет классового критерия, т.-е. что он абсолютно нейтрален в распре между пролетариатом и кулачеством. Этого нет и этого не может еще в данное время быть.

Красноармейцы-крестьяне, приходящие теперь в армию, вовсе не воск, из которого методами военной пропаганды можно лепить культурных солдатиков в смазанных гуталином сапогах, которые послушно будут выполнять все приказы даже без особой на то политической подготовки. Этот «воск» уже побывал в руках кулака, который обмял его по-своему, и потому теперь задача политработы—«перемять воск» на пролетарский лад.

Не «бесформенный» (ни кулацкий, ни пролетарский) нравственный критерий, а уже достаточно оформившийся кулацкий классовый критерий. Так обстоит дело. И иначе оно обстоять не может. Молодой крестьянин-красноармеец вырастает в шагающей к капитализму деревне, в «переходный период» «нэп'а, когда городской социализм, несмотря на свой более быстрый, чем капитализм, рост не успел идеологически перевесить старого идеологического «капитала» кулака, который к старому добру за три года нэп'а присоединил новое.

Оценка красноармейца у тов. Троцкого неправильная [2]).

---

[1]) Недаром тов. Ленин еще во время профдискуссии говорил, что у тов. Троцкого и на профсоюзы, и на армию «аппаратная» точка зрения: хороший аппарат и хороший метод могут заменить политику. На XI съезде РКП тов. Ленин по поводу трений в Донбассе заметил: «Они (т.-е. часть одной из боровшихся там групп) попали в положение людей, которые «переадминистрировали». И дальше он добавил: «Не отрывать политики от администрирования—вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда» (XVIII том, ч. 2, стр. 51). «Переадминистрирование» и «аппаратная точка зрения»—это одно и то же.

[2]) Совершенно ту же ошибку, что и тов. Троцкий, делает тов. Городнев («Очерки Красной армии», 1924 г., стр. 66), когда утверждает, что «мы в нашей политической работе приходим к красноармейцу... с рабо-

И эта оценка не случайная. В 1923 году в брошюре «Перспективы и задачи военного строительства» он в другой форме («монолитная» Красная армия) повторяет ту же оценку. Недавно он еще раз повторил эту оценку, в упомянутом уже нами предисловии к статьям Энгельса о войне 1870—1871 гг. «У нас,—говорит там тов. Троцкий,—на случай военных столкновений с капиталистическими государствами имеется одно преимущество, совсем маленькое, но такое, что оно может стоить нашим возможным врагам головы. Это преимущество состоит в том, что нам чужд антагонизм между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат. Мы—рабоче-крестьянское государство и рабоче-крестьянская армия».

Вот, когда мы хозяйственную смычку пролетариата с крестьянством до конца проведем, все население кооперируем и государственную промышленность поднимем на значительную высоту,—тогда это «маленькое преимущество» проявит себя полностью.

А пока, хотя антагонизма (размычки) у нас «между правящим классом и тем, из которого вербуется масса солдат» (т.-е. крестьянством), нет, но и смычка еще недостаточно сильно отразилась на крестьянской идеологии. Элементы смычки и размычки (антагонизма) растут одновременно, и между ними нарастает борьба,—борьба между пролетариатом и кулачеством за крестьянство, а следовательно, и за армию (где до 90 процентов крестьян),—борьба за армию, особенно обостряемая переходом на милиционную систему.

Сложный процесс одновременного роста смычки и размычки находит свое концентрированное выражение именно в армии, где собирается большое количество крестьян. Здесь они получают много знаний, здесь они легче могут разобраться в своих «крестьянских» вопросах и сформулировать свои требования. Здесь идет процесс кристаллизации «крестьянской» идеологии. С этой точки зрения армия становится незаменимым аппаратом для прощупывания крестьянских настроений и стремлений.

Борьба между пролетарской и кулацкой идеологией внутри Красной армии «уплотняется», как нигде. Эта борьба есть борьба за Красную армию. Борьба эта уже началась. Правда, знамена еще не развернуты, лозунги еще не провозглашены, но их нетрудно предугадать.

Кулацкий Кронштадт дал лозунг «честных советов без коммунистов». В применении к Красной армии «военным слепком» этого лозунга будет лозунг: «доблестная Красная армия без коммунистов», «культурный гражданин-боец без коммунизма». Кулак вовсе не против культуры, он даже за политическую грамотность, но без коммунизма. Ибо он знает, что *такую* политграмотность можно повернуть и против коммунизма.

че-*крестьянской правдой*, которая ему близка, и которую он понимает и усваивает с полуслова». Так ли, тов. Городнев? Действительно ли с полуслова?

Сменовеховцы (а таковые есть и в армии) восхищаются Красной армией, хвалят ее, но хотели бы только одного—освободить ее от «коммунистической словесности». Военная пропаганда—прекрасно,—говорят они,—культурная и просветительная работа—превосходно, политграмота—великолепно, но выбросьте коммунистическое доктринерство и всяческие там теории классовой борьбы. Красная армия—не коммунистическая академия, красноармеец—не слушатель курсов по теории классовой борьбы. Не следует теоретически и политически разбрасываться, боевая подготовка—главное, надо готовить не ком'ячейку, а сознательное (сменовеховски-сознательное) отделение, роту, батальон, полк.

Мы видим, кому на-руку словечки о коммунистической словесности и о коммунистическом доктринерстве. Кулак, сменовеховец, меньшевик, эсер,—все они подхватят эти словечки, подправят их на свой лад, усилят, прикрасят и пошлют гулять по белу-свету и по Красной армии. Все они за то, чтобы подчинить политработу задачам военной и культурной обработки красноармейца, все они за то, чтобы политработа в Красной армии «вырастала» из военной пропаганды. Все они за «акоммунистическое» (не за аполитическое, что вы, что вы!) воспитание Красной армии.

Пролетарская идеология против кулацкой,—так стоит вопрос, так он поставлен существующим соотношением классов и их развитием, определяемым развитием капитализма в деревне, социализма в городе. Так он уже ставится в армии.

Материалы, поступившие за последнее время из округов, проявления кулацкой идеологии в армии уже сигнализируют.

«Непонимание сущности союза рабочих и крестьян,—пишут из одного округа,—заявления, что рабочий класс имеет больше выгод от революции, чем крестьянство. Взгляд на крестьянство, как на единый класс, и недовольство политикой расслоения, заявления, что она-де только мутит деревню (врагов, т.-е. кулаков, в деревне нет). Взгляд на бедноту, как на лодырей, Советская власть поддерживает лодырей. Заявление, что Советская власть восстанавливает промышленность за счет крестьянства».

Таковы основные кулацкие мотивы, которые в различных вариациях можно встретить по всем округам. Подобные заявления единичны и в большинстве случаев идут от кулацких элементов. Но тенденция к их нарастанию имеется.

После двадцати лет длительной и трудной борьбы за влияние на крестьянство против всех партий и всех классов, большевики в 1917 году отбили (казалось, навсегда) крестьянство у эсеров. Но теперь ясно, что борьба еще не кончена. Предстоит еще действительно «последний и решительный бой» за крестьянство против кулака, и этот бой начинается уже внутри армии. Наше оружие—политическая пропаганда, твердо и неуклонно направленная к тому, чтобы преодолеть кулацкую идеологию и привлечь красноармейца-крестьянина на сторону пролетариата. В этом—

основная задача и цель всей политработы в Красной армии в теперешний период. И эту задачу надо ставить сегодня же.

Обстановка изменилась. Об этом изменении говорят: 1) три года нэп'а, 2) два года милиционной системы, 3) приход в армию (впервые) молодняка, уже прошедшего школу нэп'а.

Обстановка изменилась. В течение 3-х лет можно было «терпеть» военнизаторско-культурнические тезисы о военной пропаганде, с их стремлением оторвать политработу от коммунизма. А теперь, мелкобуржуазный «военнизаторско-культурнический» уклон политработы становится вредным: культурно-просветительный подъем красноармейца, который безусловно необходим, своим политическим концом обращается не в ту сторону.

Задача политработы—повернуть и культпросветработу против кулака. Не затемнять этой задачи политработы попыткой слить ее с военной пропагандой, не жертвовать ею ради культурно-просветительной работы, подчинить военную пропаганду и культпросветработу политработе и ее задачам, «нацелить» всю работу на одну точку, «не разбрасываясь» культурнически,—словом, сделать политработу в Красной армии в полном смысле этого слова коммунистической. А это значит: проводить ее на основе классовой пролетарской идеологии.

«Да, ведь, это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—отвечает на это тов. Троцкий («Основная военная задача момента», стр. 13), цитируя из тезисов Фрунзе п. 4-й, который заканчивается именно этими словами о политической работе «на основе классовой пролетарской идеологии». «Да, ведь, это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство»,—восклицает тов. Троцкий [1]).

«Вы идеалистически переоцениваете силу идеологического воспитания»,—подхватывает тов. Лузгин («Революция и Война» 1922 г., № 14—15).

«Вы хотите превратить красноармейца в **объект** для коммунистической пропаганды»,—в ужасе восклицают вслед за авторами тезисов о военной пропаганде их последователи.

---

[1]) Пункт 4-й тезисов тов. Фрунзе гласит: «Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром—с другой, делает неизбежными и столкновения, и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим задачей политического воспитания Красной армии является поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепляться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии в живых и общедоступных формах.

Приведя этот тезис, тов. Троцкий продолжает:

«Здесь подход заведомо не (?) политический, абстрактный, по существу неверный и опасный. Борьба между пролетариатом и буржуазией идет во всем мире. В этой борьбе либо на нас будут нападать, либо мы будем нападать. Необходимо армию держать в готовности, воспитывая ее на основе классовой пролетарской идеологии в живых и общедоступных формах. Да, ведь, это самое отвлеченное коммунистическое доктринерство, против которого мы все возражали на прошлом заседании, когда говорили о военной пропаганде».

Конечно, хотим. Именно в объект и именно для коммунистической пропаганды. А как же иначе? Каждый господствующий класс воспитывает армию в духе своей классовой идеологии. Так было, так будет, иначе не может быть. Буржуазия воспитывает свою армию, составленную из рабочих и крестьян, в духе своей буржуазной классовой идеологии. А пролетариат свою армию— в духе коммунизма, который и есть классовая идеология пролетариата. Кричать по этому поводу о коммунистическом доктринерстве, как это делает тов. Троцкий, или об «идеалистической переоценке силы идеологического воспитания» (лузгинский перевод формулы Троцкого)—это и значит обнаруживать тенденцию к отрыву политработы в Красной армии от коммунизма [1]).

Красная армия вступила в новый период своего существования. Изменились классы, изменились их отношения, изменилась политика, не может не измениться политическое воспитание красноармейца.

Не растворять политическую работу в Красной армии в «аполитичной» (без теории классовой борьбы) военной пропаганде и «беспартийной» (без коммунизма) культпросветработе, не допускать отрыва политработы от коммунизма, направить ее на «пролетаризацию» крестьянских голов против кулацкой идеологии— такова очередная задача.

Отрыву политработы от коммунизма, вырастающему на отрыве военного дела от марксизма, пора положить конец.

III. КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ.

(РКП и Красная армия.)

В 1922 г. Пур разослал партийным, советским, профессиональным и военным учреждениям на отзыв проект политического устава Красной армии и флота. Параграф 41-й этого устава (еще не утвержденного) содержит следующий текст:

> Председателем Революционного Военного Совета Республики и народным комиссаром по военным и морским делам, по назначению ВЦИК, с 1918 г. состоит вождь Красной армии тов. Троцкий, Лев Давыдович. Тов. Троцкий родился в 1879 году в деревне Яновке, Елисаветградского уезда, Херсонской губернии. Молодым юношей он вступил в городе Николаеве в тайный «Южно-Русский Союз». Здесь тов. Троцкий был арестован, около двух с половиной лет просидел в тюрьме, а потом был сослан в Сибирь. Во время революции 1905 г. тов. Троцкий был товарищем председателя Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Когда Совет был арестован, тов. Троцкий вторично был приговорен к ссылке в Сибирь, но бежал за границу. За границей тов. Троцкий продолжал дело служения рабочему классу. С первых дней империалистической войны тов. Троцкий выступил против нее, за что был гоним иностранными правительствами. Вернувшись в

---

[1]) Тов. Троцкий говорит далее о 100% коммунистов. Откуда он взял эту цифру,—мы не знаем. Называлась на основании опыта гражданской войны цифра 15—20%, как цифра, вполне обеспечивающая устойчивость части.

апреле 1917 г. в Россию, тов. Троцкий повел непримиримую борьбу против временного правительства. Незадолго до Октябрьской революции тов. Троцкий был арестован временным правительством. По освобождении тов. Троцкий вступил в состав Военно-Революционного Комитета, руководившего октябрьским восстанием. С момента организации Красной армии тов. Троцкий был назначен народным комиссаром по военным и морским делам, затем Председателем Революционного Военного Совета Республики. Тов. Троцкий—вождь и организатор Красной армии. Стоя во главе Красной армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской Республики.

Теория строительства армии одним вождем и организатором, содержащаяся в этом параграфе, неверная, немарксистская теория. С точки зрения марксизма, армия есть военный слепок с существующего общественного строя или военное отражение этого строя. А это значит, что организует и строит армию, руководит ею, управляет ею, ставит командный состав, воспитывает ее в духе определенной идеологии господствующий класс.

Государство у нас рабочее, господствующий класс—пролетариат. Пролетарскую диктатуру осуществляет авангард рабочего класса, лучшие силы пролетариата, собранные в ряды РКП. РКП осуществляет диктатуру пролетариата, в частности строит, организует и руководит Красной армией через Советы и профсоюзы. А это, в свою очередь, означает, что партийные съезды намечают основные линии военной политики и поручают проводить ее, в промежутках между съездами, Центральному Комитету РКП. Последний выделяет Политбюро, которое, на основе вынесенных партсъездами решений, а также на основе постановлений пленумов ЦК, выносит свои резолюции и проводит их через губкомы, укомы и ячейки, а также через коммунистические фракции Советов и профсоюзов и других органов, и, наконец, поскольку идет речь об армии, через членов РКП, командированных партией на военную работу, занимающих в армии по линии военной иерархии различные посты (в частности через члена РКП тов. Троцкого, состоящего Председателем Революционного Военного Совета СССР), а также через армейские политорганы (политотделы, комиссарский аппарат, армейские коммунистические ячейки).

Как видим, теория строительства вооруженных сил пролетариата, содержащаяся в параграфе 41-м политического устава, не имеет ничего общего ни с марксистской теорией (армия—военный слепок с существующего строя), изложенной еще Энгельсом, ни с проверкой этой теории практикой строительства классовой армии пролетариатом СССР.

Изложенная в параграфе 41-м теория состоит в ближайшем родстве с той «военно-канцелярской романтикой», которую тов. Троцкий беспощадно высмеивал год назад в фельетоне «О казенщине военной и всякой иной», помещенном в «Правде» от 4 декабря 1923 г. Вот что он писал тогда: «Когда люди из-за привычной формы перестают думать о содержании, самодовольно употребляют условные фразы, не задумываясь об их смысле... и, наоборот, пугаются каждого нового слова критики, инициативы,

самостоятельности, то это значит, что в отношения въелась опаснейшая ржавчина казенщины».

Это—вполне правильная мысль, и, надо сказать, попадает она автору параграфа 41-го политического устава не в бровь, а в глаз.

На совещании военно-политических работников,—продолжает тов. Троцкий,—я приводил в качестве невинного, на первый взгляд, примера казенной идеологии кое-какие исторические очерки наших воинских частей... Значительная часть этих исторических очерков,—нечего греха таить,—написана на мелодию: «Гром победы, раздавайся». Скажу еще прямее. Иные книжки, посвященные нашим красноармейским частям, прямо-таки напоминают исторические очерки блаженной памяти гвардейских и кавалергардских полков... История каждого из наших «старых» полков (4—5 лет—это уже старый возраст в революции) чрезвычайно интересна и поучительна, если рассказать ее правдиво, жизненно, т.-е. по возможности так, как она развертывалась в поле и казарме. Вместо этого мы нередко находим героическую легенду, при чем легенда-то самого казенного образца. Почитаешь: в наших рядах—сплошь герои, все до единого рвутся в бой, враг всегда имеет численный перевес, все наши приказы всегда разумны, исполнение на высоте и пр., и пр. Величайший героизм в военном деле, как и в революционном,—это героизм правдивости и ответственности.

Все это превосходно сказано и применимо к истории не только отдельных полков, но и всей Красной армии в целом. Все это настолько бьет странную теорию, изложенную в параграфе 41-м, что тов. Троцкий, несомненно, вместе с нами отбросит ее, как негодную для пролетариата и его партии, как выгодную врагам пролетариата и его диктатуры, а потому политически вредную. Это тем более необходимо со стороны тов. Троцкого, что выпущенный им в четырех книгах (всего будет 5 с текстом до 2.000 страниц) сборник его статей, речей и приказов, посвященных нашему военному строительству («Как вооружалась революция»), может, вопреки желанию тов. Троцкого, стать подпоркой для немарксистской теории, изложенной в параграфе 41. На протяжении полуторых тысяч страниц вы едва ли наберете пару сотен строк, в которых говорится о роли партии, политотделов, комиссаров, коммунистических ячеек, профсоюзов. Да притом эти строки рассыпаны по две, по три, в разных местах и разыскать их—дело нелегкое. Это—очень крупный дефект этих книг, носящих ответственное название «Как вооружалась революция». Вооружалась революция всем рабочим классом через РКП, через профсоюзы, через Советы, а впечатление от книги тов. Троцкого может получиться, особенно у неосведомленного иностранного читателя, который сам периода строительства вооруженных сил пролетариата не переживал, совершенно неправильное,—как-будто бы дело это на девять десятых проделывалось статьями, речами, приказами, репрессими и организационными мерами тов. Троцкого. Сам-то тов. Троцкий такого впечатления от своего сборника не хотел. Он—решительный противник «военно-канцелярской романтики». И именно потому очень жаль.

что он не использовал случая для того, чтобы, по крайней мере, в предисловии исправить этот крупный недостаток сборника. Если бы ЦК РКП, ЦК национальных партий, губкомы, губисполкомы, ВЦСПС, ЦК профсоюзов, губотделы профсоюзов, реввоенсоветы фронтовые и армейские, политотделы фронтовые, армейские и дивизионные, комиссары всех рангов и специальностей и пр., и т. д.[1]) издали бы свои постановления, приказы, речи, статьи и пр., то только в этом случае получилась бы правильная история Красной армии, а не изуродованное в кривом зеркале параграфа 41-го военно-канцелярское отражение ее. Но это было бы такое море сырых материалов, что 2.000 страниц сборника тов. Троцкого растворились бы в них так же незаметно, как две сотни строк, посвященных тов. Троцким роли РКП, Советов и пр., незаметно растворились в этих двух тысячах страниц текста. К тому же груды сырых материалов, без критической проверки их, без указания сделанных ошибок, без разъяснения конкретных обстоятельств, вызвавших то или иное постановление, тот или иной приказ, для наших заграничных друзей (а на них сборник тов. Троцкого частично рассчитан) пища совершенно неперевариmая. Уж ежели подытоживать опыт гражданской войны, если делать из него необходимые выводы, если составлять «устав гражданской войны», то надо это делать так, чтобы наши заграничные друзья получили этот опыт в чистом, не засоренном «военно-канцелярской романтикой», не затуманенном «легендами казенного образца» и не разъеденном «ржавчиной казенщины» виде [2]).

Однако, просто выбросить теорию параграфа 41-го политического устава, просто пройти мимо нее, просто посмеяться над не в меру услужливым пуровским чиновникам нельзя. Пуровские чиновники не живут в безвоздушном, внеклассовом пространстве. Как и все советские граждане, они дышат воздухом СССР, а воздух этот, как известно, насыщен мелкобуржуазными испарениями.

Теория параграфа 41-го сплошь мелкобуржуазная. В этом ее классовое политическое значение.

Мы, ленинцы, выросли в такую эпоху, когда заниматься академическими вопросами было некогда, когда все силы и все время приходилось посвящать политике. А потому мы привыкли не заниматься академическими вопросами. Но всякий академический вопрос может в известный момент стать и становится вопросом политическим, т.-е. вокруг него начинается политическая борьба партий, а также внутрипартийных группировок. Академические споры приобретают тогда политическое значение. Наиболее яркий пример такого перехода академических споров в политические представляет философская борьба Ленина с эмпириомонистами, эмпириокрити-

[1]) Было бы желательно, чтобы СТО опубликовал наиболее существенные материалы, касающиеся организации обороны и участия в работах СТО тов. Ленина.

[2]) К продуктам той же «военно-революционной романтики» относится и утверждение параграфа 41-го, что «за границей тов. Троцкий продолжал дело служения рабочему классу». Следовало бы сказать: «дело меньшевистского (троцкистского) служения рабочему классу».

цистами и пр. (см. его «Материализм и эмпириокритицизм»), которые в годы упадка рабочего движения и чрезвычайного ослабления РКП стремились подкопаться под последний устой большевизма—марксизм.

В настоящее время теория параграфа 41-го стала политическим вопросом. Сотни, тысячи раз повторяли привычную фразу: «Тов. Троцкий—организатор и вождь Красной армии», и от этого ничего худого в политическом смысле не было. А теперь мелкобуржуазная теория параграфа 41-го становится политически вредной.

Мелкий буржуа, мелкий собственник, работающий в своем одиночном хозяйстве на себя, по условиям своего производства не будучи связан с другими, ему равными и подобными мелкими хозяйчиками, лишен, в противоположность пролетариату, собранному на фабриках и в городах, возможности, а следовательно, и способности организоваться. В силу своей двойственной классовой природы, он либо возводит свою неспособность к организации в мелкобуржуазное учение об анархическом обществе, лишенном каких бы то ни было организационных элементов, не только в политической области, но и в хозяйственной, либо, почувствовав свою организационную беспомощность, начинает искать организатора, который ему все устроит, все наладит, во всем наведет крепкий порядок. Теория Михайловского о героях и толпе, бесконечно нудные споры русских народников против марксистов по вопросу о роли личности в истории, наконец, параграф 41-й политического устава,—все это птенчики из одного и того же мелкобуржуазного гнезда.

Мелкая буржуазия, проживающая на территории СССР под пролетарской диктатурой и пользующаяся благами новой экономической политики, развивается в сторону капитализма, т.-е. выделяет кулака. А кулак хочет отбить у нас армию. Еще в 1920—1921 гг. мы наблюдали, при стационарном расположении частей Красной армии (например, 1-й Конной армии в Екатеринославской губ.), попытку кулаков отвоевать у нас армию. С тех пор кулак стал идеологически значительно сильнее, и ему теперь легче «отбивать» у нас армию. И понятно, он обязательно, неминуемо использует, не может не использовать теорию параграфа 41-го, сводящего на-нет роль РКП в организации Красной армии. Классовые враги пролетариата воспользуются всяким случаем, чтобы подставить РКП ножку. Автор параграфа 41-го этой опасности не видит и своей мелкобуржуазной теорией нашим классовым врагам только помогает. Красноармейца надо теперь учить тому, что организатор и вождь Красной армии—Российская Коммунистическая Партия. Об этом ему нужно твердить изо дня в день, это надо в него «вдалбливать». Это верно теоретически, это верно практически, это верно исторически. Тов. же Троцкий—член ЦК этой партии, по ее поручению и по ее директивам выполняющий трудную работу в Красной армии, в качестве Председателя Революционного Военного Совета СССР.

Впрочем, к последнему положению нам придется внести существенную поправку. Надо было бы сказать: не всегда выполняв-

ший эту работу, не всегда работавший по директивам партии, расходившийся иногда с партией. И на этой стороне дела мы можем остановиться теперь только потому, что она в настоящее время потеряла исключительно исторический (академический) интерес и приобрела политическое значение. Раз мы собираемся учить наших заграничных друзей искусству строительства вооруженных сил пролетариата, то недопустимо было бы, политической ошибкой было бы «из-за третьестепенных соображений персонального характера» (выражение тов. Троцкого в предисловии к «1917 г.») умалчивать о тех политических трудностях, которые пришлось нашему ЦК переживать в тех случаях, когда тов. Троцкий расходился с ним по вопросам военной политики.

Изложение наше в силу этого приобретает характер исторического повествования.

Расскажем два наиболее крупных случая:

28 апреля 1919 г. наши армии, отброшенные Колчаком к рекам Волге и Вятке, воспользовавшись распутицей для того, чтобы перестроиться, начинают контр-наступление. Успех всей операции покоился на постоянном обходе левого (южного) фланга Колчака, вследствие чего он вынужден был, из опасения глубокого обхода в тыл, откатываться назад всем фронтом от Оренбурга до Перми. Операция с самого начала протекает с блестящим успехом. Колчак никак не может спасти своего левого фланга, мы постоянно обходим его, и его армии летят назад с средней скоростью в 10 верст в день с боями. И не только летят назад, но и быстро разлагаются, рассыпаются, сдаются.

Через 7 дней после начала операции, неожиданно, без запроса революционного военного совета восточного фронта, состоявшего в это время из тт. Лашевича, Юренева и меня, командующий фронтом С. С. Каменев (будущий главком) снимается с поста.

Вот приказ тов. Троцкого по этому поводу:

> Армиями восточного фронта в течение 8 месяцев руководил С. С. Каменев. Под его командованием армии нанесли не один удар чехо-словакам, бандам Дутова и Колчака. Под руководством тов. Каменева, войска восточного фронта вернули Советской Республике Уфу, Оренбург, Уральск. Вследствие ряда причин наш восточный фронт временно ослабел, и Колчак снова овладел Уфой, оттеснив наши войска на значительное расстояние. Однако, за последние недели предприняты были восточным фронтом, под руководством командующего тов. Каменева, энергичные меры по восстановлению положения. Меры эти уже привели к первым серьезным успехам. На большей части линии восточного фронта армии наши перешли в успешное наступление. Напряженная и непрерывная работа командующего восточным фронтом вызвала потребность во временном отдыхе. Увольняя тов. Каменева в шестинедельный отпуск и выражая ему благодарность от имени Красной армии, твердо надеюсь, что войска восточного фронта, под руководством нового командующего А. А. Самойло, разовьют уже полученные успехи и дадут Советской Республике полную победу над Колчаком. («Как вооружалась революция». Том второй, книга первая, стр. 371).

Назначенный вместо С. С. Каменева командующим восточным фронтом А. А. Самойло—прекрасный штабной работник, специалист по разведке, а также П. П. Лебедев (будущий начальник штаба РККА), заменивший прежнего начальника штаба восточного фронта, один из лучших, если не самый лучший, самый образованный штабной работник,—оба с первых же дней обнаружили недостаточное знакомство с оперативными вопросами, недостаточное искусство в оперативном управлении армиями фронта. В старой армии обоим им, насколько мне известно, пришлось работать почти исключительно на штабных должностях, чем, вероятно, и объяснялось то обстоятельство, что они производили на фронте впечатление новичков. Для членов РВС восточного фронта создалось чрезвычайно тяжелое, невыносимое положение. Мы видели, что директивы даются неправильные, ошибочные, что через голову командующих армиями фронтовое командование пытается управлять дивизиями, что фронтовое командование нервничает, часто меняет директивы, дергает армии и дивизии и пр. Об этом мы открыто говорили А. А. Самойло и П. П. Лебедеву, при чем споры у нас происходили с ним прежестокие. Командующие армиями также начали нервничать и,—небывалая почти вещь,—открыто выступали против фронтового командования и открыто критиковали исходившие от него директивы. Отношения между фронтовым командованием и армейским приняли крайне ненормальный характер. Фронт начинал разлагаться. И тогда мы прибегли к единственному средству, которое оставалось у нас, как у членов партии. Мы засыпали наш ЦК длиннейшими телеграммами с требованием вернуть С. С. Каменева на фронт. Телеграммы эти в наших архивах пока найти не удалось, но, видимо, они было достаточно убедительны,—через месяц С. С. Каменев, по постановлению ЦК, вновь принял командование восточным фронтом.

В качестве наследия этого расхождения между революционным военным советом восточного фронта и тов. Троцким (тов. Смилга, незадолго до этого переведенный с восточного фронта на должность начпура, целиком поддерживал точку зрения РВС восточного фронта) оставалась ошибочная директива главкома Вацетиса о том, чтобы, в целях выделения нескольких дивизий на южный фронт, где к этому времени, вместо ожидавшейся ликвидации белогвардейщины, стало развертываться наступление Деникина, восточный фронт закрепился на берегах Камы и Белой. Спор об этой директиве был впоследствии перенесен вместе с другими военными вопросами на пленум ЦК. Поэтому необходимо немного остановиться на разборе ее.

Как уже сказано было выше, Колчак никак не мог остановиться, передохнуть, закрепиться и произвести контр-удар. Мы непрерывно гнали его, не давая ему ни единого часа отдыха. И это гораздо больше расстраивало его ряды, чем боевые столкновения. «Закрепиться» на берегах Камы и Белой и выделить при этом несколько дивизий—это означало остановиться на берегах Камы и Белой и подготовиться к обороне, т.-е. дать Кол-

чаку возможность передохнуть и перейти в контр-наступление. При неустойчивости войск гражданской войны, в особенности, когда они не наступают, а обороняются, Колчак, отдохнув, шутя прорвал бы наш фронт и заставил бы наши войска опять отступать к Волге. Это—во-первых.

Во-вторых. Наши наступающие части, окрыленные блестящим успехом первых недель, неудержимо рвались вперед. Остановить их при том революционном подъеме, который их охватил, значило бы не более, не менее как рисковать тем, что в них возникнет грозное подозрение в измене со стороны командного состава.

В-третьих. Впереди, как-раз за реками Камой и Белой, Красную армию ждали десятки тысяч свежих, крепких резервов из уральских рабочих, ненавидевших Колчака смертельной ненавистью.

В-четвертых. Именно не приостановкой на Каме и Белой, а максимально быстрым продвижением вперед можно было достигнуть наискорейшего выделения дивизий и переброски их на южный фронт. И вот почему. Прежде всего, не давая отдыха войскам Колчака, мы достигали их быстрого разложения и численного уменьшения, вследствие чего у нас получался относительный избыток сил. Затем мы получали пополнение впереди из уральских рабочих и сибирских крестьян и, следовательно, возрастали в численности абсолютно. Наконец, чем дальше на восток, тем короче линия фронта, тем меньше нам нужно войск. При начале наступления наш фронт достигал полуторы тысяч верст, у Уральских гор он не превышал 1.000 верст, за Тюменью он сокращался до 400 500 верст, а еще далее к востоку не превышал 30—40—50 верст.

Вывод из всего этого был один: наступать, наступать и наступать. Наступать, не задерживаясь, не закрепляясь, не оглядываясь назад, неотступно преследуя Колчака. Только так можно было наискорейшим и наивернейшим способом и помочь южному фронту и разгромить Колчака. Все эти соображения, в свое время сообщенные ЦК, были полностью оправданы дальнейшим ходом операций. Дивизии с восточного фронта (если не ошибаюсь, 5 дивизий) были в заранее намеченные сроки переброшены на южный фронт. Намеченный против Деникина удар верстах в 70-ти к югу от Орла (со стороны Брянска) запоздал дней на 8—10 и пришелся не южнее, а севернее Орла (верст на 15). Объясняется это запоздание начавшимся в это время параличом железных дорог.

Расхождение между революционным военным советом восточного фронта и тов. Троцким было усилено несогласием членов РВС с методами работы тов. Троцкого. Эти методы были хороши для начальной фазы строительства Красной армии (эта начальная фаза описана мной в статье «Свияжские дни», «Пролетарская Революция», 1924 г. № 2), когда необходимо было жестокими мерами преодолеть партизанщину и недисциплинированность, снабжение же приходилось производить методами партизанскими (снабжение на местах и случайные, без плана, марш-

рутные поезда, которые привозил с собой тов. Троцкий). Но к весне 1919 г., особенно на восточном фронте, быстро справившемся с партизанщиной и наладившем уже прочную организацию снабжения, эти методы устарели. В этом случае с тов. Троцким произошло то самое, о чем говорится во французской пословице: «Наши недостатки являются продолжением наших достоинств». Методы 18-го года были хороши для 18-го года, но были непригодны для 19-го.

В конце упомянутой мной статьи «Свияжские дни», по поводу расстрелов, произведенных 29-го августа на берегу Волги (в числе расстрелянных было три коммуниста, из них один старый член партии), я писал: «В тот момент, когда этот расстрел был произведен, и в той обстановке, в какой он был произведен, это была безусловно правильная и необходимая мера. Этот расстрел красной кровавой чертой подводил итог предшествовавшему партизанскому, хаотическому периоду существования Красной армии и был последней переходной ступенью к регулярной дисциплине».

Вот этой красной черты тов. Троцкий не заметил. На этой почве у тов. Троцкого возникло столкновение с Ревсоветом 3-й армии (Берзин, Смилга и Лашевич). Вот в чем оно заключалось:

Тов. Троцкий отправил в октябре 1918 года Ревсовету III армии следующие две телеграммы:

1) «Предлагаю немедленно сообщить, каковы, по вашему суждению, главные причины полной неудачности действий третьей армии. Опыты других армий свидетельствуют, что успеха нет, когда плохи командующие и комиссары. Предлагаю раз в неделю давать телеграфно общий обзор внутреннего состояния армии, командиров, комиссаров. Ясно, что в отношении третьей армии нужны радикальные реформы. 8—X. № 399. Предреввоенсовет Троцкий».

2) «Около двух недель назад из Пермской дивизии перебежало несколько офицеров. Я требовал составления послужных списков с указанием места пребывания их семейств для немедленного ареста таковых, никакого ответа не получил. Равным образом требовал ответа, расстреляны ли комиссары дивизии и полков, допустившие измену лиц командного состава. Ответа не получил. Требую немедленного разъяснения по всем пунктам. 18-го № 598 Предреввоенсовет Троцкий».

Тов. Смилга и Лашевич ответили тов. Троцкому следующим рапортом:

«В ответ на телеграммы ваши за №№ 399 и 598 честь имеем заявить нижеследующее:

Вы запрашиваете нас о причинах «полной неудачности действий третьей армии». О каких неудачах идет речь?

Во время операции под Казанью и Симбирском нам была дана определенная задача приковать неприятеля, которую мы как-будто *удачно* выполнили. Командиром Берзиным была получена телеграмма от Главкома, из которой явствует, что на-

ряду со славным именем Тухачевского должно стоять и славное имя Берзина и пр. в этом же духе.

Теперь 3-я армия готовится к выполнению последней задачи, к наступлению на Екатеринбург и Челябинск. Эта задача поручена нам и 2-й армии и будет выполнена, как только придет обещанная Главкомом дивизия. Если же вообще темп наших наступательных операций кажется РВСР слишком медленным, то разрешите обратить ваше внимание на следующие обстоятельства:

1) Было время в начале операций, когда фронт 3-й армии тянулся от Ишима до Красноуфимска, т.-е. на расстоянии 920 верст. Силы же наши не превышали 6—7 тысяч человек. Ясно что армия тогда не могла выдержать удара противника, ибо он явился совершенно неожиданно.

Теперь наш фронт идет от Надеждинска до Бик-Бардинского. Он сильно сократился, но еще и теперь длиннее, чем взятые вместе фронты второй, четвертой и пятой армий.

2) Кроме того, не следует забывать, что нам приходится воевать в местности, населенной кулачеством, которое настроено, в лучшем случае, не против нас и не за нас. Единственный источник бойцов—рабочие Северного Урала. Двадцатитысячная армия и создана исключительно своими силами. Пополнения из центра брать в расчет не приходится. В течение двух последних месяцев мы получили из Петрограда около 1.000—5.000 штыков. Но почти такое же количество бойцов, по приказу Главкома, мы отдали 2-й армии, для действий против Ижевска.

К этому еще считаем необходимым добавить, что не было ни одного дня, когда наша сводка отмечала бы затишье на фронте. Наши потери в среднем от 300—500 человек в день убитыми, ранеными, больными. Были бои, когда из строя выбывало до 2.000 чел. Бороться же приходится все время с регулярными чешскими войсками.

Теперь по вопросу о командирах и комиссарах. Лучше всего будет, когда мы назовем их имена. Они должны быть известны Рев. Воен. Сов. Республики.

4 дивизия—Блюхер, бывший командующий Южно-Уральской армии, получил 1-й орден Красного Знамени.

5 дивизия—Дамберг, соратник Блюхера.

3 дивизия—Эйдеман, видный работник в Сибири, бывший командующий Сибирской армией.

Сводная дивизия — Овчинников, георгиевский кавалер всех степеней, имеет благодарность от вас за дела против немцев.

Из них Блюхер—солдат, остальные—бывшие офицеры. Комиссары дивизий и бригад: Бакаев, Залуцкий, Зоф, Бела-Кун, Мрачковский, Лацис.

У нас не вошло в привычку много писать о подвигах наших бойцов. Но если бы это потребовалось, то мы уверены, что нам не пришлось бы краснеть за руководителей 3-й армии.

Выводы: Для успешных активных операций нужны подкрепления. Одной дивизии надежных войск достаточно для форсирования обоих порученных нам пунктов. Нужно немедленно заме-

нить мобилизованных пермяков другими частями. Территориальные войска доказали свою непригодность при принудительной мобилизации.

Согласно второй телеграмме, мы должны расстрелять, помимо других, Бакаева и Залуцкого. Этого сделать мы не можем, ибо не считаем их виновными. Просим отдать нас под суд за неисполнение боевого приказа. 14 октября 1918 г. Члены Реввоенсовета 3-й армии Смилга и Лашевич».

Одновременно тт. Смилга и Лашевич обратились в ЦК со следующим заявлением:

«Уважаемые товарищи! Просим ЦК нашей партии ознакомиться с полученными нами от тов. Троцкого телеграммами и нашим рапортом.

Мы совершенно отметаем в сторону все личные мотивы, хотя не скрываем, что телеграммы Председателя Военно-Рев. Совета республики были для нас чрезвычайно неприятным сюрпризом. Для пользы дела считаем нужным сделать Центральному Комитету следующее заявление:

Для нас совершенно очевидно, что центр не имеет верной картины борьбы на Урале. Из нашего рапорта видно, что разговор об Урале, как о бездонной бочке, поглощающей бесцельно массу войск, есть не что иное, как болтовня неосведомленных людей. Все резервы, предназначенные для нас, были переадресованы на поволжский фронт.

До прихода свежих войск от нас нельзя требовать успешных активных операций. Ни один из наших полков не побывал еще в резерве. Имеются части, которые пять месяцев не сходят с позиций. Ясно, что они устали смертельно и неспособны на наступление.

Теперь о комиссарах. Мы категорически протестуем против крайне легкомысленного отношения тов. Троцкого к таким вещам, как расстрел. Он, узнав, что в каком-то полку перебежало несколько офицеров, требует расстрела комиссаров полка и дивизии.

По точному смыслу телеграммы, мы должны были расстрелять помимо других, Бакаева и Залуцкого. Этого мы, конечно, не сделали. Почему только этих комиссаров нужно расстреливать? У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены. Нужно было бы перечислить половину революционного военного совета, ибо назначенный им когда-то командующий третьей армией Богословский сбежал, не приняв командования. Результатом таких телеграмм является лишь подрыв авторитета т. Троцкого и комиссаров.

Мы неоднократно указывали, что при принудительной мобилизации мы должны отказаться от создания территориальных войск. Мобилизованные крестьяне будут драться в своей губернии, в своем уезде. Это ясно. И эту ошибку военной политики не исправить никаким террором.

Заканчивая, мы не сможем не сказать ЦК, что, по нашему мнению, оценку нашей работы может дать только ЦК, а не

отдельные члены, хотя они формально и являются нашим «непосредственным начальством». Члены ЦК Смилга, Лашевич. 14 октября 1918 г.».

Политическая сторона этого столкновения в том, что военные отношения дисциплины и подчиненности вошли в конфликт с партийными отношениями и преодолели их. Это резко подчеркнуто в заключительных словах заявления тт. Лашевича и Смилги, которые противопоставляют военную дисциплину, формальное подчинение «непосредственному начальству», дисциплине партийной. Партийную дисциплину они правильно ставят выше военной, ибо, хотя формально строит армию военное ведомство, но на деле, организатором армии и руководителем всей военной политики является партия. Эту сторону вопроса тов. Троцкий всегда учитывал недостаточно. Скелет армии состоял из рабочих, а коммунисты играли в этом скелете роль спинного хребта. Ломать этот хребет было вещью недопустимой. А тов. Троцкий в порыве военно-дисциплинарного экстаза именно это пытался сделать по отношению к 3-й армии. Явное «переадминистрирование».

Армия есть военный слепок с общества и соответственно с этим партийная организация внутри армии есть «военный слепок» с партии. Практически это означает, что демократические права армейской парторганизации сильно сужены, особенно право выбирать. В частности, армейские и дивизионные политотделы, руководящие всей политработой в армии, в том числе и партийной, не выборные органы, а назначенские. Вследствие гораздо более строгой, чем в других ведомствах, служебной субординации при таком сужении демократии армейских парторганизаций всегда имеется опасность полной подмены партийной дисциплины, партийных отношений товарищества—военными отношениями субординации и дисциплины. Это не раз бывало. Как наиболее яркий пример, можно указать одну парт'ячейку в Северо-Кавказском военному округе, в которой «военнизация» партийных отношений дошла до того, что, когда комиссар приходил на собрание ячейки, секретарь ее командовал: «Смирно! Всать!». Такое оказенивание партработы, понятно, создает превосходную почву для обильного урожая всех видов военной казенщины.

Найти правильное сочетание военных и партийных отношений дело нелегкое. Тут требуется немало такта и чутья, которые вырабатываются только долгим пребыванием и работой в партии.

В тесной связи с методами работы тов. Троцкого, нашедшими свое яркое выражение в конфликте с РВС 3-й армии стояло и то тяжелое положение, которое создалось в центре. Рев. Воен. Сов. Республики не было, хотя в нем и числилось чуть ли не 15 членов. Он не собирался. Военный Комиссариат был без коллегии. Управление делами Рев. Воен. Совета Республики и Всероссийский Главный Штаб от армий и фронтов были оторваны. Полевой штаб находился в Серпухове и не занимался ни организационными делами, ни снабженческими, т.-е. 95% работы главного командования были изъяты из ведения Главкома, и он должен был оперировать, не имея достаточной возможности влиять на

операции главным доступным ему путем: организацией новых частей и снабжением.

Короче говоря, военного центра, планирующего, централизующего, управляющего не было.

Тов. Троцкий пытался единолично превратиться в такой центр, передвигающийся по фронтам, и продолжал работать все теми же партизанскими методами 18-го года: маршрутные поезда (вместо планомерного снабжения), чрезмерное обилие всяческих нажимов и репрессий, мало организации, много агитации. Эту систему работы тов. Троцкого один товарищ (если не ошибаюсь, тов. Смилга) метко охарактеризовал, как «систему организованной паники» (это только другая форма «переадминистрирования» и «аппаратной точки зрения»).

В середине июля 1919 г. положение стало таким, что пленум ЦК вынужден был поставить на повестку три вопроса: о продолжении наступления на восточном фронте, об организации нового Реввоенсовета Республики и о замене Вацетиса Каменевым. По всем этим вопросам ЦК согласился с предложениями восточного фронта. Тов. Троцкий был очень недоволен этими решениями, нервничал и подавал в отставку, но в конце-концов через некоторое время решению ЦК подчинился.

Политическая сторона всей этой истории—это тенденция к эмансипации военных дел от партии. (Позже, в лице тов. Сапронова, партия видела такую же тенденцию к эмансипации от партии советских дел).

Гораздо сильнее эта тенденция выступила у тов. Троцкого в 1923 году.

Произошло это так.

Октябрьский пленум ЦК (1923 года) постановил усилить РВС СССР несколькими виднейшими военными коммунистами путем введения их в РВС. Мотивами к этому решению были: 1) Значительное расширение РВС, в связи с образованием СССР, за счет представителей национальных республик. Необходимо было в этом расширенном РВС обеспечить партийную линию образованием внутри его крепкого партийного ядра. 2) Необходимость увеличить число военных работников в виду того, что тов. Троцкий, занятый другими делами, не уделял военной работе достаточного внимания. 3) Необходимость оживить деятельность РВС СССР, который собирался очень редко и работал нерегулярно. 4) Тяжелое положение Красной армии (огромная текучесть личного состава армии, вследствие отсрочки на один год призыва контингента родившихся в 1902 г., которая, в свою очередь, срывала обучение и политобработку красноармейцев и привела снабжение Красной армии к тяжелому кризису).

Тов. Троцкий в исключительно резкой форме протестовал против постановления пленума ЦК о введении в РВС СССР новых членов. Начавшаяся вслед за этим пленумом дискуссия перенесла спор с тов. Троцким в другую область.

Но ЦК не мог оставить армии без внимания, и январский

пленум (1924 года) нашел необходимым образовать комиссию для обследования текучести и снабжения Красной армии.

На основании данных обследования комиссия пленума ЦК выработала ряд предложений, которые и легли в основу той обширной реорганизации Красной армии, которая началась весной 1924 года.

Таковы факты. Их политическая «мораль», политический урок, которому эти факты учат,—это опасность отрыва администрирования от политики, советского аппарата от партийного аппарата, в частности армии от партии. За последние годы партия не раз обсуждала тенденции к подобному отрыву и не раз их осуждала. Теперь партия (и не только наша, но и все входящие в Коминтерн партии) имеет возможность изучить эту тенденцию в наиболее крупном, в наиболее резком ее проявлении и в таком пункте, где она наиболее опасна. Именно в военном деле эта тенденция вырастает быстрее и сильнее, чем во всякой другой отрасли управления в силу объективных условий: огромный аппарат военного ведомства, обладающий тяжелыми силами инерции, а потому бюрократизирующийся, доведенная до предела централизация, строжайшая дисциплина и, наконец, чрезвычайно суженные по необходимости права армейских парторганизаций.

Вот почему совет заграничным товарищам: когда у них будет своя армия, за военными делами глядеть в оба и никакого отрыва армии от партии не допускать.

Да и нам об этом правиле забывать не след.

Как мы видели, на отрыве марксизма от военной науки, политики от военного дела вырастает не только отрыв политработы от коммунизма, но и отрыв армии от партии. Не случайно эти три тенденции сплетаются в единый уклон. Но случайно политическое значение этих трех тенденций совпадает.

«Люди всегда были и всегда будут,—писал тов. Ленин,—глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обращениями разыскивать интересы тех или иных классов» («Три источника и три составных части марксизма»).

А из этого вытекает в применении к нашей теме два следствия:

1) Не о лицах, а о классовой подоплеке политических и социальных фраз, заявлений, обещаний этих лиц шла у нас речь.

2) Параграф 41-й политустава вместе с тезисами о военной пропаганде и «антимарксистскими» статьями тов. Троцкого пора сдать в то отделение истпартовского архива, над входом в которое стоит надпись: «Мелкобуржуазные уклоны».

Кто создал Красную армию.

У марксистских писателей, писавших по военным вопросам, неоднократно указывается, что новую тактику изобретали не офицеры, а солдаты. Солдаты были умнее офицеров. Офицеры видели в новых приемах ведения боя, изобретенных солдатами, недопустимое нарушение прежних правил и сильно сопротивлялись введению новой тактики.

Это замечание марксистов-писателей может многое осветить в истории строительства Красной армии.

У нас в истории Красной армии обычно сильно преувеличивают роль отдельных личностей и отдельных организаций, а роль масс сильно преуменьшают.

История Красной гвардии, до сих пор еще не написанная, показывает, какое большое значение в ее организации имела революционная инициатива рабочих масс. Неменьшее значение имела и революционная инициатива рабочих и солдатских (крестьянских) масс при организации многочисленных партизанских отрядов.

Конечно, для такого массового революционного почина дело в огромной степени облегчалось тем, что массы имели в своих руках оружие и военный опыт, вынесенный из войны. Это обстоятельство сыграло решающую роль уже во время Февральской революции: в течение пары дней рабочие и солдатские массы Ленинграда и Москвы выделили самочинно ряд мелких отрядов, занявшихся самостоятельной борьбой с контр-революцией и с контр-революционерами. Инициатива ими при этом была проявлена гигантская.

То же повторилось, но уже в более стройном и организованном виде и под общим руководством Ленинградской и Московской организаций РКП и частично партии левых эсеров, и в Октябрьскую революцию.

Именно эта революционная самодеятельность красногвардейских и партизанских отрядов больше всего поражала и изумляла старых офицеров царской армии. За внешней недисциплинированностью, за плохой организованностью, за низкой обученностью этих отрядов они опытным военным глазом сумели рассмотреть

самое важное: огромную решимость на беспощадную борьбу, смелость, неустрашимость, и непрерывное и неутомимое искание «врага» (главный источник инициативы).

В отсталой крестьянской стране, крестьянские и рабочие массы не могли, однако, пойти далее отрядов партизанского типа, которые, при всех их достоинствах (недостаточно оцененных), страдали крупными недостатками. Поднять партизанские отряды выше, придать им организованность, улучшить их обучение, поставить планомерное снабжение,—такую задачу могла взять на себя только передовая часть рабочего класса—РКП. Это было возможно только при условии решительной борьбы против партизанских недостатков. Не раз случалось, что били не только по недостаткам партизанщины, но и по достоинствам. Это было ошибкой.

Задачу собирания красногвардейских и партизанских отрядов в правильно построенную армию партия могла взять в свои руки лишь после того, как сама окрепла, т.-е. во вторую половину 1913 г. Но без инициативы сотен тысяч низовых партийных, советских и армейских работников, а также самих красноармейцев, она никогда бы с этой задачей не справилась. Партийные центры определяли военную политику, мобилизовали из рядов партии десятки тысяч организаторов и давали массам лозунги. А массы ухватывали эти лозунги и проводили их в жизнь.

Достаточно вспомнить лозунг: «Пролетарий, на коня», и то, как он был претворен в жизнь, чтобы на этом примере увидать всю механику строительства Красной армии.

Именно кавалерия (род оружия, который организовать всего труднее) была создана по преимуществу рабочими и крестьянскими массами, а командный состав ее был выделен в подавляющем большинстве из партизан. Партия же сумела придать конным массам стройную организацию, снабдить и обучить их и в некоторой степени (далеко не в такой, как в пехоте), преодолеть ее партизанские недостатки. Партизанский «дух», т.-е. партизанские достоинства (инициатива, гибкость, подвижность) и партизанские недостатки (малая дисциплинированность), тесно связанные между собою («наши недостатки являются продолжением наших достоинств»,—правильно говорит французская пословица), более всего сохранились в красной кавалерии.

В седьмую годовщину Красной армии уместно вспомнить огромную роль революционных масс в ее строительстве.

Пожелаем, чтобы к восьмой годовщине Красной армии была написана история того, как революционные рабоче-крестьянские массы построили, под руководством РКП, свои вооруженные силы.

23 февраля 1925 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.